

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ в письменных и археологических источниках

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Материалы
международной научной
конференции
Москва, 13—14 октября 2016 г.

Москва
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С75

При поддержке
Российского исторического общества

Утверждено к печати Учеными советами
Института археологии РАН,
Института российской истории РАН

Ответственные редакторы:
Л.А. Беляев, Н.М. Рогожин
Редакторы:
И.И. Елкина, С.М. Шамин

С75 Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН. — М., 2016. — 256 с.

ISBN 978-5-8055-0308-6

В издании публикуются материалы, подготовленные к научной конференции, которая пройдет 13–14 октября 2016 г. в Москве. В рефератах и тезисах докладов участников конференции подняты проблемы отражения личности человека средневековья в исторических и археологических источниках. Книга предназначена историкам, археологам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0308-6

© Институт археологии РАН, 2016
© Институт российской истории РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

Средневековая личность в письменных и археологических источниках: новые горизонты

Задачи истории как науки в разные эпохи формулировали по-разному. Но с самого зарождения вопрос изучения персонажей прошлого стоял на одном из первых, если не просто на первом, месте. Это так естественно: человек стоит в центре любой науки, сколь бы далекой от «антропологии» она ни казалась.

Уже классический мир представил исключительно яркие образцы историко-биографического жанра: на базе сравнительных жизнеописаний (Плутарх), восстановления деяний выдающихся личностей (Ксенофонт и его «Киропедия», бесчисленный ряд «Александрий»), нарративов от Тита Ливия до Светония, основанных на анализе следующих одно за другим правлений, зарождалась наука о прошлом.

Огромна роль взаимоотношений «божественной сверхличности» с земными действующими лицами Священной истории, которая писалась как история избранного народа и как его родовая история. Она движется вдоль длинных списков личностей, о которых ничего не известно кроме имен — вплоть до появления того персонажа, которому суждено стать не просто звеном генетической цепи, а действующим лицом в череде событий, понимаемых как «драма истории». Эта архаическая, мифологическая форма встречается нам повсеместно и в историко-художественных сочинениях Средневековья, например, в исландских сагах, практически не содержащих иного материала кроме родовых списков и выступающих из их бесконечного ряда жизнеописаний героя того или иного повествования и связанных с ним «действующих лиц».

Неизбежным окажется и построение ранних европейских анналов и летописей через описание средневековых династий и связанных с ними семей, влияющее на нашу науку до сих пор (и зачастую делающих чрезвычайно трудным усвоение, скажем, истории отношений внутри рода Рюриковичей в XII—XIII веках, до сих пор в значительной мере заменяющей в нашем историческом нарративе полноценную историю). Князьям и воинам Средних веков противопоставят христианские святые, жития которых образуют жанр агиографии (хотя и менее историчный по самой своей этернальной сути).

С началом Нового времени, с эпохой Ренессанса, на «пьедестале биографий» рядом с правителями, полководцами, легендарными геро-

ями-предками и святыми, оказываются творцы нового искусства. Их жизнеописания станут эталонной моделью уже в середине XVI в., начиная, по крайней мере, с трудов Джорджо Вазари и Кареля Ван Ман-дера, но зато мы и сегодня видим их продолжение в бесчисленных книгах о гениях искусства.

Логически наследуя эту традицию и творчески ее развивая, историческая наука в Новое время создала не только в Европе, но и в России истинные шедевры, где достоинства источниковедческих документальных исследований оказались умножены литературной работой, которая не прекращается и сегодня (Н.М. Карамзин и nasledующая ему русская историческая школа).

«Реконструкция», «воскрешение» людей прошлого, включая самых незначительных и незаметных, представлялась конечной целью науки и русским философам (*nec plus ultra* — позиция Николая Федорова).

Наконец, характерная особенность «персонального», биографического жанра — его исключительная привлекательность не только для исследователя, но и для читателя, причем не обязательно профессионального. Опыт показывает, что фундированные труды историков, посвященные историческим личностям, значительная часть общества охотно принимает даже без адаптации, такими, какими они вышли из лаборатории ученого — особенно если они посвящены по-настоящему яркой личности. Так случилось, например, с книгами о Пушкине и Наполеоне.

В XX—XXI столетиях жанр научного исследования персонажей прошлого изменился: ценными и ценимыми стали реконструкции не только творцов истории в любом их облики, но и всех вообще людей, вплоть до самых незаметных. Стало очевидно, что приведение в известность хотя бы одной такой жизни способно очертить эпоху и процессы развития общества с такой четкостью и полнотой, которая попросту недостижима при исследовании традиционных биографий государственных деятелей, святых Средневековья и творческих личностей Нового времени. Через характеры и обстоятельства биографии совершенно по-новому реконструируется социальная среда, семейный быт и вся та житейская, жизненная основа, на которой, собственно, и держится структура общества. Нужно сказать, что люди искусства интуитивно совершили этот поворот к «маленькому человеку» и малой истории раньше, чем его осознала наука. Но к середине XX века он был достигнут и здесь.

Параллельно перевороту на уровне понятий, коренным образом изменился сам инструментарий истории. Существенно усовершенствовались методы анализа письменных источников. Рядом с ними

встала во весь рост археология с ее традиционными и современными методами. Опираясь на естественные науки (включая исключительно быстро развивающуюся антропологию), она с каждым годом расширяет возможности реконструкции жизни отдельных людей. Их имена в большинстве остаются неизвестными, но та степень подробности, с какой восстанавливается их жизненный путь, превосходит самые смелые ожидания. (Впрочем, иногда нам достаются и имена).

Соответственно, возникло много вопросов (чтобы не сказать: «проблем») методики анализа разнородных по характеру источников и предлагаемых ими фактов, которые проходят обработку не только в соседствующих, но и в почти не связанных, едва касающихся друг друга областях науки.

Ведь историк и археолог видят личность прошлого по-разному. Конечно, есть и общее пространство — прежде всего это специальные дисциплины, такие как эпиграфика, нумизматика, сфрагистика, геральдика и другие. Богатейший материал для них постоянно поставляют археологи. При этом они не просто исполняют роль добытчиков. Каждый объект представляется ими в особом контексте, которого зачастую лишен источник, дошедший до нас в составе старой коллекции, архива, музейного собрания. Этот контекст формируют, анализируя конкретный археологический комплекс и привлекая целый ряд лабораторных экспертиз.

Но вслед за этим письменная и изобразительная информация уходит от археологов к историкам, филологам, лингвистам, этнографам и другим специалистам, стремящимся распорядиться новым источником по-своему. Это — вполне традиционный путь, берущий начало в эпоху зарождения научного исторического знания и отражающий не только процедуру исследования, процедуру введения источника в науку, — но и определенную иерархию исторических дисциплин, в которой археологии отводилось (по крайней мере, для письменных периодов) далеко не первое место.

Есть, однако, и области исторического знания, в которых археология должна опираться исключительно на собственный опыт и на поддержку тех наук о природе, которым мало свойствен «персональный», биографический подход, который мы постоянно стремимся выстроить и в собственно-археологическом контексте. Мы все время оглядываемся на незримо присутствующую за нашими материалами личность, все время ищем отпечатки, оставленные конкретным человеком в предметном мире, в окружающей среде, и даже в его собственных, физических, останках — если от них доходит хотя бы часть.

Как правило, конечно, перед нами — не личность в буквальном смысле этого слова, а лишь ее следы. Отдельные черты происхождения и родовых связей. Свидетельства жизненного пути и положения в обществе. Они выражены через владение предметами или их изготовление, через строительную деятельность, через формы обрядов и, особенно, через традиционно важную для археологии погребальную обрядность, да и через многое другое (описать здесь хотя бы суммарно совокупность этих следов вряд ли получится).

Для археологов, как правило, очевиднее преимущества научного изучения истории *вне* пределов личности, путем статистического, типологического и иных «усредняющих» методов анализа собираемых материалов, включая артефакты, сооружения и сведения из области естественной истории. При таком подходе наибольший интерес представляет не столько отдельный индивид, сколько типовая, характерная для своего времени личность. В такой модели выстраивается и соответствующая просопография персонажа, сильно отличающаяся от традиционной; по-иному рисуется картина его бытового поведения или черты его характера (конечно, очень условно, но все же подчас восстанавливаемые).

Это не значит, что археолог обязательно имеет дело с историей больших масс и/или длительного времени — скорее наоборот, ему свойственно изучать множество отдельных сиюминутных подробностей, мелких и мельчайших отпечатков личности, оставленных ею во времени. В каждодневной работе археолог работает с фактами именно малой, даже «сверхмалой» истории. Но они приобретают ментальную ценность только на фоне, только в составе исторических ландшафтов и производственных комплексов, в пространстве единой ритуальной практики и общих верований, в большом процессе освоения окружающего мира и передвижений человека в его пространстве.

Иными словами, традиционная (архаическая) история могла обходиться практически без характеристики масс и даже без географии (она могла быть вполне фантастической, как в современном популярнейшем жанре фэнтези). Ее основу составляла именно биография исторической личности. Такая история привлекала археологию разве что в качестве иллюстрации, например, как поставщицу реликвий (привлекательных не только для религии, но и для общей культурной деятельности) и произведений искусства. У археологов история, напротив, рисует мир скорее пространственно-географическим и заполненным человеческими массами. Для археологии личность и биография — скорее яркий элемент, позволяющий лучше понять, лучше ощутить, пе-

режить процесс в целом, будь он протяжен или краток, охватывая он тысячи жизней или одну семью. Здесь сама личность выступает скорее иллюстрацией к описанию процесса, а не наоборот, как было в традиционной истории. Но образы таких личностей-иллюстраций археология во все большем количестве вводит в исследовательский процесс, причем они все менее схематичны, все более полнокровны.

Пришло время соединить усилия историков, археологов и наших коллег-естествоиспытателей. Ведь у нас не всегда получается понимать методику работы коллег, видеть и ее преимущества, и опасные методические западни — археологи и историки постоянно в них попадают, изредка забредая в пространство соседней дисциплины. Чтобы услышать и понять друг друга, необходимо общее поле. Поэтому выбранный период не случаен — в России письменные источники возрастали от XVI к XVIII веку с каждым столетием, они становились все более многочисленны и информативны. В то же время, эти столетия оставляют значительный простор и для археологии: слишком много событий в традиционных источниках так и не отразилось. Это подходящее пространство для сравнения, оттачивания методов, да и для спора тоже. Такие зоны в истории человечества пока не столь многочисленны — и в этом одна из причин, почему историк и археолог не так уж часто слушают друг друга, а если и соседствуют в одних сборниках, то, как правило, формально.

Сравнить методики, выработать критерии истинности для вновь получаемого знания, обменяться достигнутыми результатами для создания многогранной, комплексной, основанной на истинно мультидисциплинарном подходе картины жизни отдельного человека прошлого — задача, стоящая сейчас перед историей и археологией. Для нас принципиально важно научиться по-новому воссоздавать факты биографий и строить их изложение, проникать в сознание людей прошлого и реконструировав их взгляд на мир.

Эти фундаментальные научные задачи определили формат новой, уже второй по счету, совместной конференции двух институтов РАН. На этот раз мы заметно расширили подход, ранее чисто хронологический, в сторону совершенствования метода, его обогащения путем взаимного обмена двух ветвей современной науки. Полагаем, что избранная тема настолько широка, что она не может ограничиться одной конференцией. Поэтому ставим вопрос о переводе совместных научных форумов «Личность прошлого в письменных и археологических источниках» в формат периодических.

Vir in Pace et Bello magnus эпохи барокко: эпитафия Франциску Лефорту

Русская эпитафия конца XVII в. дает исключительный по важности, но слабо востребованный историками материал для характеристики менталитета и системы ценностей людей эпохи петровских перемен. Как показывают эпитафии дьяка Д.М. Башмакова и воеводы А.С. Шеина, а также строительная надпись с элогием Неоныле Чириковой из московской церкви Троицы в Хохлах, в основе личностных характеристик в русских надписях этого времени лежал идеал, основанный на единстве житийных топосов, так или иначе соответствующих основным принципам средневекового художественного канона. Следуя определению Д.К. Уо, данные эпиграфические памятники характеризуют тип «не-современного» человека эпохи петровских перемен, который обладал умением органично сочетать старомосковские идеалы с «новыми нормами общественной жизни и мышления». Родившийся, выросший и сделавший карьеру при первых Романовых, он был воспитан в традиционных ценностях, сформировавшихся в XVI—XVII вв. и остававшихся основой его мировосприятия, переданных детям. Идеал его жизни — «быти во всяком христианском законе, и во всякой чистой совести и правде, с верою творяще волю Божию и хранящи заповеди Его» — был сформулирован в Домострое, но не исключал принятия новых культурных норм, а естественным итогом земного существования считалась благочестивая кончина «с исповеданием и покаянием сердечным и причащением тела и крове Христа Бога нашего».

Европейские традиции, насаждавшиеся царем-реформатором, в большей степени заметны в эпитафиях, написанных на латинском языке. Первоначальным «очагом» их распространения были кладбища московских иноземцев, и одним из первых звеньев, формировавших облик новой культуры, стала эпитафия Франциску Якову (Францу Яковлевичу) Лефорту, одному из ближайших сподвижников Петра I. В России она издавалась неоднократно, но привлекала слабое внимание историков. В основу ее публикаций был положен текст, изданный голландцем Х. де Бассвилем в 1784 г. с многочисленными ошибками и пропусками, а ее перевод на русский язык, напечатанный И.И. Голиковым в 1791 г., скорее, является вольным пересказом и далек от оригинала. В настоящей статье в основу ре-

конструкции текста эпитафии положено немецкое издание 1735 г. как наиболее исправное и имеющее деление на строки.

¹ Siste, viator gradum: ² Hic jacet ³ Franciscus Jacobus Le Fort, ⁴ Genevensis, ⁵ Qui ⁶ in aulae culminae lubrico ⁷ fortiter stetit, ⁸ et cui ⁹ Novitas Familiae, ¹⁰ Peregrinatas Patriae, ¹¹ Diversitas Religionis, ¹² haud obstitit ¹³ quo minus ¹⁴ Virtute Duce, ¹⁵ Prudentia Comite, ¹⁶ ad multiplices eniteretur in ¹⁷ Russia Honores, ¹⁸ ac evaderet ¹⁹ Sacrae Tzareae ²⁰ Majestatis ²¹ Archithalassus; ²² Praefectus Militiae Generalis, ²³ Gubernator Novogardiae, ²⁴ omniumque Conciliorum ²⁵ Arbiter, ut toga sic sago ²⁶ inclutus, ²⁷ in Pace et Bello magnus, ²⁸ Domo Zopyrus, ²⁹ Foris Cynaeas, ³⁰ ubique Maecenatis gloriam ³¹ adeptus est; ³² Dum ³³ omnia feliciter gesta ³⁴ ad Dominum ³⁵ ut Minister ³⁶ retulit, ³⁷ extra Invidiam ³⁸ nec extra gloriam ³⁹ fuit, ⁴⁰ quam ⁴¹ simplici virtuti meruit, ⁴² dissimulatione auxit; ⁴³ Principi ⁴⁴ fuit ⁴⁵ Familiares et assiduus, ⁴⁶ non gravis tamen, ⁴⁷ neque ullo assiduitatis fastidio; ⁴⁸ Huic enim uni ille maxime indulsit, ⁴⁹ neque eum secus dilexit ⁵⁰ ac Alexander Aephaestionem. ⁵¹ Quicquid ⁵² Russos ⁵³ recte, comiter, fortiter ⁵⁴ facere ⁵⁵ faciendo docuit, ⁵⁶ non est obscurum ⁵⁷ neque oblivioni traditum, ⁵⁸ sed manet ⁵⁹ in animis Hominum, ⁶⁰ in Aeternitate Temporum, ⁶¹ in fama rerum: ⁶² Itaque ⁶³ Hujus Viri ⁶⁴ Honos, nomen et laudes ⁶⁵ semper manebunt. ⁶⁶ obiit D(ie). II. Martii A(nno). R(eincarnationis). S(alvatoris). ⁶⁷ MDC XCIX. ⁶⁸ Tu vero cave, ⁶⁹ Viator, ⁷⁰ ne calces hoc Saxum: ⁷¹ Lacrymis enim ⁷² Maximi Principis ⁷³ Est ⁷⁴ irrigatum... ⁷⁵ Abi.

Перевод. ¹ Умерь шаг, путник. ² Здесь лежит ³ Франциск Якоб Ле Форт, ⁴ женевец, ⁵ который ⁷ непоколебимо стоял ⁶ на опасной вершине двора, ⁸ и которому ⁹ неименитость рода, ¹⁰ чуждость отечества, ¹¹ несхожесть веры ¹² отнюдь не воспрепятствовали, ¹³ чтобы он, ¹⁴ водим доблестью, ¹⁵ сопровождаем ученостью, ¹⁶ воссиял в России ¹⁷ великими почестями, ¹⁸ достигнув ¹⁹ Священного Царского ²⁰ Величества ²¹ (*чинов*) Адмирала, ²² Полного Пехотного Генерала, ²³ Наместника Новгорода ²⁴ и всех собраний ²⁵ Арбитра; ²⁶ прославленный ²⁵ как в тоге, так и в (*военном*) плаще, ²⁷ великий в (*делах*) войны и мира, ²⁸ дома Зопир, ²⁹ за порогом Киней, ³⁰ повсюду славы Мецената ³¹ достигший; ³² одновременно ³³ все дела к счастью ³⁴ Государя ³⁵ как советник ³⁶ обративший, ³⁷ избежавший зависти ³⁸ и не избежавший славы, ⁴⁰ которую ⁴¹ заслужил исключительно доблестью, ⁴² подкрепленной нелицемерием; ⁴³ принцепсу ⁴⁴ был ⁴⁵ близок и, будучи приближен, ⁴⁶ (*был*) не в тягость, ⁴⁷ но и (*не вызывал*) усердием никакой досады ⁴⁸; тот же ему единственному оказывал великие милости ⁴⁹ и только его одного любил ⁵⁰ так же, как Александр Гефестиона. ⁵¹ Он ⁵² учил Русских ⁵⁴ делать ⁵⁵ то, что

должно делать, ^[53] правильно, обходительно, решительно, ^[56] *(что)* не будет сокрыто ^[57] и не предастся забвению, ^[58] но останется ^[59] в душах человеческих ^[60] во веки веков ^[61] в славе содеянного: ^[62] Итак, ^[63] Сего Мужа ^[64] честь, имя и похвалы ^[65] вечно да пребудут. ^[66] Ушел дня 2 марта года от Воплощения Спасителя ^[67] 1699. ^[68] Ты *(же)* воистину поберегись, ^[69] Путник, ^[70] не наступай на сей Камень, ^[71] ибо он слезами ^[72] Величайшего Принцепса ^[73–74] орошен... ^[75] Удались.

Сравнительно недавно надгробный памятник Лефорта стал предметом исследования Д.Ю. Гузеева, который отметил его новаторский характер, но с эпиграфической составляющей совладать не смог, доверившись публикации Х. де Бассвиля и «переводу» И.И. Голикова.

Эпитафия типична для западноевропейского барокко, несет все признаки элогия и может быть сопоставлена с современными ей эпитафиями французского дворянства и чиновничества, где в качестве знаковых элементов идентичности выступали личная связь с персоной абсолютного монарха, правящей династией и государством, что придавало службе статус благородства, легитимизировало ее и делало общественно значимой. Ее текст насыщен культурными кодами и субкодами, усвоенными эпохой барокко, в которых заключены скрытые смыслы, раскрывающие *curriculum vitae* Лефорта и его роль в истории России.

Структуру эпитафии определяет ряд синтагматических (взаимовстречаемых) оппозиций, не известных отмеченным выше русскоязычным эпитафиям того времени, но характерных для описания системы ценностей в римской историографии эпохи ранней Империи. Особенность синтагматической шкалы ценностей (следуя С.Л. Утченко) состоит в том, что она строится по схеме «вызов — ответ», и ее элементы принадлежат к различным уровням противопоставления, в данном случае — оппозиции «государство (монарх) — индивид». Перечисляемые ценности располагаются в определенной последовательности и соподчинении, характеризуют начальные условия деятельности, формируемые обществом, и встречные действия человека, основанные на присущих ему ценностях. Они определяют его «правила поведения», а государство (монарх) воздает по заслугам, соответствующим проявленным добродетелям.

В отличие от современных ей русских эпитафий, конфессиональный элемент в эпитафии Лефорту выражен минимально. В ее начале назван главный итог его деятельности, позволивший иностранцу и иноверцу «непоколебимо стоять на опасной вершине двора» (стк. 6—7), а также вызов, брошенный ему в России, где он был человеком

инородным: за *жсеневицем* стояли «неименитость рода, чуждость отечества, несхожесть веры» (стк. 9—11). Добродетели Лефорта, тем не менее, «не воспрепятствовали» (стк. 12) его карьере, ибо он был «водим доблестью (*Virtute*), сопровождаем ученостью (*Prudentia*)» (стк. 14—15), да и закономерный результат — слава (*gloria*) — была заслужена «исключительно доблестью (*virtuti*), подкрепленной нелицемерием (*dissimilatione*)» (стк. 41—42). При этом термин «*virtus*», являвшийся центральным среди добродетелей Лефорта, явно возводит читателя к системе древнеримских ценностей, где одно из основных мест занимала *virtus*. Дать адекватный перевод этого термина на русский язык — ввиду его многозначности — невозможно. Это может означать и мужество (в его этимологическом значении), и воинскую доблесть, и храбрость в бою. Однако Лефорт — не *vir bonus* Древнего Рима, хотя подвиги он совершал «*ut toga sic sago inclutus*» (стк. 25—26). Он — *vir in Pace et Bello magnus* (стк. 27) эпохи позднего барокко, которому, помимо *virtus* присущи *prudentia* (образованность), *dissimilatio* (нелицемерность или, лучше сказать, искренность) и *assiduitas* (усердие). А *gloria* и *honor* заключались в высших гражданских должностях и военных чинах, полученных от монарха, которые названы в эпитафии.

В наследство от эстетики эпохи Ренессанса западноевропейскому барокко досталась двойственность восприятия личного имени: личному имени, отражавшему характер деятельности человека, уподоблялись прославленные имена античности, указывающие на непреходящее значение его деятельности. Такой подход есть и эпитафии Лефорту. Первое уподобление — «*Domo Zopyrus*» (стк. 28) — намекает на раба-фракийца Перикла Зопира, назначенного в учителя Алкивиаду, и указывает на роль, которую Лефорт, чужеземец незнатного происхождения, сыграл в формировании личности Петра I. Второе уподобление — «*Foris Cyneas*» (стк. 29) — в буквальном переводе означает «за пределами отечества — Киней», уподобляет Лефорта греку Кинею, который, находясь на службе у царя Пирра, с таким даром красноречия вел переговоры, что правитель Эпира признавался, что тот «своими речами взял больше городов, чем он сам с мечом в руках». Третий персонаж античной истории, которому уподоблен Лефорт, — это Меценат, чьей славы он повсюду достиг (*ubique Mæcenatis gloriam adeptus est*) (стк. 30—31). Наконец, дружба Петра I с Лефортом уподобляется привязанности Александра Великого к Гефестиону. Как кажется, ситуация, отраженная в эпитафии, ближе всего стоит к версии Диодора, который отмечал, что Александр «при жизни ... выделял его более всех друзей» и описал

глубокую скорбь царя по умершему другу, вылившуюся в небывалые посмертные почести, параллель чему можно найти в эпитафии. При этом в русской эпитафии уподобление умершего прославленным полководцам античности, видимо, впервые встречается в надмогильном памятнике воеводы А.С. Шеина, соратника Лефорта во Втором Азовском походе, «не-современного» человека эпохи, который в первую очередь «за предвечную честь триипостаснаго Божества великодушно подвизался на бранех», но был достоин той же похвалы, «яко Енея и Ганнибала, вожди Карта<г>инские, сочисляет век древних». Роднит оба памятника интерес к античной культуре, ставший одним из устоев преобразовательной политики Петра I.

Мироощущение эпохи западноевропейского барокко формировали девизы «Carpe diem» и «Memento mori». Ответом на первый из них является curriculum vitae Лефорта, отраженное в эпитафии. О втором свидетельствуют заключительные строки последней. Таким образом, эпитафия Лефорту является уникальным памятником эпохи барокко. Западноевропейский по содержанию, по духу близкий реформаторским начинаниям Петра I, он занимает особое место в истории русской эпиграфики конца XVII в.

Аксенов А.И.

А.И. Мусин-Пушкин и Тмутараканский камень: общество и наука в XVIII в.

Более двухсот лет со времени открытия Тмутараканский камень не исчезает со страниц отечественной историографии. Казалось бы все изучено — от прочтения и обстоятельств создания до самого факта появления и побудительной причины написания надписи, от степени изученности до фактов существования южного русского княжества. Написаны сотни, если не тысячи статей, написаны несколько книг, вышедших из-под пера крупных ученых — археологов и историков. И, пожалуй, вряд ли возможно в это изучение добавить что-либо новое. Автор этих строк ставит более скромную задачу. Этот артефакт появился в свое время и в определенном месте, заставляющем задуматься — а случайно ли это было. Конечно, предыдущие исследователи уже верно отметили тот факт, что его появление тесно связано с внешне-политическими мотивами, с активным продвижением России вре-

мен Екатерины II на юг к Черному морю и завоеванием Крыма. Это не могло не отразиться на настроениях и взглядах тогдашнего общества. В дело оказалось замешано множество лиц из высшего эшелона власти и исполнительных ее слоев, что отразилось и в действующей политике. Кроме того, под влиянием Просвещения происходило бурное становление и развитие отечественной науки, среди которой по понятным причинам заметное место принадлежало исторической науке, в которой происходили процессы реинтеграции, то есть выделения из общего тела истории отдельных самостоятельных частей, прежде всего вспомогательных исторических дисциплин (которые, правда, тогда таковыми не назывались, ибо не имели соответствующего статуса). И она не могла не откликнуться на столь замечательный факт.

8 апреля 1783 г. Екатерина II издала Манифест о том, что «В прошедшую с Портою Оттоманскою войну, когда силы и победы оружия Нашего давали Нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший». Поражает последняя фраза, категорически утверждающая исконный характер принадлежности Крыма России. Хотя следует признать, что отечественная историография этого времени в вопросе местоположения древнего русского Тмутараканского княжества, которое и можно было бы отождествить с Крымом, была весьма разноречива. В.Н. Татищев находил его в пределах Рязанского княжества в верховьях реки Прони, И.Н. Болтин искал его вначале в Старой Рязани, но под влиянием А.И. Мусина-Пушкина изменил мнение на берег Ворсклы, Г.З. Байер считал, что Тмутаракань это Темрюк. М.М. Щербатов искал Тмутаракнь около Азова, а П. Рычков — близ Каспийского моря.

Вот в такой разногласии почти через десять лет появился Тмутараканский камень, а попросту мраморная плита с высеченной на ней кириллической надписью на древнерусском языке, «В лето 6576 [1068] индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмutorоканя до Корчева [Керчи] 14000 сажень», а еще через полтора года первое о нем исследование А.И. Мусина-Пушкина. В деле обнаружения камня историки отметили целый ряд лиц (бригадир П.В. Пустошкин, атаман казачьего войска в Крыму Головатый, таврический правитель генерал-майор Жегулин и др.), центром которых стало имя А.И. Мусина-Пушкина. И здесь следует отметить одну тонкость — это тесную административную, а порой и семейную связь названных людей. Мусин-Пушкин впервые услышал о камне зимой 1792/1793 года от войскового дьяка, премьер-майора Егорова, приехавшего из Таврической губернии в Петербург к Мусину-Пушкину

по духовным делам как обер-прокурору Синода. Именно он и написал по просьбе последнего письмо Пустошкину с просьбой прислать рисунок. Мусин-Пушкин доложил о камне Екатерине, а она, в свою очередь, повелела академику Палласу исследовать его на месте.

Видный государственный сановник ближнего окружения Екатерины II Мусин-Пушкин занимал крупные государственные посты (обер-прокурор Синода, выполнял широкую программу Екатерины по выявлению и сбору исторических рукописей; президент Академии художеств, осуществил первую выставку-конкурс работ художников академии; директор учебного Корпуса чужестранных единоверцев, в котором учились дети упомянутых выше лиц) и одновременно был страстным любителем отечественной истории и одним из крупнейших коллекционеров исторических редкостей, в числе приобретений которого были и Лаврентьевская летопись, и Слово полку Игореве. Он возглавил знаменитый кружок «любителей истории», в который входили И.Н. Болтин, И.П. Елагин, А.Ф. Малиновский, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Н. Оленин, знавшие и понимавшие «вкус древностей» и ставившие целью введение их в исторический оборот. Именно он и осуществил первое издание Русской Правды, положив начало археографии. Он и написал первое исследование о Тмутараканском камне, посвятив его Екатерине II. Именно первое прочтение надписи на камне дало толчок началу палеографии и эпиграфики, хотя первым исследованием в этой области считается более позднее письмо к нему его ближайшего друга и соратника А.Н. Оленина.

Вообще задача этого исследования Мусина-Пушкина выглядела много шире. Методически он исходил из послышки В.Н. Татищева и И.Н. Болтина о необходимости для занятий историей знаний географии и генеалогии. Вот почему в исследование он включил Родословник владетельных Тмутараканских князей, Чертеж древней России и Описание народов, городов и урочищ, заложив еще и этимологическую составляющую, то есть показав «признаки и следы» в русских летописях о Тмутаракани (а задачи по сбору и изучению русских летописей были позднее опубликованы им в специальной работе «О русских летописях»).

Исследование это было опубликовано в 1794 г. уже после смерти Екатерины, что вызвало критику «недоброжелателей». Как писал позднее сам Мусин-Пушкин, даже уверяли, «что я ее обманываю, что найденный Тмутараканский камень мною выдуман». Однако в качестве утешения исследователю пришлось политико-административное решение уже другого императора Александра I, который

именным указом от 8 октября 1802 г. о разделении Новороссийской губернии на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, разделял последнюю на семь уездов, в число которых входил и «бывший Фанагорийский с переименованием его Тмутараканским по названию, какое в древней России носил остров Тамань...».

Алмазов А.С.

Значение отношений украинского гетмана Ивана Самойловича с родственниками для реконструкции его политического портрета

За последние годы появился целый ряд исследований, посвященных изучению личности и биографии украинского гетмана Ивана Самойловича (1672—1687 гг.) (См., например: Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672—1687 гг.). М., 2012; Кочегаров К.А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681—1687 гг. М., 2012; Чухліб Т.В. Іван Самойлович (1620—1690 рр.) // Чухліб Т.В. Гетьмани України — Русі. Донецьк, 2013. С. 153—166). В основном, эти работы посвящены различным вопросам политической деятельности гетмана.

Такого рода тематика достаточно хорошо обеспечена источниками, в массе которых преобладают материалы законодательства и документы официального делопроизводства: универсалы гетмана и полковников, царские указы и грамоты, «листы» гетмана царям и различным официальным лицам, отписки воевод и др. Основной сложностью при работе с такого рода источниками является выделение личного вклада самого гетмана в принятие политических решений и составление официальных документов. В частности, многие «статьи», направлявшиеся от имени гетмана в Москву и выражавшие официальную позицию Батурина, составлялись совместно со старшиной и канцеляристами. Однако в такого рода документы не могли попасть позиции, с которыми гетман не был бы согласен, что позволяет их использовать в качестве источника при изучении точки зрения гетмана по тому или иному вопросу отношений Гетманщины с Москвой или внешней политики, скажем, по вопросу заключения Вечного мира с Речью Посполитой в 1686 г.

Важным аспектом деятельности и биографии И. Самойловича были его отношения с родственниками. Этот вопрос имеет прямое отношение к политической сфере, поскольку этот гетман, как и многие другие, в том числе И. Выговский и Д. Многогрешный, продвигал своих родных на ведущие позиции в старшинской иерархии. Сыновья И. Самойловича стали полковниками: старший Семен — стародубским в 1681—1685 гг. (в 1685 г. он умер), Григорий — черниговским в 1685—1687 гг., Яков — стародубским в 1686—1687 гг. Кроме того, его племянник Михаил Васильевич Самойлович в 1678—1686 гг. был гадячским полковником (См. подробнее: Алмазов А.С. Указ. соч. С. 217).

Отношения гетмана И. Самойловича с родственниками по сравнению с его политической деятельностью реконструировать гораздо сложнее, поскольку гетман и члены его семьи не оставили мемуаров, а сохранившаяся между ними переписка, в основном, носит официальный характер. В результате такого рода «листы», зачастую практически ничего не дают для рассмотрения заявленной темы. Например, «лист» стародубского полковника С.И. Самойловича от 29 марта 1683 г. к гетману И.С. Самойловичу почти ничем не отличается от стандартного «листа» полковника к гетману (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 431. Л. 1).

Однако сохранилась и переписка, носящая неофициальный характер: письма гетмана, его сыновей и племянника, адресованные друг другу. Оригиналы «листов» дошли до нас благодаря судебному делу гетманского сына Григория, обвиненного в измене после 1-го Крымского похода 1687 г. и казненного 11 ноября того же года (См. подробнее: Алмазов А.С. Указ. соч. С. 224—225). Кроме того, содержание части писем пересказано в материалах судебного дела. Отдельные моменты отношений гетмана с родственниками помогают также установить документы официального делопроизводства.

Из этих писем становится известно, что в 1683 г. у И. Самойловича произошел конфликт со средним сыном Григорием. Причиной ссоры гетмана и его сына стало непослушание последнего. Г.И. Самойлович возмущался в «листе» к своему двоюродному брату М.В. Самойловичу тем, что гетман приказал отобрать у него гнедого коня и не давать ему денег и муки на хлеб. Пришедшему по гетманскому приказу забрать коня бунчужному Г. Самойлович заявил, что при его жизни никто на его коне ездить не будет. В том же «листе» он пожелал отцу в сердцах «жеби его проклятое панство скоротилося» (его гетманство кончилось) (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 439. Л. 1).

Дальнейшие подробности можно узнать из письма его младшего сына Якова к старшему — Семену. Григорий Самойлович послал 4 или 5 слуг, чтобы они силой привели к нему господаря Гадячского замка Чуйкевича (речь идет о Василии Никифоровиче Чуйкевиче, см.: Востоков А. Суд и казнь Григория Самойловича // Киевская старина. 1889. № 1. С. 50). Тому удалось отбиться от слуг гетманского сына, после чего господарь отправился подавать жалобу И. Самойловичу. Гетман, получив жалобу и разозлившись на сына, заявил в присутствии В.Н. Чуйкевича, что уже прежде проклинал его и прощал, а теперь Григорий ему не сын, пусть идет, куда хочет, пусть даже в Крымское ханство, куда он прежде обещал уехать. Затем Иван Самойлович в гневе ходил по комнате, держа в руках обух, и в присутствии генерального бунчужного Константина Голуба, брата гетманской жены, обещал убить сына и даже несколько раз порывался идти для этого к нему на двор. Однако затем И. Самойлович пришел в себя и отправил К.И. Голуба к жене Григория с приказом сыну больше не появляться в Батуринском замке (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 442. Л. 1об.—2об.).

Вскоре Г.И. Самойлович повинился перед отцом, и гетман простил его (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 440. Л. 1). Таким образом конфликт между сыном и отцом был полностью урегулирован: как уже упоминалось, в 1685 г. Григорий стал черниговским полковником, а также выполнял целый ряд ответственных поручений гетмана — в начале 1686 г. он вместе с генеральным есаулом И.С. Мазепой приехали в Москву с «Инструкцией», выразившей позицию гетмана и старшины относительно Вечного мира с Речью Посполитой (Подробнее см.: Станіславський В. “Статті” гетьмана Івана Самойловича щодо “Вічного миру” // Україна в Центрально-Східній Європі: Студії з історії ХІ—ХVІІІ століть. Вип. 1. Київ, 2000. С. 351), а в 1687 г. вместе с окольничим Л.Р. Неплюевым возглавил отряд русско-украинского войска, отправленный к турецким крепостям в низовьях Днепра после неудачи основного 1-го Крымского похода 1687 г. Более того, после смерти в 1685 г. С.И. Самойловича средний гетманский сын считался потенциальным преемником Ивана Самойловича на гетманской должности.

Как представляется, рассмотренный конфликт был связан с личными качествами Г.И. Самойловича: эгоистичностью, заносчивостью и нетерпеливостью. Сын гетмана вел себя вызывающе не только с отцом. Так, Григорий Самойлович во время упомянутого похода русско-украинского войска к турецким крепостям в низовьях Дне-

пра по свидетельству ротмистра Ф. Юрасова «бранил скаредными словами» окольного Л.Р. Неплюева (РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 41. Ч. II. Л. 526).

Неровно складывались отношения у гетмана И. Самойловича также и с племянником М.В. Самойловичем. В рассмотренном конфликте гетмана с сыном Григорием племянник Михаил первоначально не принял ни одну из сторон. Именно ему Г.И. Самойлович жаловался на отца, вероятно, считая его ближайшим другом. Однако позднее Михаил Самойлович сообщил гетману о прегрешениях двоюродного брата, что привело к резкой реакции Григория Самойловича, объявившего его виновником своего конфликта с отцом (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 440, 441).

19 июня 1683 г. И. Самойлович написал «лист» с выговором племяннику М.В. Самойловичу за утайку письма Г.И. Самойловича. В том же листе гетман требовал от племянника скорейшей присылки в Батурин слуги своего сына, а также не распространять слухов. Те же указания гадячский полковник должен был передать и В.Н. Чуйкевичу (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 438. Л. 1).

Однако недовольство гетмана племянником не вылилось в конфликт. Так, в 1685 г. М.В. Самойлович был отправлен гетманом И. Самойловичем в Стародубский полк расследовать внезапную гибель гетманского сына Семена и гетманского внука (Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Ал. Лазаревского. Т. I. Киев, 1888. С. 25). Очевидно, это назначение было знаком высокого доверия гетмана к Михаилу Самойловичу. Одновременно племянник гетмана продолжал руководить разменом пленными с Крымским ханством. Последний «лист» И.С. Самойловича к М.В. Самойловичу по этому вопросу датирован 17 октября 1686 г. В этом листе гетман еще называл племянника гадячским полковником и давал ему указания с целью избежать нападения запорожцев на крымского разменного бая (РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 491. Л. 1—1об. См. также копию, сделанную в Малороссийском приказе: РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 41. Ч. II. Л. 555—556.).

Однако уже через 2 месяца в Москве стало известно о конфликте гетмана и его племянника. В «особом писмеце» при «листе» к боярину В.В. Голицыну от 22 декабря 1686 г. гетман И. Самойлович завил, что М.В. Самойлович превысил свои полномочия, «взялся за неправды и лехкомысленность», за что лишился должности полковника. По словам гетмана, его племянник теперь жил вне гетманской юрисдик-

ции — на Слободской Украине и без гетманских «подорожных листов» отправил своих людей к запорожцам и в Крым. Гетман просил «посольских дел оберегателя» разъяснить, имело ли место поручение из Москвы бывшему гадячскому полковнику совершать эти действия (РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 19—20).

И. Самойлович также прислал в Москву «лист» к гетману полтавского полковника П. Семеновича, который изъяс у слуг М.В. Самойловича письма к казикерменскому и перекопскому беям, а также кошевому атаману Запорожской Сечи. Из них становится ясна цель отправки племянником гетмана своих людей — пользуясь своими связями с представителями крымской элиты, налаженными в период, когда он руководил разменом пленных с Крымом с российско-украинской стороны после заключения Бахчисарайского мира (1681), он хотел выкупить из крымского плена своего крестьянина Гаврилу (РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 26—36).

На запрос гетмана в ответной царской грамоте от 10 января 1687 г. было заявлено, что в Москве неизвестно о переезде Михаила Самойловича в «великороссийские города» из-под юрисдикции гетмана. И. Самойловичу было предложено решить вопрос со своим родственником «по своему рассмотрению» (РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 38—41). Благодаря переводу, сделанному в Малороссийском приказе, известно также содержание «листа» гетмана к племяннику от 3 января 1687 г. В нем И.С. Самойлович обвинил М.В. Самойловича в подготовке антигетманского заговора, ссылаясь на слова гадячского полкового подскарбия Косого, который приказывал в Гадяче ставить виселицы для гетмана и его окружения (РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 41. Ч. II. Л. 562—563).

Кроме того, по переводам, сделанным в Малороссийском приказе, известен еще и «лист» К.И. Голуба к М.В. Самойловичу от 13 марта 1687 г., правка в котором сделана рукой гетмана. Генеральный бунчужный обвинил племянника гетмана в том, что тот в 1685 г., после погребения С.И. Самойловича, объявил в Козельце бывшему киевскому полковнику К. Солонине о якобы имевшем место обещании И. Самойловича сделать племянника своим преемником по гетманской должности. Генеральный бунчужный также утверждал, что М.В. Самойлович поведал монаху Мироновичу о якобы готовящемся против И. Самойловича перевороте. К.И. Голуб увещевал гетманского племянника повиниться перед гетманом, тем более что, по его словам, все тайные переговоры и соглашения

М.В. Самойловича с И.С. Мазепой и рядом других представителей старшины уже известны гетману (РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 41. Ч. II. Л. 563—568).

Гетман на съезде с боярином В.В. Голицыным, состоявшемся в г. Белополье 18 марта 1687 г., просил, чтобы его племянника за самовольные сношения с крымскими татарами судили в Севске, а до суда держали там же за караулом. Весной 1687 г. И. Самойлович писал к В.В. Голицыну, что Михаил Самойлович стремится отстранить его от власти и, якобы, договорился с крымскими татарами об их помощи в этом деле. Одновременно воевода Г.И. Косагов в своей отписке в Малороссийский приказ также подтверждал, что имеет сведения о стремлении М.В. Самойловича стать гетманом (РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 41. Ч. II. Л. 600—602).

К сожалению, решение по вопросу о суде в Севске над Михаилом Самойловичем не найдено. Можно предположить, что в Москве решили удовлетворить просьбу гетмана, но в силу шедшей полным ходом весной 1687 г. подготовки к 1-му Крымскому походу суд над гетманским племянником был, вероятно, отложен до окончания похода. В итоге находившийся под караулом в Севске М.В. Самойлович стал главным свидетелем обвинения по делу об измене Г.И. Самойловича, расследование которого проводилось в Севске в октябре 1687 г. По этой причине племянника бывшего гетмана не казнили, а отправили в ссылку в Москву.

В целом, как представляется, конфликт гетмана с его племянником был вызван амбициями последнего, его желанием побороться за гетманскую булаву. Во время расследования упомянутого дела об измене Г.И. Самойлович заявил, что его двоюродный брат приказал, чтобы в Киево-Могилянском коллегиуме «его, Мишкову, личину по подобию гетманскому напечатали» (Востоков А. Указ. соч. С. 56). Косвенно свидетельствуют в пользу существования у М.В. Самойловича гетманских амбиций обвинения, выдвинутые против него гетманом И.С. Мазепой, в организации интриг в 1689—1690 гг. с целью получить гетманскую должность (Оглоблин О. Гетьман Мазепа та його доба. Нью Йорк; Париж; Торонто, 1960. С. 169).

Таким образом, гетман Иван Самойлович, используя традиционную для того периода практику введения родственников в ближайшее политическое окружение, не только не решил задачу предотвращения заговоров в старшинской среде, но ему даже не удалось сделать это окружение полностью лояльным к себе. Отчасти в том, что гетман не мог полностью положиться на своих родственников, виноват он сам — на характер его сына и племянника негативным образом по-

влияло то, что должности полковников они получили в относительно раннем возрасте, практически не имея личных достижений и заслуг. Усилившиеся особенно к концу гетманства страсть к накоплению богатств и страх заговора привели И. Самойловича к стремлению окружить себя родственниками, что имело следствием значительное снижение эффективности управления Запорожским войском.

Базарова Т.А.

За что судили Суду? Превратности судьбы переводчика Посольской канцелярии

В начале Петровской эпохи главным государственным учреждением, осуществлявшим международные контакты между Россией и другими государствами оставался Посольский приказ. В Посольском приказе были два разряда лиц, специально знавших иностранные языки — это толмачи и переводчики. Толмачи переводили устную речь и нередко выполняли функции курьеров. Должность переводчика являлась более ответственной и высокой. Отправлялось ли русское посольство за границу, приезжали ли иностранные послы с официальными визитами в Москву, всегда нужно было прочесть и умело составить грамоты, реляции или донесения. Переводчиками, как правило, становились носители языка, которые сдавали экзамен и приносили присягу («...будучи в переводчиках у государевых дел, грамоты и всякие писма переводить и толмачить правдою, собою ничего не прибавливать, не убавливать и не затевать») (Напр.: РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. 1691 г. Д. 4245. Л. 1).

Если в XVII в. главным свидетельством успешной карьеры переводчика являлся лишь постепенный рост денежных выплат, то в эпоху Петра I знание языков давало возможность продвигаться по службе и занять более ответственные должности. Самые яркие примеры — судьбы переводчиков П.П. Шафирова и А.И. Остермана, дослужившихся до вице-канцлеров и оказавших значительное влияние на внешнюю политику России в XVIII в.

Продвижение по служебной лестнице зависело не только от трудолюбия и деловых качеств, но и от удачного стечения обстоятельств. Порой неуживчивый характер, гордое поведение или неосторожное слово переводчика могли привести к самым неприят-

ным для него последствиям. Конфликт, разгоревшийся летом 1714 г. в русской комиссии по разграничению земель России с Османской империей, на долгие годы прервал карьеру переводчика Посольской канцелярии Ивана Суды.

До наших дней дошли разного рода документы, освещающие события на русско-турецкой границе лета 1714 г. Прежде всего, это главный отчетный документ комиссии по разграничению земель — статейный список (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 11). Он был составлен 26 августа 1714 г. и скреплен подписями вице-губернатора С.А. Колычова, а также членов комиссии стольников И. Тевяшова и А. Палибина. В фондах РГАДА и Архива СПбИИ РАН также сохранились письма С.А. Колычова и И. Клишина П.М. Апраксину и П.П. Шафирову, отправленные непосредственно с новой русско-турецкой границы. Сопоставление содержащейся в данных документах информации с материалами «Дела о допросе бывшего на турецкой комиссии переводчика Ивана Суды в противных его тамо поступках...» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 19) проясняет сложившуюся ситуацию и суть конфликта.

13 июня 1713 г. русские послы при Высокой Порте П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев подписали в Адрианополе мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1710—1713 г. Одним из условий Адрианопольского мира было разграничение земель между Россией и Османской империей. В конце 1713 г. командовавший русскими войсками на Украине П.М. Апраксин получил государев указ сформировать комиссию для установления новой государственной границы между реками Самарой и Орелью. По распоряжению ближнего боярина комиссию возглавил воронежский и азовский вице-губернатор С.А. Колычов. В нее также вошли стольники комендант Рыбинска Иван Тевяшов и комендант Коротояка Андрей Палибин, представители украинского казачества генеральный есаул Василий Жураковский и генеральный бунчужный Яков Лизогуб. По запросу П.М. Апраксина к нему из Москвы отправили подьячего Посольского приказа Ивана Клишина (Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб., 2011. Ч. II. С. 81).

В распоряжение комиссаров прибыли и два переводчика. Сначала вице-канцлер П.П. Шафиров направил из Стамбула к П.М. Апраксину в Харьков переводчика турецкого и татарского языков Муртазу Тевкелева (Тяфкелева). В марте 1714 г. еще не получивший об этом известия канцлер Г.И. Головкин («дабы в том разграничении какой оста-

новки не учинилось») велел немедленно присоединиться к комиссии переводчику греческого, итальянского и турецкого языков Ивану Суде («хотя у нас он один был») (Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова... С. 97). Значимость переводчиков в деле разграничения земель подчеркивало и то, что И. Суду вместе с комиссарами «секретно в особливой каморе» лично инструктировал ближний боярин П.М. Апраксин. Да и вице-канцлер из Стамбула поделился опытом, предупредив, что османские комиссары будут «по своему упрямству» письменные документы предоставлять только на турецком языке, «а наши татарские переводчики по-турски не знают ничего» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 217 об.).

Об этих переводчиках в сохранившихся до наших дней материалах Посольского приказа можно обнаружить лишь отрывочные сведения. Муртаза Тевкелев, татарин по происхождению, был сыном толмача (по другим данным — переводчика) Рамазана Тевкелева. П.П. Шафиров оплатил обучение Муртазы в Стамбуле турецкому и арабскому языкам (как чтению, так и письму). Судя по посланиям молодого переводчика вице-канцлеру, написанным нечетким почерком и с обилием ошибок, большинство которых несвойственны носителю языка, русская грамота, да и речь, видно, тоже, давались ему нелегко. Муртаза признавался: «изволете сами ведать, сколько я по-руску разумею» (Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова... С. 120—121, 361). Но знатоков турецкого в Посольском приказе не хватало, поэтому Муртаза получил первое в своей карьере ответственное назначение и оклад 100 рублей (в дальнейшем он продолжил служить в дипломатическом ведомстве и в 1754 г. имел чин коллежского асессора).

Его коллега Иван Суда, по-видимому, грек по национальности, принятый на русскую службу еще П.А. Толстым, был опытным переводчиком. В 1715 г. И. Суда вспоминал о своей многолетней службе в Посольской канцелярии, а также при генерал-фельдмаршале Б.П. Шереметеве и киевском губернаторе Д.М. Голицыне.

Судя по статейному списку, в мае—начале июня 1714 г. еще до встречи русских и турецких комиссаров, пока между ними велась лишь переписка, переводили письма М. Тевкелев и И. Суда по очереди. В июне—июле 1714 г. русская и турецкая комиссии занимались «размерением» границ, насыпали курганы (пограничные «признаки»), оперативно решали территориальные вопросы, вызванные нечеткостью формулировок Адрианопольского договора. Серьезные проблемы начались после того как русские комиссары предложили

туркам обмениваться межевými записями. После перевода полученных от османов текстов на русский язык они с удивлением обнаружили, что Петр I именован «царем московским». У комиссаров был образец написания полного титула государя. Согласно полученным инструкциям, они также могли называть Петра I в официальных документах «царским величеством». Не имевший дипломатического опыта С.А. Колычов оказался в недоумении: в русской версии текста Адрианопольского договора (1713 г.) и в межевой записи Е. Украинцева (1705 г.) в нужных местах употреблялось «царское величество». Комиссары обратились к Ивану Суде. Он ранее занимался в Посольской канцелярии переводами писем и грамот с турецкого языка, поэтому пояснил, что османы именовали Петра I только «царем московским». Только после долгих споров русским комиссаром удалось уговорить турецких представителей составить межевые записи без написания титулов. 13 июля они обменялись письменными свидетельствами. По оценке Б.П. Шереметева и П.М. Апраксина работа комиссии окончилась весьма удачно. Россия не просто вернулась к своим границам до Азовских походов, но и благодаря усилиям русских комиссаров присоединила дополнительные земли за счет крымских татар.

Возможно, по окончании работы комиссии Иван Суда получил бы обещанную награду и вернулся к привычным делам в Посольской канцелярии, но вместо этого его в Санкт-Петербурге ожидали арест и судебное разбирательство. 28 августа 1714 г. из лагеря близ Изюма П.М. Апраксин отправил канцлеру Г.И. Головкину письмо, в котором обвинил переводчика в том, что он «верности в деле чина своего не показал». Ближний боярин охарактеризовал Ивана Суду «человеком худонравым». Также он предостерегал: поскольку семья переводчика находилась в Стамбуле, то «в тамошних делах возможно его опасатца» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 19. Л. 1—1 об.). Таким образом, П.М. Апраксин, по сути, бросил на И. Суду тень подозрений в неблагонадежности и измене.

Очевидно, это письмо встревожило руководство российского внешнеполитического ведомства, решившее начать расследование. 6 декабря 1714 г., вскоре после возвращения из Стамбула в Санкт-Петербург, П.П. Шафиров отправил пребывавшему в Тамбове С.А. Колычову письмо с просьбой «обстоятельно» описать дела и поступки переводчика. 30 декабря вице-губернатор сообщил: «такова непорядошного человека и неразмерного в своей препорции я не видал, понеже во всю свою бытность весма был противен во всем, кроме писменного переводу, и то со мною за ним ходбою». Также он до-

бавил, что И. Суда не только наотрез отказался переводить устную речь, но и попытался склонить к тому же и другого переводчика — Муртазу Тевкелева (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 19. Л. 2—2 об.).

В начале 1715 г. Посольская канцелярия начала расследование «противных поступков» Ивана Суды. В деле сохранились заверенные подписями или скрепами показания («известия») основных участников событий (И. Клишина, М. Тевкелева и И. Суды), а также выписки из двух писем (от 30 декабря 1714 г. и 12 марта 1715 г.) отсутствовавшего в Санкт-Петербурге С.А. Колычова.

Основные обвинения были сформулированы в «известии» Ивана Клишина: 1) ослушался приказа ближнего боярина переводить «словесно», а также «прислушивать» из разговоров турецких комиссаров «что к ползе и интересом его царского величества», заявив, что он переводчик, а не толмач; 2) отказался подтвердить на письме, что в турецких документах Петр I назван «московским царем», заявив, что «прислан-де он на сию коммисию не для уставления титулов, но для переводу», «и имел скрытное о сем посмеяние»; 3) без разрешения С.А. Колычова неоднократно ездил в турецкий обоз «для своих дел».

В допросе Муртаза Тевкелев свидетельствовал против своего коллеги. Он подтвердил, что слышал высказывание И. Суды: «я прислан-де для переводу писменного, а не для толмачения в конференциях». Муртаза даже добавил, что турецкие комиссары вначале согласились написать «титулу царского величества величеством», но после того как И. Суда побывал у них в обозе, отказались. Также «он, Суда, имел себе друзей турк и лыпк, бендерских жителей».

Впрочем, Муртаза несколько погрешил против истины. Действительно, 10 июля 1714 г. турецкие комиссары согласились использовать краткий титул государя, но на следующий день отказались. Сообщили они об этом прибывшим в турецкий обоз И. Клишину и М. Тевкелеву. Только после их возвращения в русский лагерь к османам отправили И. Суду (Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова... С. 303—304).

21 января 1715 г. Иван Суда давал объяснения по выдвинутым против него обвинениям. И. Суда подтвердил сказанное П.М. Апраксину, что он переводчик, а не толмач, и разъяснил причину своего отказа переводить устную речь. Она была вполне уважительной: «не доволен в турецком языке, чтоб он мог в конференциях речи турецкие сказывать». При этом переводчик настаивал: во время работы комиссии С.А. Колычов ни разу не попросил его толмачить, сразу возложив эту обязанность на М. Тевкелева.

Второй пункт обвинений полностью отрицать было также бессмысленно. В статейном списке заявление И. Суды («что он не для того прислан, чтоб объявлять ему на письме, что в канцелярии чинится, и что-де ему до титулов: как хотят, так и учинят») приведено почти дословно. Переводчик был вынужден подтвердить сказанные им еще в июле 1714 г. неосторожные слова. Однако И. Суда твердо стоял на том, что никогда не заявлял: «он не партии послов царского величества и то-де дело ему не нужно; и он того не толко говорил, но ни мыслил».

По третьему пункту переводчик разъяснил, что ездил в турецкий обоз по поручению вице-губернатора для покупки лошади у некоего волошанина и «никаких противностей интересам его царского величества... к помешательству отнюдь не чинил». К нему действительно приезжали турки «из служителей» для продажи лошадей и покупки мехов, а о других делах с ними он не разговаривал.

Бывший глава комиссии С.А. Колычов донес руководству Посольского приказа, будто вначале турецкие комиссары при нем «нескрытно» по-турецки говорили, а потом вдруг «стали говорить скрываясь от него тайно, и знатно им сказано от кого, что он, Колычев, знает их разговоры». И. Суда без труда опроверг столь нелепое обвинение вице-губернатора, добавив: «а и говорить то-де он, комиссар, по-турецки не умеет, но токмо по-татарски».

В свою очередь, переводчик пытался показать недобросовестность своих обвинителей. Он припомнил предложение С.А. Колычова договориться с турками и «то разграничение земель, не езда з Дону, определить писменно, описав урочища, и окончать». На что, по словам И. Суды, ближний боярин «отказал с сердцем».

Однако больше всего претензий И. Суда предъявил к другому переводчику. Так, он вспомнил жалобу И. Клишина, что Муртаза «всех его слов не хотел говорить турским камисарам». Он привел и гневные слова вице-губернатора в адрес татарина Муртазы — «или-де ты их Порте служишь яко бусурманин, или их боишься». И. Суда также «объявил», что Муртаза «имел при себе человека болгаренина», которой без ведома вице-губернатора и неизвестно с какой целью ездил в Азов. Также он сообщил о том, что Муртаза писал к кому-то письма, которые не были отправлены только потому, что об этом узнал вице-губернатор и «гораздо бранил». Со слов И. Суды Муртаза принимал некоего диван-эфенди Айваса, прибывшего к нему от переполского бея с подарками, «а за что, того он сказать не может».

Противникам И. Суды не удалось подтвердить свои обвинения в государственной измене. Однако он ослушался распоряже-

ния П.М. Апраксина «быть послушным во всем вице-губернатору» (С.А. Колычову. — *Т.Б.*) и отказался выполнять поручения, не связанные с должностными обязанностями переводчика. Можно только догадываться о причинах его поступка: гордость, ущемленное самолюбие или что-то иное. Возможно, в других обстоятельствах такой отказ даже сочли бы справедливым, но не в пустынных степях между Доном и Днепром. Поскольку в отчетных документах и переписке членов комиссии по разграничению земель не упоминаются толмачи, можно предположить, что таковых в их распоряжении не было. Напротив, турецкие комиссары не имели переводчиков с русского языка. Впоследствии С.А. Колычов пожаловался вице-канцлеру: «А у турских комиссаров при сей комиссии и плохих переводчиков никого не было, кроме одного толмача. И переводили все наши писма и предложения толмачеством: один запорожец писма станет честь, а толмачь слушает то ево чтение, турским языком толмачит» (Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова... С. 309). В таких обстоятельствах грамотный перевод устной речи давал важное преимущество во время переговоров. Отказ Ивана Суды толмачить и «прислушивать» мог не только затянуть работу комиссии, но и поставить под угрозу ее успешное окончание. По-видимому, именно так расценивали его поступок П.М. Апраксин, С.А. Колычов и руководство Посольского приказа.

29 ноября 1715 г. Г.И. Головкин, П.П. Шафиров и П.А. Толстой приговорили Ивана Суду за то, что «в бытность свою на комиссии разграничения земель с турки явился противен и подозрителен», выслать из Санкт-Петербурга в Казань и «быть ему тамо некое время за присмотром». В тексте указа оговаривалось, что если впредь «в самом деле не явится» доказательств его вины, то переводчика отпустят с царской службы на родину. В Казани «за арестом» И. Суды провел почти пять лет. Все эти годы он числился переводчиком Посольской канцелярии и получал ежегодные денежные выплаты по 100 рублей. Материально строптивый переводчик не особо пострадал: такой же оклад — 100 рублей — еще весной 1714 г. ему определил канцлер Г.И. Головкин (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7975. Л. 1—2 об.). Правда, похоже, выплачивать эти деньги стали только после нескольких жалоб в Посольскую канцелярию.

Судьба снова улыбнулась И. Суде через несколько лет. 21 марта 1720 г. из Коллегии иностранных дел казанскому губернатору был отправлен приказ за подписями Г.И. Головкина, П.А. Толстого и П.П. Шафирова: «понеже ныне прежние случаи уже отменились»

освободить опального переводчика и в сопровождении офицера отправить в Санкт-Петербург. Надо полагать, освобождение И. Суды напрямую связано с наметившимися изменениями русско-турецких отношений. В 1719 г. в Стамбул был направлен чрезвычайный посланник А.И. Дашков с поручением уверить Порту в твердом намерении царя поддерживать дружеские отношения с Османской империей и соблюдать Адрианопольский мирный договор. Коллегия иностранных дел снова ощутила нехватку опытных переводчиков с турецкого, поэтому вспомнили о И. Суде.

5 мая 1720 г. он выехал из Казани в российскую столицу, где продолжил свою службу переводчиком. По-видимому, на родину И. Суда уже не вернулся. В 1737 г. в списке чиновников Коллегии иностранных дел, состоявших при Кабинете ЕИВ, значился и секретарь Иван Суда.

Баранова С.И.

Мастера позднесредневековой Москвы: к реконструкции «креативного слоя» предпетровской эпохи

Во второй половине XVII столетия сложилась московская школа ценнинного дела, существовавшая до начала XVIII в. В ее творениях выразились эстетические и духовные запросы горожан, выработался особый городской стиль. Введение нового вида изразцов (полихромных/ценинных), в том числе крупных композиций (панно, составные раппорты, керамические иконы и монументальная эпиграфика) в городскую среду Москвы носило повсеместный характер. Сложению школы способствовало развитие московского рынка ремесленной продукции и региональная специализация гончаров: московские мастера производили технологически более сложную высококачественную посуду и изразцы.

Костяк мастеров составили профессиональные художники-технологи: выходцы из мастерских Ново-Иерусалимского монастыря, обученные в европейской традиции, и местные гончары, накопившие к середине XVII в. богатый опыт. В своей работе они сотрудничали с мастерами-строителями, с заказчиками (часто очень высокого уровня) и/или подрядчиками, действовавшими лично или через предста-

вителей. Вместе эта группа составила определенный слой, обладавший устойчивым художественным вкусом, сведениями об искусстве Европы, знанием сложных технологий и книжными знаниями. Судьбы многих людей этого круга известны довольно подробно. Представляется важным не столько ввести в оборот одни-два новых памятника, добавить новое имя или несколько деталей к уже известной биографии — кажется перспективным создать своего рода групповой портрет этого слоя, причем увидеть его персонажей в действии.

Начнем с мастеров-керамистов. В XVII в. мы встречаем изразечников (мастеров ценинного дела, ценинных мастеров и др.) только в Москве и Новом Иерусалиме («изразешные старцы»), в других, даже больших городах они спрятаны внутри понятия «гончары». В Москве документы приводят довольно много имен мастеров, а музейная и реставрационно-архитектурная экспертиза иногда позволяет установить конкретных изготовителей изразцов (Степан Полубес и др.) и резчиков деревянных форм (старец Ипполит).

Производство изразцов было сосредоточено в слободах (крупнейшие — Гончарная и Мещанская) как специализированный вид ремесла, оно знало институт ученичества и передачи дела по наследству. Работа шла и на рынок (делали несколько видов печных изразцов), и по заказу (для фасадов зданий, иногда в уникальных наборах). Все изразцы на памятниках Москвы — только местного производства. Обладая рядом качеств, достижимых только при налаженном процессе производства и доступности сырья, московские изразцы притягивали торговцев и заказчиков с разных концов страны. Но получить их, даже по высокой цене, было не просто: в 1691 г. для Солотчинского монастыря Тараско Желябовской «купил те обрасцы чрез великую мочь упрсом по привне образец» (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 243. Л. 1).

Нельзя с документальной точностью представить все этапы создания изразцовых композиций и место изразцового мастера в общем архитектурном замысле. Но очевидно, что во второй половине XVII в. сформировалась устойчивая форма отношений исполнителя и заказчика, представитель которого (зодчий, подрядчик, управитель) составляли для изразечников квалифицированные заказы. Выбор в пользу ярких и крайне дорогих в XVII в. элементов архитектуры зависел от вкуса и возможностей заказчика и, несомненно, осуществлялся им. Он же выбирал конкретные изделия и контролировал конечный результат. Особенности постройки обычно отражал не чертеж, а подрядная запись; в ходе строительства использовался также показ хода работ с рассказом-отчетом. Это позволяло заказчику

внедряться в ход строительного процесса и активно воздействовать на формирование образа будущей постройки.

Первый в ряду заказчиков — патриарх Никон. Деятельность этого человека, использовавшего возможности архитектурной керамики в Ново-Иерусалимском монастыре и привлекшего к ее созданию западнорусских мастеров, вышла за рамки простого заказа и дала невиданный толчок для дальнейшего развития архитектурной керамики.

Охлаждение отношений царя с патриархом, закончившееся ссылкой Никона в 1666 г., не отразилось на «никоновской» изразцовой школе, ее новации не были отторгнуты. Наоборот, их использование в храмах демонстрирует полное приятие царем и московской знатью ново-иерусалимских форм (павлинье око, херувимы, розетки и др.). Сооружения с изразцовым убранством вошли в обширную московскую строительную программу трех царей: Алексея Михайловича (Покровский собор в Измайлове), Федора Алексеевича (церкви Теремного дворца в Кремле) и Петра I (Сухарева башня, Монетный двор, Главная аптека).

Появление нового декора на зданиях, построенных для государя и его ближнего круга, дало своеобразную санкцию на широкое применение изразцов в строительстве. Следом за монархами шел второй круг лиц, как правило, близких ко двору и выдвинувшихся со времени воцарения новой династии. Их возвышение заметно отразилось и в строительстве храмов. Это были образованнейшие люди своего времени, сторонники европейских преобразований, владельцы больших книжных собраний, в том числе книг по искусству и архитектуре.

Не случайно одна из первых украшенных ценинными изразцами церквей Москвы, св. Николая в Столпах (1669 г.), построена по заказу боярина А.С. Матвеева, составлявшего позднее подряды со строителями Покровского собора в Измайлове (в том числе на изразцы). Другой заказчик — Андрей Савинов Постников, с 1666 г. нареченный протопопом Благовещенского собора и ставший царским духовником, на собственные средства построил известную церковь Григория Неокесарийского (1660—1670-е гг.). В 1687 г. изразцовый наряд, выполненный по ново-иерусалимским формам, получит домовый храм князя В. В. Голицына, церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду (интерес князя к личности патриарха Никона и к Ново-Иерусалимскому монастырю известен). Заказы «князей Церкви» обеспечили появление изразцового убранства в патриарших и митрополичьих резиденциях, таких как резиденция патриарха Адриана в Николо-Перервинском монастыре (конец XVII в.) и подворье

митрополитов Сарских и Подонских на Крутицах (при митрополите Евфимии, в 1688—1695 гг.).

Новшества дворцовой архитектуры воспринимались как эталонные и московским посадом. В приходском строительстве это особенно проявилось к концу столетия, когда многоцветные изразцы производили в громадным количестве и с заказами едва успевали справляться. На излете «золотого века» московского изразца храмы с керамическим декором возводят в Заяузье (Николы на Болвановке, 1697 г.; Архидиакона Стефана, 1701 г.; Успения в Гончарах, 1702 г.).

Эти храмы составляют своего рода исключение: они построены в Гончарной слободе или вблизи, где прихожанами и вкладчиками могли быть сами мастера-ценинники. Возможно, заботы о строительстве храма и его украшении в слободе брали на себя видные прихожане, для которых особый вид ктитинства, пожертвование изразцов на церковь, был не только благочестивым поступком, но и способом обозначить свой статус, «цеховую принадлежность». Вероятно, сказывалось и желание особо выделить «свой» храм среди других. Заказчик, строитель, мастер и житель прихода выступал здесь в одном лице. Храмы, украшенные им, становились зримыми центрами слободы, а установленные на них плоды труда прихожан получали освящение.

Анализ стиля и иконографии керамического декора церквей Заяузья также свидетельствует о почерке государевых мастеров. Иными словами, это те же самые люди, которые создавали изразцовое убранство для храмов и казенных гражданских построек царей и их ближайшего окружения, для крупных монастырей. Это понятно: изготовление крупных фасадных изразцов представляло особую сложность и требовало не только художественного дарования и профессиональных навыков, но и особых условий, которыми располагали именно дворцовые мастера.

Современные исследователи (И.Л. Бусева-Давыдова и др.) охарактеризовали личность посредника, осуществлявшего надзор за строительством от имени заказчика, отметив широчайший диапазон их социального положения — от крепостных крестьян до «детей боярских» и людей Двора. Среди них боярин А.С. Матвеев, контролировавший строительство Покровского собора в Измайлове и золотописец Посольского приказа Карп Золотарев, осуществлявший заказ изразцов «...на церковные 5 шей...» церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Иногда эту роль выполнял зодчий, работая с заказчиком напрямую (как подрядчик-предприниматель при постройке всех казенных зданий выступал известный зодчий Осип Старцев, ведя самостоятельно крупные подряды, см.: Сперанский А.И. Очер-

ки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 145).

Важно, что при создании изразцового декора на первый план выходит уже фигура зодчего, не только полностью представлявшего объем и стоимость работ, но, главное, осуществлявшего замысел на практике. Это отражают и подрядные записи, например, на строительство Покровского собора в Измайлове (1671 г.): «... делать нам то церковное строение как подмастерье укажет» (цит. по: Датиева Н.С. Покровский собор в Измайлове // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М., 1985).

Мы знаем имена зодчих, возводивших церкви с изразцовым декором: Павел Потехин построил церкви в усадьбах Никольском Урюпине (1664 г.), Маркове (1670—1680 гг.) и Останкине (1677—1692 гг.); Иван Кузнечик (вместе с Карпом Губой), возвел церковь Григория Неокесарийского на Большой Полянке (1668—1669 гг.) и Покровский собор в Измайлове (1670-е гг.); ему же приписывают строительство храмов Николая в Столпах и Спаса на Сетуни (заказы А.С. Матвеева).

Особое место в этом ряду принадлежит Осипу Старцеву. Его работы — перестройка церквей Теремного дворца, завершающим аккордом которой стало оформление их многоглавия изразцами: «189 года майя в 10 день по указу великого государя церковь Спаса Нерукотворенного образа и преподобной мученицы Евдокеи, Иоанна Белоградцкаго и Воздвижения честнаго креста что у него, великого государя, вверху, своды и главы, и гзымсы, и все, что доведетца, зделать против обрасца Ипполита старца. И то дело емлет делать подмастерья Ооска Старцов, а просит сто пятьдесят рублей. Подмастерья Ооска Старцов руку приложил...» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 1033. Л. 36). В 1692—1693 гг. «по проекту» Старцева создавалось уникальное покрытие Крутицкого теремка, выразительность образа которого достигнута главным образом благодаря изразцу.

Но многие создатели памятников Москвы остаются анонимными, их можно идентифицировать только по стилю работы. Своеобразие манеры зодчего наиболее отчетливо выражалось в деталях декоративного убранства, где можно было в большей степени проявить свою индивидуальность. Сам факт использования обычных или, точнее, стандартных изразцов в архитектуре Москвы, конечно, еще не указывает на конкретного зодчего. Доказательство, построенное на тождественности декоративных мотивов, должно учитывать их уникальность и индивидуальный характер трактовки. Тогда возникнет представление об «авторском почерке» зодчего и традициях определенной группы мастеров.

Так, сопоставление характера изразцового декора Крутицкого терема и Главной аптеки, показывая полную идентичность большого ряда уникальных для своего времени деталей и приемов, позволяет считать их характерными для творческой манеры Старцева и предположить, что он и был автором проекта изразцового декора (но отнюдь не мастером-изготовителем) Главной аптеки.

Какова бы ни была роль заказчика и степень его личного участия в строительстве, полную ответственность за воплощение его воли нес зодчий. Еще до начала строительства он должен был не только знать, каково будет фасадное керамическое убранство, но иметь набор заранее изготовленных деталей, то есть — заказать их. Решение о закупке изразцов принимал тот, для кого строилось здание, кто входил в немалые расходы, то есть заказчик либо его представитель. Но он, несомненно, учитывал мнение зодчего, например, в выборе мастеров (впрочем, выбор был прост и, в сущности, ограничен кругом государевых мастеров).

Мастера, в свою очередь, должны были знать место применения их будущих изделий, определявшееся зодчим, и получали заказ на изразцы с точными размерами: «...в село Измайлово ценинных образцов к церковному делу в закомары и в поясы и в шеи... семь тысяч сто тридцать образцов в длину осьми вершков, поперег семи вершков» (Временник Имп. Московского общ-ва истории и древностей российских. М., 1856. Кн. 24, отд. II. С. 37).

Если в облицовке предполагались изразцы обычных стандартных размеров, зодчий мог просто купить их в мастерской готовыми, не обсуждая деталей. Но крупноформатные изразцы и сложные композиции явно изготавливали по предварительным специальным заказам, с оговоренными параметрами (Баранова С.И. Типология заказа в древнерусском производстве фасадных изразцов в Москве //Искусство христианского мира. М., 2009. Вып. 11. С. 504—519).

При специальном заказе мастер-изразечник работал в творческом содружестве с зодчим, создавая архитектурные детали, в соответствии с его замыслом и по его указанию. Готовя формы для подобных изразцов, резчик должен был иметь точное представление о композиции облицовки всего здания, уметь правильно согласовать форму и орнамент всех изразцов. Круг исполнителей таких заказов был узок, их могли исполнить только в хорошо оснащенных мастерских, а все, кто принимал участие в строительстве, должны были проникнуться общим замыслом, совместно претворять художественную идею в зримый образ. Чем сплоченнее они работали, тем совершеннее оказывалось их творение.

Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон: личность и карьера

Биография архиепископа Вологодского и Белозерского Симона, а также документы времени его пребывания на Вологодской кафедре последнее время были в центре моего внимания (Башнин Н.В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 16—41; Башнин Н.В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон и его прихода-расходная книга «московской езды» 1666—1667 гг. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI—XVIII веков. СПб., 2015. С. 226—343. (Труды СПбИИ РАН. Вып. 1 (17))). Однако хочется обратиться еще раз к истории жизни этого человека. Для этого есть несколько причин: во-первых, именно при Симоне Вологодский архиерейский дом достигает расцвета (строится каменный архиерейский двор, совершенствуется система управления епархией и вотчинами, становится сбалансированным «бюджет», увеличивается библиотека архиереев, происходят поновления в соборе св. Софии); во-вторых, сохранились документальные свидетельства о внутреннем мире этого человека.

Согласно одному из многих определений, личность — «это отдельное человеческое я, человеческая индивидуальность, как носитель отдельных социальных и субъективных признаков и свойств», а характер — «совокупность психических особенностей, из которых складывается личность человека и которые проявляются в его действиях, поведении» (Толковый словарь Д.Н. Ушакова). Несомненно, что многие черты характера врожденные, но что-то человек и приобретает. О том, как складывалась личность человека и формировался его характер судить порой затруднительно, но выявить их основные черты и особенности можно. Об этом говорят дела, поступки и поведение человека.

Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон (светского имени не известно), судя по всему, был из семьи священника, по крайней мере, его отец умер в сане иеромонаха. С детства он читал и писал, при этом у него был/он выработал красивый каллиграфический почерк, писал полууставом. Это говорит о покладистости и уравновешенности, любви к красоте, книгам. Во время пребывания на Вологодской кафедре он носил очки. Полагаю, что этот вспомогательный инструмент для глаз влияет и на характер, человек в очках становится более спокойным. Архиепископ Симон был обладателем большой библио-

теки и способствовал образованию подчиненных ему людей. Согласно его завещанию, книжное собрание насчитывало 43 книги. В то время это крупная библиотека, у предшественника Симона — архиепископа Маркела к концу жизни насчитывалось 23 келейных книги. В составе келейной библиотеки вологодских архиепископов насчитывалось 76 книг, на 36 томов больше, чем в личной библиотеке Симона. В библиотеке Вологодского владыки были три книги, переписанные им: 1) «Книга писменная Исаака Сирина, в ней же припись аввы Дорофея из Лествицы и Ниловы главы Сорского, письмо той книги преосвященного Симона архиепископа»; 2) «Книга в поддесть Василия Великого, письменная с приписми, письмо та книга преосвященного Симона архиепископа, в ней же о Святем Дусе, печатное»; 3) «Книга Служебник в тетратках, выписан с печати на перечет, архиепископле же письмо».

Постриг Симон принял в Москве (вероятно, Чудов монастырь) или на Свири (Александро-Свирский или Свирский Ильинский монастыри). Предположительно в 1650-х он был казначеем Чудова монастыря. Затем он ушел на Свирь и сделал вклады в Чудов монастырь: 10 руб. в 1658/59 г. и 20 руб. в 1660/61 г. Причины принятия иноческого чина, также как и уход на Север не известны. Полагаю, что в данном случае принятие пострига говорит о богатом духовном мире человека и желании больше времени проводить с книгами.

Архиепископ Симон был инициатором каменного строительства на архиерейском дворе в Вологде. При нем был построен двухэтажный корпус архиерейского дома с крестовой палатой и церковью, каменные стены стали окружать архиерейский дом, в них размещались жилые покои и кладовые. Строительство шло в 1660-х — начале 1680-х гг. Также стоит упомянуть отливку колоколов в 1675 г. и роспись Софийского собора, произведенную в соответствии с распоряжением архиерея в 1678 г. В Горнем Успенском женском монастыре была построена каменная богадельня для содержания старых и увечных женщин. Вологодский владыка также стремился приумножить богатство архиерейского дома (приобрел участок в Белозерске, спорил о подмосковной вотчине). Благополучие архиерейского дома зависело от количества церквей и, соответственно, объема собираемой церковной дани. После образования Вятской епархии между иерархами велись споры о разграничении полномочий. Требование епископа Александра передать еще и Усть-Вымскую десятину в Вятскую епархию вызывало сопротивление у архиепископа Симона, который писал в челобитной к царю о том, что вятский епископ «в своей степени не хочет быти, а желает вяцше митрополитов и архиепископов неких во

изобилие пребывать». Как кажется, строительство каменных зданий и забота об источниках пополнения казны указывает на следующие черты архиепископа: основательность, прозорливость, бережливость.

Существенной чертой архиепископа Симона было милосердие. В 1671 и 1672 гг. в Вологодском уезде был неурожай и сильный голод. По указу архиепископа Симона в 1671 г. были открыты житницы архиерейского дома и домовых сел, хлеб из которых продавался «маломочным людям» по заниженным ценам, на строительство пригласили всех желающих, которые работали «из хлеба». Обедневшие вологжане не смогли платить земские повинности, и архиепископ ходатайствовал перед царем Алексеем Михайловичем о прощении долга. Владыка возмущался тем, что вологжан, которые пошли искать пропитания в Сибирь, остановили у Соли Камской, на других заставах и не пускают далее. Архиепископ в одном из писем с негодованием вопрошал: «И то, отцы, что есть? Не единые ли державы они православные христиане вологжане с сибиряны, чтоб им там для нынешняго гладного времени пропитатца?». В голодном марте 1671 г. на помощь вологжанам пришел и известный благотворитель того времени — окольничий Ф.М. Ртищев. Судя по всему, он узнал о бедствиях вологжан от митрополита Павла, который и предупредил архиепископа о посылке от Ртищева. Архиепископ Симон во время голода в епархии даже перестал подносить царю Алексею Михайловичу и патриарху Питириму традиционные иконы и золотые ввиду нехватки средств. Соблюдая интересы своей паствы, архиепископ Симон не побоялся конфликта с царем и патриархом, за что был назван «упрямым человеком».

Милосердие всегда было присуще архиепископу. Раздача милостыни бедным происходила неоднократно, что зафиксировано в приходе-расходных книгах 1666, 1668, 1677, 1681 г. В 1667 г. по указу архиепископа Симона были отобраны и записаны в отдельную книгу 78 денежных и хлебных кабал прошлых лет. После чего подлинные кабалы принесли к архиепископу, который «изволил» их «подарить». Таким образом было уничтожено денежных кабал на сумму 438 рублей 29 копеек и 50 хлебных кабал. Незадолго до своей кончины архиепископ Симон в 1683 г. заплатил церковные налоги в размере 1713 руб., тем самым сделав поминальный вклад.

Размышления этого человека о смерти носят рациональный характер. В письмах к патриарху Московскому и всея Руси Иоасафу, митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, митрополиту Рязанскому и Муромскому Илариону от архиепископа Симона и в ответе митрополита Павла обсуждался вопрос о чине погребения архиерея. Архи-

епископ Симон предлагал провести обряд своих похорон по-иному, не дожидаясь приезда иерарха из другой епархии: «Егда благоволит ми Господу Богу жизнь сию скончати, и труп мой да предан будет земли немедленно». Позиция по этому вопросу митрополитов Павла и Иллариона изложена в ответном письме первого: «Удобно быти тако».

Вероятно, следующие факты свидетельствуют о мудрости архиепископа Симона. В 1678 г. в Москве происходило заседание Освященного собора о наказании архиепископа Суздальского Стефана. Согласно определению этого собора от 2 июля архиепископ Стефан был «запрещен» и сослан в Новгородский Лисьегорский монастырь. На этом соборе архиепископ Симон не присутствовал, однако в январе 1679 г. получил от патриарха Иоакима грамоту с требованием прислать письменное согласие с решением прошедшего собора о низложении архиепископа Стефана и избрании ему преемника. На это послание Симон ответил, что «за немощью» этого сделать не может и смиренно добавлял, что пусть будет принято решение, какое угодно патриарху: «Твоя архипастырская <...> воля да буди». В 1680-х гг. архиепископ Симон неоднократно отсрочивал свои поездки в Москву по причине нездоровья и покорно выносил проверки патриархом Иоакимом своей немощи. В 1684 г. Симон выехал в столицу и получил разрешение уйти на покой. 8 сентября 1684 г. на Вологодскую кафедру был возведен новый архиепископ Гавриил (Кичигин) «а Симону, бывшему архиепископу, отказано за немощь, скорби его и великия болезни». Бывший архипастырь вернулся в Вологду и ушел на покой в Спасо-Прилуцкий монастырь, где скончался 29 апреля 1685 г.

Обратим внимание на карьерный рост Симона. Очевидно, что перелом в его судьбе произошел после ухода с патриаршества Никона в 1658 г. Осенью 1659 г. настоятелем Свирского монастыря стал Симон, после чего он был срочно вызван в Москву. 27 февраля 1660 г. ему вместе с другими видными церковными иерархами было поручено сделать выписки из соборных правил о том, что надлежит делать, когда патриарх самовольно оставил престол. Возникает вопрос, почему в таком ответственном деле выбор пал на игумена отдаленного новгородского монастыря? Отметим, что, Симон незадолго до этого побывал в Москве и посетил Чудов монастырь, где архимандритом был Павел (затем митрополит Сарский и Подонский). Вероятно, именно он и пригласил свирского игумена в Москву. Игуменом Александро-Свирского монастыря Симон был с осени 1659 по октябрь 1664 г. Архиепископ Вологодский и Белозерский Маркел скончался 22 марта 1663 г. и более полутора лет Вологодская кафедра была

вдовствующей. Согласно ставленной грамоте, Симон был хиротонисан в архиепископа Вологодского и Белозерского из игуменов Александро-Свирского монастыря 23 октября 1664 г. Показателен эпизод, который произошел при хиротонии. Симон случайно обмолвился и произнес Символ веры по-старому: «рожденна, а не сотворенна». Это возмутило царя Алексея Михайловича: «Не хоте ево царь поставити во архиепископы; озрелся, стоя, на Павла митрополита оного, и с яростию пыхнул, рек: «Ты мне хвалил его; не хошу его аз». И поиде с места своего...». Недавно поставленный митрополит Сарский и Подонский Павел сумел вернуть царя и уверить, что игумен обмолвился. Симон еще раз прочел Символ веры уже по-новому без «аза»». Таким образом, роль митрополита Павла (возведен в этот сан чуть раньше Симона, — 22 августа 1664 г.) в судьбе архиепископа Симона вполне очевидна. 22 августа 1664 г. царь Алексей Михайлович предложил стать архимандритом Чудова монастыря будущему патриарху Иоакиму (Савелову), который недавно разорвал отношения с Никоном. По приглашению Ф. М. Ртищева, Иоаким стал строителем московского Андреевского монастыря в Пленницах. Митрополит Павел и архимандрит Иоаким были близки к царю Алексею Михайловичу и выполняли его поручения. Уже 18—19 декабря 1664 г. они отбыли в Новоиерусалимский монастырь к Никону с задачей вернуть посох свт. Петра, который увез опальный патриарх.

В 1666 и 1667 гг. состоялся Большой Московский собор. В работе собора принимал участие и архиепископ Симон, который прибыл в Москву 28 января 1666 г. Обратного вологодский архиерей отбыл 24 марта 1667 г. Архиепископ Филарет (Гумилевский) полагал, что на заседании в Чудовом монастыре 12 декабря 1666 г., когда лишали сана патриарха Никона, архиепископ Симон не присутствовал, уклонившись от тяжелого и неприятного события. Согласно опубликованному 14-му деянию Московского собора, среди архиепископов, присутствовавших при низложении Никона, первым упоминается преосвященный Симон архиепископ Вологодский. Однако издатель сделал примечание к имени Симона о том, что в рукописи «сбоку приписано «Астраханскому»». Поэтому возникает вопрос, вместо Симона присутствовал астраханский архиепископ Иосиф (17 марта 1667 г. ставший митрополитом)? На данный момент не ясно, есть ли чистовой вариант этого документа, и упомянуто ли там имя вологодского архиерея. Наконец, архиепископ Симон назван в настольной грамоте новому патриарху Иоасафу, датируемой маем 1667 г.

Как известно, после низложения на соборе 1666—1667 г. опальный патриарх был отправлен в Ферапонтов монастырь Вологодской и Белозерской епархии. Показательно, что «монах» Никон оказался в обители подведомственной именно архиепископу Симону, а не был сослан в Сибирь, Вятку или какой-либо отдаленный новгородский монастырь. В связи с этим выскажем гипотезу о том, что отправка опального патриарха в Ферапонтов монастырь была согласована и обговорена между царем Алексеем Михайловичем, митрополитом Сарским и Подонским Павлов, архимандритом Иоахимом и архиепископом Вологодским и Белозерским Симоном, который и мог предложить это решение. В 1676 г. на заседании Освященного собора 16 мая решили отправить в Ферапонотов монастырь архимандрита Чудова монастыря Павла, а «монаха» Никона перевести в Кирилло-Белозерский монастырь. Документ об этом был подписан архиепископом Симоном.

Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон, митрополит Сарский и Подонский Павел и архимандрит Чудова монастыря Иоаким не только выступили против Никона, но и увещевали раскольников. Так, они участвовали в суде над иноком Авраамием в феврале 1670 г. Старец Авраамий повествует, что его допрашивали во «вселенских полатах» на первой неделе Великого Поста, а из «властей» были митрополит Павел, архиепископ Симон и архимандрит Иоаким. При этом митрополит Павел и архиепископ Симон обсуждали деятельность Авраамия и обменялись репликами по поводу того, что подсудимый «нарочит» в рассуждениях о Писании. После одного из ответов Авраамия митрополит Павел вспылал и, схватив за бороду Авраамия, несколько раз ударил его, в то время как два других иерарха якобы говорили Крутицкому владыке, чтобы он перестал бить подсудимого. Обратим внимание на то, что архимандрит Иоаким 22 декабря 1672 г. был хиротонисан в митрополита Новгородского и Великолуцкого, однако уже в 1673 г. он все больше времени проводил в Москве при старом и немощном патриархе Питириме (†19 апреля 1673 г.). 26 июля 1674 г. Иоаким был возведен в сан патриарха, при поставлении среди других церковнослужителей присутствовал архиепископ Симон. Таки образом эти люди давно знали друг друга, а особенно близкие отношения связывали архиепископа Симона с митрополитом Павлом. Судя по всему, это были единомышленники с похожими взглядами на церковную жизнь. Переписка между ними показывает, как менялось общество и церковные традиции.

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-5985.2015.6.

Три жизни Андрея Рублева: к проблеме реконструкции средневековой личности

Предлагаемое исследование проведено в институте Фонда Гетти (Лос-Анжелес, март — май 2003), доложено в Пизе (Скуола Нормале, конференция «Византийский художник в восточнохристианском мире») и опубликовано (Beljaev L.A. Andrej Rublev: the Invention of a Biography // *L'artista a Bisanzio e nel mondo cristiano-orientale*. A cura di M. Vacci. Pisa, 2007. P. 117—134). Здесь даются тезисы переработанной версии. Это не биография мастера, а биография легенды о нем и его работах, анализ формирования «историографической личности» и включения ее в национальный нарратив.

С археологией — проблема. Изучая раннемосковский период, археолог неизбежно встретит заглавного персонажа «эпохи Андрея Рублева». Моя встреча с ним произошла в Андроникове монастыре, где иконописец, возможно, был погребен (такова одна из версий). Имела хождение даже некая эпитафия — фантомный источник из круга благонамеренных подделок, сконструированных в борьбе за сохранение памятников старины.

В 1947 г. (11.02.; Институт истории искусства АН СССР) П.Д. Барановский представил текст с надгробия по копии, якобы полученной в 1939 г. от собирателя Н.П. Чулкова. Текст, утверждалось в докладе, списал с плиты еще Г.Ф. Миллер. Но Барановский излагал и другую версию, утверждая, что сам видел надгробие: якобы, в 1947 г. плиту вывернули рабочие у Спасского собора, он сделал с нее эстамп, но камень не сохранился.

Все это сомнительно. Рассказ о находке — типичная быличка. Хронология запутана: находка отнесена к октябрю 1947 г., но Барановский оперировал ею уже в февральском докладе. Эстамп не сохранился. Архивная копия пропала, и в «портфелях» Г.Ф. Миллера следов такого списка нет. Представленный П.Д. Барановским текст не мог относиться к началу XV в. (первые надписи на плитах Московской Руси восходят к 1480-м гг.), он ближе к надписям рубежа XVII—XVIII вв.

Мистификация достигла своей цели: И.В. Сталин подписал желанное постановление (10.12.1947 г.) о создании архитектурно-художественного заповедника в Спасо-Андрониковом монастыре. А вот наука надпись не приняла: ее почти не упоминали в специальной

литературе; не учли ее и в материалах канонизации преподобного Андрея Рублева (1988). Но с 1990-х гг. она стала стимулом для «конструирования мощей» Рублева (см.: Беляев Л.А. Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 51—66).

Археология вообще не дает свидетельств, прямо связанных с Андреем Рублевым. А надежна ли его биография?

Сухие факты. Письменные памятники знают о Рублеве столько же, сколько о самых знаменитых средневековых художниках. То есть очень мало. Он дважды назван летописью начала XV в.: как монах, участвовавший в росписи храма Благовещения в Кремле (1405 г.), и как второй из двух мастеров росписи (1408 г.) Успенского собора во Владимире. В обоих случаях за работу отвечал не он, но само упоминание в летописи — прямое свидетельство известности. О Рублеве говорят также жития середины XV в. Сергия Радонежского и его ученика Никона, где названы еще две работы, 1420-х гг.: росписи храмов Троице-Сергиевой лавры и Андроникова монастыря в Москве. Росписи не сохранились, но в XIX в. в Успенском соборе Владимира удалось открыть слой фресок, которые стилистически соотнесли с Рублевым и его соратниками.

Более ничего о Рублеве по документам неизвестно, нет и точных дат жизни: смерть помещают между 1427 и 1430 гг., а дата рождения полностью гипотетична: при подготовке юбилея в 1960 г. ее назначили *около* 1360 г.

Легенда о великом художнике зарождается вскоре после его смерти. О нем высоко отзывались церковные писатели XV в. Пахомий Логофет и преподобный Иосиф Волоцкий. В их трудах нет описаний произведений, но они с похвалой отзываются о нравственности художника и высоком духовном содержании его творений. Стандартный житийный набор: прилежание посту и молитве, любовь писать и созерцать иконы.

Похожим образом рисуют Рублева решения Стоглава (1551 г.). Собор подтвердил, что почитание икон — один из столпов Православия, и призвал писать иконы Троицы как писали их греческие иконописцы и «как писал Андрей Рублев». Речь шла не о внешнем совершенстве и не о конкретном образе, а о каноничности и о том, что традиция изображать Троицу — древняя, ей следовали уважаемые мастера. Вопрос почитания икон для православной догматики и устройства Церкви всегда был серьезен и обострился в эпоху иконоборческой Реформации; принципиален был и спор о возможности изображать святую Троицу, тесно связанный с догматом троичности.

Имя Рублева быстро стало *брендом*: с конца XV по XVII в. в завещаниях и описях имущества есть примерно дюжина упоминаний о его иконах, оцененных очень дорого. Но ни одна из них до нас не дошла. Трудно судить, насколько надежен был провенанс и доступен облик: за 100—200 лет олифа теряла прозрачность, иконы Рублева должны были потемнеть, их могли прописать или закрыть окладами. Но книжная часть легенды от этого не страдала: к рубежу XVII—XVIII вв. краткое Житие мастера включили в общие своды.

У старообрядцев. К эпохе Петра Великого Андрей Рублев был фактически редуцирован до имени в святцах. Но о нем упрямо помнили — особенно старообрядцы. В поисках «правильных» икон они неизбежно приходили к его имени. Для состоятельного знатока древностей иметь его икону было крайне важно, и не мудрено, что их появилось много. Разумеется, не подлинных. Старообрядцы пытались описать наследие мастера, но при таком исходном материале в списки работ попали почти одни подделки и анахронизмы.

Научный миф. До рубежа XIX—XX вв. никто в глаза не видел икон Рублева — образ «Троицы» освободили от оклада и расчистили только в 1904 г. Историки искусства были буквально обречены писать о художественных достоинствах, особенностях стиля и возможных корнях искусства, ставшего, наконец, зримым. Журналы, от почвеннических до эстетских, опубликовали статьи; художники авангарда проявили острый интерес к иконописи с ее обобщенным визуальным миром и острым чувством цвета.

Этот интерес к иконописи унаследовала новая Россия, и он длился еще почти 15 лет (1917—1932 гг.). Даже отвергая иконы, Советская власть сохраняла внимание к ним как к товару. Для успешной торговли нужно было подогреть интерес на Западе, отобрать лучшие вещи, привлечь экспертов. Были созданы Центральные государственные реставрационные мастерские (1924—1934 гг.), чья работа произвела революцию в мире икон: вместо «черных досок» засияли сотни творений Средневековья. Западные журналы одобряли достижения «советских ученых» и зарубежную выставку русской иконы (1929—1932 гг.), на которой были образы из Васильевского иконостаса и... великолепная копия «Троицы», даже специалистами принимавшаяся за оригинал.

Открытие национального гения Рублева было одной из главных задач Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи, предшественницы ЦГРМ. На Рублева открыли настоящую охоту. В первом же томе роскошного сборника «Вопросы реставрации» (1926 г.) вышла монография ди-

ректора ЦГРМ И.Э. Грабаря «Андрей Рублев». Он отнес мастера к «суздальской» школе и предположил его новгородское происхождение. В круг произведений включалось около 60 названий — икон, фресок, миниатюр. Сегодня ясно, что подавляющая масса собранных работ не имела к Рублеву отношения, а новгородский след — ошибка. Директор ЦГРМ — одаренный художник и выдающийся маршан. Но не специалист ни по эпохе Рублева, ни по русской иконописи. Ведущие ученые (А.И. Анисимов, Г.В. Жидков) открыто упрекали его в полном непонимании дела и даже в прямом плагиате. Сам И.Э. Грабарь считал, что его «построения только домыслы». Но они легли в основу «науки о Рублеве».

В 1920-х гг. критерии соотнесения вещей с именем были прежними. *Первый* — художественное качество: по поводу каждой иконы, поднимавшейся над средним уровнем и соотносимой с XIV—XV вв., считали правильным спросить: «А не Рублев ли?». *Второй* — география: пристально рассматривали все работы из монастырей, где жил Рублев, и соборы, которые он, согласно преданию, мог расписать. *Третий* — поиск в местах, где он *мог бы* работать (в Звенигороде ему усвоили три иконы высочайшего уровня, найденные в 1918 г. и остатки росписей Успенского собора).

Правда, оживился и критический анализ: десятки расчищенных вещей, которые до Революции приписывали Рублеву, вывели из круга. Но на их место встало множество других заново расчищенных, а по сути — столь же мало достоверных. В результате, в наследие Андрея Рублева вошло чуть не все раннемосковское искусство.

Так сложилась научная версия мифа о произведениях Рублева. Ее породил энтузиазм первооткрывателей, впервые увидевших в большом объеме живопись Древней Руси. Кроме того, ученые стремились создать Рублеву высокую степень признания чтобы обеспечить защиту иконам: на терпимость нового государства нельзя было полагаться. И правда, с рубежа 1920—1930-х гг. советская идеология проявила крайнюю враждебность ко всему, связанному с религией. ЦГРМ фактически уничтожили; реставраторов и ученых сажали (Г.О. Чириков, А.И. Некрасов) и расстреливали (А.И. Анисимов). В итоге, «научная легенда» о Рублеве, сложившаяся к концу 1920 — началу 1930-х гг., была «заморожена» примерно на 25 лет — ее не развивали и не распространяли, но и не критиковали. Андрею Рублеву вновь грозило забвение.

Однако к концу 1930-х гг. государственная риторика смягчилась, запрет на русское средневековье сняли, возник заказ на исторические биографии и полную «Историю русского искусства». Когда

1941 г. заставил вспомнить о национальных героях, среди них оказался Андрей Рублев: новую книгу о нем печатали военные типографии в разгар тяжелейших сражений 1943 г. Она представила мастера на фоне эпохи, ключевое событие которой — освободительная война с Ордой. Рублев обрел военное измерение.

Карманную книжку в 1943 г. составил Михаил Алпатов, европейски признанный ученый, начинавший как исследователь византийского и древнерусского искусства. Ему были свойственны широта взгляда и разумно-критический подход. В книжку он включил наиболее достоверные и стилистически близкие произведения: остатки росписи Успенского собора во Владимире и образ «Святая Троица». Эти отправные точки он сохранит в больших монографиях конца 1950 — начала 1970-х гг.

Новой поворот в истории биографии Рублева — юбилей 1960 г. Его праздновал Всемирный Совет Мира. В Кремле прошло заседание с докладом М.В. Алпатова. По его же сценарию сняли документальный фильм (художественный заказали уже известному режиссеру Андрею Тарковскому, но он выйдет через 10 лет). Решение правительства прославить именно Рублева нашло широкий отклик в обществе, оно тянулось к церковному искусству. Печатали сотни статей, собирали конференции; позже вышла антология сочинений о «Троице», ряд сборников, монографии.

Тень средневекового инока быстро обрастала плотью, миф обретал неожиданные измерения. Мало было вводить фантастические факты (вроде участия в Куликовской битве) в его биографию — нужны были серьезные труды. Заговорили (в том числе на Западе — Курт Вайтцман и др.) о близости Рублева к ученикам Сергия Радонежского и о причастности к исихазму. О мастере, не оставившем ни одного текста, стали писать, как о теологе и философе; в университетах имело шумный успех «Мировоззрение Андрея Рублева».

Конечно, известная разница в подходах была. Часть ученых продолжала линию И.Э. Грабаря и произвольно увеличивала размер наследия Рублева. Другие (В.Н. Лазарев) существенно сузили их круг, но сохранили довольно много произведений. Алпатов же, стремясь отделить *вероятные* творения от *гадательных*, свел их число к десяти—пятнадцати. Но методическая почва всех объединяла: не подвергалось сомнению, что произведения Андрея Рублева можно идентифицировать на основе стилистического анализа, идя от одной или двух более-менее достоверно связанных с ним работ. В свое время стилевой подход вывел изучение русской иконописи из обла-

сти чистой иконографии. Но хорошо известна ненадежность его как инструмента критики источников, особенно при недостатке сравнительного материала, а его для XIV и первой половины XV в. крайне мало. Но именно этот подход до сих пор лежит в основе реконструкции наследия Рублева и его биографии.

После 1960 г. биография Рублева стала вполне каноничной, а его имя в текстах, посвященных древнерусской культуре, привычно ставили рядом с другими великими именами — точно так же, как его упоминали в церковных сочинениях XVI—XVII вв. В 1988 г. мастер был канонизирован, ему молятся в церквях, современные иконописцы вновь признают приписываемый ему стиль наиболее отвечающим духу Православия.

Но уже с 1980-х гг. задавали неудобные вопросы о точности атрибуции базовых икон — Васильевского иконостаса, Звенигородского чина, даже самой «Троицы» (Г.И. Вздорнов, Н.К. Голейзовский, А.Л. Никитин, Л.А. Щенникова и другие). Безвозвратно ушли из наследия Рублева «праздники» иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. Все хуже держатся на плаву такие представления об искусстве Древней Руси как «универсализм», позволявший соединять в стилевом анализе фрески, иконы, миниатюры и даже архитектурные произведения. При этом число приписываемых мастеру работ по-прежнему колеблется от полусотни (что примерно равно числу икон, признававшихся старообрядцами, и сопоставимо с объемом икон, достоверно датированных эпохой Рублева) — до трех-пяти.

И что из этого? Взгляд на личность Рублева менялся в зависимости от общих духовных потребностей нации. Он предстал то смиренным монахом; то одиноким гением искусства, стоящим выше окружающего мира; то борцом с иноземными захватчиками. Его рисуют и простецом, и философом. А ткань биографии при этом, парадоксальным образом, сохраняет структуру. Разнообразные «биографии» Рублева отражают единый метод составления: агиографический. Вещи остаются вне доступа, их состав трижды коренным образом меняется — а на биографии это никак не отражается. Образ живет, питаясь не реальными фактами, а раз навсегда обретенным Именем. При этом почти все, работая с наследием Рублева, ставят перед собой, как одну из главных, задачу открытия его работ и фактов его жизни.

Насколько эта «жажда Рублева» влияет на наше восприятие наследия XIV—XV вв.? Можно ли считать пройденный путь частью научного прогресса, движением от незнания к знанию? Правильно ли продолжать «охоту на Рублева» и составлять списки произведений

мастера, известного нам почти только по имени? Не вредит ли это интерпретации? Возможно, если мы откажемся от попыток составить еще одну, «правильную», биографию Рублева, культура XIV—XV вв. станет понятнее.

В конце — о художественных достоинствах обсуждаемых работ. Они очевидны всякому, знакомому с вещами *de visu*. Но должны ли мы верить своим ощущениям? Как действует на нас магия имени и героической биографии, авторитет ученых прошлого? Это необходимую поправку также приходится учитывать в критике источников.

Беляев Л.А.

Эпитафия сына Хинрих Келлермана и другие находки надгробий иноземцев в Московии, сделанные в 2010-х годах

Последние обзорные публикации, посвященные кладбищам иноземцев в средневековом Московском государстве, относятся к концу 1980-х — второй половине 1990-х гг. За прошедшие годы надгробий с древних иноверческих некрополей прибавилось мало: мне известны четыре новые находки плит с надписями по-немецки. Их география расширилась и включает теперь, кроме Москвы, Серпухова и Астрахани, город Тверь. Особенно важны два надгробия, оказавшиеся в нашем распоряжении в Москве. Надпись на одном из них отличается деталями, ранее в германоязычной эпитафике Москвы неизвестными. Часть плит предварительно введены в научный оборот (Беляев Л.А. Новые плиты иноземцев XVII века в Московии: предварительная публикация //КСИА. № 240. М., 2015. С. 223—232; Он же, Кладбища европейцев в Москве XV—XVII веков: новые археологические факты //Коммерсантъ Наука. М., 2015. № 5. С. 47—49).

В докладе будут предложены новые интерпретации значения новых надписей для «истории личности» в России; приведены новые детали биографий лиц с давно известных надгробий; предложен проект небольшого словаря иностранных надписей Московии, который до сих пор не составлен.

Протопоп Даниил Темниковский — судьба провинциального «боголюбца» середины XVII в.

Не часто мы имеем возможность относительно полно воссоздать биографию провинциального священника середины XVII в. Жизнь протопопа соборной церкви Преображения и Николая Чудотворца г. Темникова Данила Никитина одно из счастливых исключений. Это стало возможным благодаря документам, сохранившимся в фонде Темниковской приказной избы (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1.) (Lavrov A.S. Ein vergessener «Eiferer der Frömmigkeit» und Missionär: Daniil von Temnikov //Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 76. Berlin, 2010. (Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14—17 Jahrhundert. Hrsg. von Ludwig Steindorff) P. 361—385; Беляков А.В., Морохин А.В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. //Очерки феодальной России. М.;СПб., 2015. Вып. 18. С. 168—188; Беляков А.В., Лавров А.С., Морохин А.В. Новые материалы к биографии протопопа Даниила Темниковского (в печати)).

Темниковский уезд до 30-х гг. XVII в. занимал огромную территорию от г. Темникова до р. Суры. Это практически вся территория Республики Мордовия. В рассматриваемое время данная территория была освоена относительно слабо. В основном здесь проживали татары и мордва. Русский (православный) компонент проникает в регион где-то в первой половине XVI в. Однако и в XVII в. он далеко не сразу становится преобладающим. С 30-х гг. XVII в. в целях оптимизации управления краем наметился процесс административного дробления уезда. Так появились Инсарский, Саранский, Керенский уезды. Долгое время в уезде действовал только один православный монастырь — основанный еще в 1580-х гг. Пурдышевский Рождества Пресвятой Богородицы. Там и началась история Даниила.

18 августа 1641 г. по указной царской грамоте темниковскому воеводе Н.Б. Колычеву попом городского собора Преображения Господня и Николы Чудотворца назначили священника Никиту Исипова, ранее служившего в Пурдышском монастыре Рождества Пречистой Богородицы. Вместе с отцом в дьяконы в Темниковскую соборную церковь перевели и его сына Даниила. Можно предположить, что священником был и дед нашего героя. Таким образом, начало цер-

ковной карьеры Даниила, связанное с одним из центров распространения православия в Темниковском уезде, во многом объясняет его принадлежность к «ревнителям древнего благочестия». Надо полагать, в период пребывания в монастыре состоялось знакомство Даниила с Михаилом Алексеевичем Ртищевым (ок. 1590—1677 гг.), который в 1635—1636 гг. находился на воеводстве в Темникове. Набожный воевода не мог не посещать обитель. Уже вскоре после вступления на престол Алексея Михайловича карьера М.А. Ртищева пошла в гору. 6 сентября 1645 г. он становится стряпчим с ключом, а в следующем году — постельничим. Ртищевы становятся влиятельным придворным кланом, который вывел на важнейшие придворные должности Б.И. Морозов. Известно, что М.А. Ртищев не был равнодушен к религии. Он отстроил на своей «малой родине» в Лихвинском уезде Покровский Добренский монастырь. Старший сын М.А. Ртищева, Федор, имел репутацию человека «в словесах речиста и в святых книгах искуснейша» и не только являлся одним из наиболее влиятельных лиц в окружении царя Алексея Михайловича, но и входил в состав кружка «ревнителей древнего благочестия». Кроме того, именно Ф.М. Ртищев стоял у истоков школьного образования в России. Надо полагать, именно Ртищевы являлись влиятельными покровителями Даниила, знакомство с которым состоялось в период пребывания М.А. Ртищева в Темникове. Здесь следует отметить одно совпадение. Именно в 1641 г. М.А. Ртищев становится дворянином по московскому списку и четыре последующих года по преимуществу жил в Москве. Можно предположить, что благодаря его непосредственной помощи и началась карьера Даниила.

К 1644 г. Даниил уже священник. В этом году у Даниила и его отца осложнились взаимоотношения с воеводой Григорием Борняковым, назначенным в Темников в 1643 г. В 1644 г. священники обвиняли воеводу в многочисленных злоупотреблениях: «учал им п[опам и крест]ьяном их и бобылем налоги и прода[жи] чинить великие, крестьян и бобылей их учал имать к себе на двор и велел им пива варить и винокурить, и всякую дворовую роботу работать на себя сильно». Воевода пытался настроить против Никиты и Даниила местную общину. С этой целью он «у городских всяких людей емлет на них, попов, челобитные и скаски сильно», которые и направлял в Москву. Кроме того, воевода отправил священника Никиту в тюрьму. Результатом жалоб духовенства и стало разбирательство конфликта. Священники представили «роспись» своих «обид, налогов, продаж и изгоненья», в которых обвинялся воевода. В конфликте, развернувшемся между священниками

и воеводой активно были задействованы и другие представители различных сословий Темникова. Так, мурзу Касима Кучукаева воевода, по словам священников, «научил...бити челом» на Даниила патриаршему десятильнику С. Корякину. Обвиненный «в брани и в бесчестье» Даниил 27 апреля 1643 г. с подачи воеводы был арестован С. Корякиным, который распорядился священника «посадить в цепь и в железа, и мучить, и морить голодною смертию». Помощь арестованному Даниилу оказал местный площадной подьячий С. Аристов «с товарищи», который «выпросил иво из чепи» для совершения отпевания своего умершего родственника. Как явствует из документа, затянувшийся конфликт с воеводой заставил Даниила искать правду в Москве, где он и «бил челом» на Г. Борнякова. Опасаясь преследований от воеводы, Даниил некоторое время находился в столице. Между тем его отец Никита в 1644 г. по приказу воеводы был заключен в тюрьму. И вновь представители темниковской общины — «всяких чинов городовые люди», вступились за протопопа и «от побои отпросили».

Разбирательство по поводу конфликта священников и воеводы было предпринято сменившим Г. Борнякова в Темникове Г.С. Водорацким. При этом Г. Борняков «бил челом» о переводе на время следствия попов Никиту и Даниила из Темникова «в ыной город». Было принято решение отправить протопопов в Касимов или Кадом. Даниил, мотивируя свои действия тем, что «после их у той соборной церкви служить будет некому», 12 марта 1645 г. просил назначить священника, «кому у соборной церкви служить». В итоге было решено отправить Никиту и Даниила на время следствия в Пурдышевский монастырь, где им приказано было «служить у церкви», а на их место в Темников взять «черного попа» из монастыря. Инициатива пребывания в Пурдышевском монастыре принадлежала Даниилу, что свидетельствует о том, что перебравшись в Темников, связи с обителью он сохранил. Однако Г. Борняков сообщил в Москву, что Даниил, после подачи челобитной в столице «съехал обыскных людей скупать». Несмотря на приказ задержать протопопа в столице, Даниил отправился в Темников. В итоге конфликт с Г. Борняковым был улажен летом 1645 г. замирением сторон. Следует помнить, что в судебной практике XVII в. часто встречаются взаимные оговоры. При этом они далеко не обязательно являлись абсолютно ложными. Мастерство правильной подачи фактов и по настоящее время является необходимым умением юриста. Поэтому мы вправе предположить, что у Даниила и его отца действительно моли быть трения с отдельными представителями города и уезда. Тем

боле, как мы увидим ниже, у протопопа должны были иметься более чем натянутые отношения со многими приходскими священниками.

В апреле 1650 г. в соборной церкви Преображения Спаса нарядом с протопопом Никитой Исиповым и попом Данилой Никитиным упоминается диакон Федосей Никитин (Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. по архивным документам Холопьяго и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. М., 1943. С. 538). Скорее всего, это младший брат Даниила. Мы видим, что служение в церкви стало наследственным делом семьи. Несколько позднее как священник будет отмечен один из сыновей Даниила.

Известно, что Даниил занимался и распространением православия среди темниковских «инородцев». Так, принявший ислам литовский пленник Петр Григорьев, проживавший в Темникове у мурзы Акмая, жаловался, что Даниил его «хочет крестить неволею». 18 августа 1648 г. последовало распоряжение царя темниковскому воеводе князю Я.А. Шелепшанскому о запрете насильственного крещения над пленным. Второй раз Даниила, уже протопопа, обвиняли в насильственных крещениях в 1652 г. Тогда его жертвами стали темниковские служилые татары: «их де и детей их тот протопоп сажает в чепь и железа, и мечет в погреб, и вешает через грядку, и всякими муками мучит. А людей де их, которые стары и увечны а креститца не похотят и тех людей емлет к себе ж и крестит насильством, и дворы их разоряет, и научает на них крестьян доводить накрепко всякие дела. А их, мурз и татар, крестьяном их слушать и работать им не велит. А которые де их братья, мурзы и татарове, и их люди похотят из воли креститца, и они де, мурзы и татарове тем людем креститца не запрещают».

Дальнейшие сведения о протопопе Данииле приводит в своем «Житии» протопоп Аввакум Петров. Он сообщает, что Даниил был схвачен по указу Никона — «после...взяли другова, темниковского Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом». Поскольку упоминание об этом наказании Аввакум приводит в рассказе о репрессиях против тех «ревнителее древнего благочестия», которые не поддерживали начатые «новины» Никона — Даниила Костромского, Ивана Неронова и др., можно сделать вывод о том, что Даниил Темниковский разделял убеждения боголюбцев. К сожалению этот период жизни протопопа не поддается точной хронологии.

Даниил, видимо, принес покаяние и отошел от борьбы с никоновскими «новинами». Следующий раз мы встречаем имя протопопа на страницах документов в 1663 г. На этот раз становится известно, что в прошлом 1662 г. он предпринимает новые попытки по насильствен-

ному крещению мордвы: «Приезжает де он, Данило, к ним, мордве, в деревню без нашего, великого государя, указу и в их полях ночью грани подсекает, и книги пишет, и отдает старинные их пашню шацким новокрещеном неведомо для чево. А они де, новокрещены, никаких податей не платят». Таким образом мы можем говорить об устойчивом отношении протопопа к решению религиозного вопроса.

В мае все того же 1663 г. очередной темниковской воеводе П.З. Чернышов получил указание об отправке в Москву в Патриарший Разрядный Приказ священников храма Успения Пресвятой Богородицы Епифана Федорова и Матвея Алексеева, продолжающих совершать церковные службы «голоса в два и в три». Следует отметить тот факт, что священники не хотели петь единоголассием на службе 28 сентября — день венчания на царство царя Алексея Михайловича. Важность этой указной грамоты, на наш взгляд, заключается не только в том, что здесь содержатся прямые указания на сохранение в среде духовенства практики т.н. многогласия, но и в том, что в документе утверждается, что «поют и говорят единоголассно в Темникове только в одной соборной церкви» — т.е. в том самом храме, протопопом которого и являлся Даниил. Тем самым, мы получаем подтверждение того, что Даниил, как и большинство других представителей кружка «ревнителей древнего благочестия», являлся сторонником единогогласия.

29 августа 1669 г. последовало распоряжение патриарха Иоасафа, адресованное темниковскому воеводе В.М. Челищеву о том, чтобы протопопу Даниилу «отказать и церковным доходом и вотчинным угодьем не владеть до нашего указу». Причины отрешения Даниила от должности остаются неизвестными. Из записных книг Тайного приказа явствует, что Даниил подавал «челобитье и изветные росписи» на очередного темниковского воеводу Василия Челищева. Для разбирательства в Темников был отправлен стрелецкий голова Федор Лопухин, а «сыск того дела» был направлен патриарху Иоасафу. 7 сентября 1671 г. царь Алексей Михайлович распорядился «Темниковского протопопа Данила изветные челобитные и росписи и сыск» Ф. Лопухина передать в Приказ Казанского Дворца. Данное известие интересно еще и тем, что в нем фигурирует сын Даниила Пимен, который уже в августе 1669 г. являлся священником Преображенского собора в Темникове.

Протопоп, видимо, бежал из Темникова, куда были «присланы сыщики сыскивать» про него. В декабре того же 1670 года, когда Темников был отбит князем Ю.А. Долгоруким у отрядов Степана Разина, в городе был пойман и повешен сын Даниила поп Пимен, который уча-

ствовал в восстании и в темниковской соборной церкви «молил бога за бывшего Никона патриарха и за воровских казаков». На допросе Пимен признался, что отец его, «бывший темниковский протопоп Данило, живет на Москве, укрываясь от сыску, у сына своего хлебного приказу у подьячего у Макара...». В настоящее время обнаружить следы подьячего Макара Данилова не удалось. Можно предположить, что «пробыться» в столицу ему помогли старые связи с Ртищевыми. В дальнейшем Даниил был схвачен: в 1673 г. митрополит новгородский Иоаким, направляя бывшего протопopa в Деревяницкий монастырь (около Новгорода), писал игумену: «И вы б... держали ево у себя под крепким началом... он священства отлучен... и чернил и бумаги ему давать и никаких писем ему писать... не велели», если же будет непослушен и «ево протопopa Данила... держать скована за сторожею».

На этом наши сведения о судьбе протопopa завершаются. Перед нами вырисовывается портрет человека со сложным и неоднозначным характером. С одной стороны это последовательный сторонник насильственного крещения не православного населения Московского государства; человек готовый сделать вызов своему окружению (история с многогласным пением не могла существовать без молчаливого одобрения большинства паствы). С другой, ради самосохранения он готов был публично отказаться (вопрос, на сколько искренне?) в отдельных своих взглядах. «Сутяжник» не нашедший общего языка с как минимум с двумя воеводами. Хотя здесь не все так однозначно. Мы можем предположить, что причиной конфликта попа и воевод на самом деле следует искать в стремлении отдельных подьячего съезжей избы к безграничной власти в уезде. В таком случае воеводы были только орудием в их руках. По-видимому, достаточно образованный для своего времени и места проживания человек. По крайней мере, сохранившиеся его автографы отличаются хорошим почерком. Мы можем предположить и амбициозность нашего героя.

Следует подчеркнуть, что во многом жизнь Даниила схожа с судьбой иных ревнителей древнего благочестия. Это и тяга к насильственным крещениям как у Стефана Вонифатьева, некоторая неуживчивость, как у протопopa Аввакума Петрова, властолюбие, делавшее Даниила похожим на патриарха Никона. Общая черта, характерная для представителей кружка «ревнителей древнего благочестия» заключалась еще и в том, что все они были людьми очень «мобильными» и много «путешествовали», что способствовало распространению их идей. Боголюбцы формировались в одну эпоху и, по-видимому, были похожи друг на друга более, нежели хотели.

К проблеме изучения биографий справщиков Московского печатного двора эпохи церковных реформ XVII в.: Шестак Мартемьянов и Захарий Афанасьев

Само понятие «средневековая личность» лишь условно применимо к лицам, являющимся предметом данного исследования. Вряд ли нужно доказывать, что XVII в. для России, как и для ее западных соседей Речи Посполитой, Молдавии, Швеции — это уже новое время. Одним из культуuroобразующих атрибутов нового времени является печатный станок, при помощи которого было создано новое культурное пространство Европы. Отсутствие высших учебных заведений в России вносило свою специфику в качество этого пространства, в том числе повышением ценности книги и значимости учителей — носителей знаний и сохранением средневековых семейных (клановых) способов передачи знаний. Система образования при приказах, для функционирования которых требовались люди, обладающие значительными знаниями, остается малоизученной. Знание историков о людях XVII столетия в России меняется в силу ряда причин: происходит трансформация тех видов источников, которые были характерны для средневековья, а также значительное расширение круга источников, несущих информацию о человеке по сравнению со средними веками. На смену средневековым житиям приходят повести о людях и автобиографии. А сам жанр житий переживает глубокую эволюцию: его составителя все больше интересует исторический контекст или биографические подробности, а не только чудеса. В этом плане показательным созданным в Галиции житие Иова Княгинецкого (†1621 г.), в котором вообще отсутствуют чудеса, зато имеются не характерные для житий подробности: названо 45 имен (многие с фамилиями) людей, чьи судьбы пересекались с жизнью святого (вместо безличных «одна вдова» или «некий земледелец»), указаны место обучения, книги, которые переписал святой, и проч. Т.е. составитель стремился к определенной точности, фактичности, свойственной скорей делопроизводству нового времени, чем средневековой агиографии.

Для нового времени характерно и появление новых видов источников. В ряде случаев мы можем проследить, как они были введены законодательством. В Наставлении благочиния церковного, адресованном Собором 1666 г. священникам, говорилось о необходимости иметь в

каждой церкви 4 записные книги: 1) о крещении; 2) о супружестве и о венчанных; 3) книгу живых прихожан; 4) книгу преставлявшихся православных христиан. (Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. Издание братства св. Петра митрополита. М., 1881. Л. 40—41). При этом точные указания давались лишь на то, каким именно образом производить запись о крещении. Запись должна была содержать год, месяц, имя священника прихода, название города или села, имя родителей (с указанием, венчаны ли они) и восприемников, имя крещенного. «Записные» книги не были изобретением иерархов этого печально известного Собора, окончательно закрепившего раскол в русской церкви, такие книги уже существовали в католической церкви. Сведения о том, что это решение Собора было исполнено, отсутствуют, как и сами книги XVII в. Только от синодального периода сохранились подобные книги, а их формуляры позднее прописаны в Уставе Духовных консисторий. Дошли ли указания Наставления до священников также остается под вопросом, так как неизвестно, были ли сделаны копии с текста священниками (как он сам предписывал) и почему он не был напечатан. Нет его и в первоначальном тексте Деяний Собора, написанного латиницей Симеоном Полоцким, в нем содержится лишь указание, что далее должно идти «Наставление». Возможно, что текст Наставления был составлен до составления Деяний. Это очень важный документ, показывающий, что в середине XVII в. уже осознана необходимость учета прихожан и в России, включавшего документированное знание о человеке, даты его рождения, кто его родители, законен ли их брак. Несомненно, что введение такого учета соответствовало эпохе конфессий, когда государство стремилось через церковные институты «дисциплинировать» население. В русскую действительность эта практика внедрялась плохо, само правительство России открывало простор для перемещения населения.

Разумеется, при изучении истории XVII в. отсутствие такого источника как записные книги невосполнимо, потому что материалы приказного делопроизводства дают лишь отрывочную информацию о тех, кто работал в приказах.

В этом плане значительный интерес представляют материалы Московского Печатного двора, которые давно известны и привлекают исследователей (П.Ф. Николаевский, И.Д. Мансвентов, Н.Ф. Каптерев, И.В. Поздеева, В.П. Пушкин, А.В. Дадыкин, Б.Л. Фонкич, Е.А. Агеева, А.В. Вознесенский, О. Страхова и др.). Исследования дали возможность накопления информации о справщиках, извлекаемой не только непосредственно из материалов делопроизводства. К последним относятся расписки справщиков в по-

лучении денежных выплат, расходные книги, также фиксирующие размеры выплаты справщикам и содержащие указания о проделанной справщиками работе и о раздаче им бесплатных экземпляров. Так как экземпляры «безденежно» получали только те из работников Печатного двора, кто непосредственно участвовал в подготовке издания, то это дает возможность определить имена тех, кто непосредственно участвовал в работе над изданием, даже если это имя не упоминается в других документах. Здесь интересна остающаяся загадочной фигура царского духовника Стефана Вонифатьева, который регулярно получал бесплатно экземпляров больше, чем патриарх.

Важную информацию содержат и листы продаж, где указываются не только имена покупателей, но и указание церквей или владельцев, для которых делалась покупка. Так, в листе продаж Кормчей (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 52. Л. 661) имеется имя протопопа Аввакума («Казанского собора пределному попу Авакуму») — он между 2-м, но до 9-го августа 1653 г. купил ту самую Кормчую, о которой напишет: «Когда поехали на Даур, Кормчую книгу прикащику дал, и он мне мужика — кормщика дал. Прикащик же дал мучки гривенок с тритцеть да коровку, да овечек». Справщики, не смотря на то, что им давался безденежно экземпляр, также покупали книги. Так, регулярно покупал экземпляры книг Захария Афанасьев. Среди покупателей выступает и архидиакон Евфимий — личность по-прежнему загадочная.

Значительную информацию содержат и рукописные экземпляры, с которыми работали справщики, кавычные экземпляры, которые должны были оставаться на Печатном Дворе. Это более сложный для исследователя материал, потому что он требует отождествления почерков и просмотра значительно количества как печатных экземпляров, так и изучения рукописей. Сложилась школа «приказного» письма, которая затрудняет отождествление почерков.

Целый ряд справщиков являлся одновременно и авторами оригинальных сочинений, полемических, стихотворных, назидательных (Иван Шевелев-Наседка, старец Савватий). Имена и деятельность тех, кто способствовал реформам в русской церкви хорошо известны и являются объектом исследований, как, например, Евфимий Чудовский. Судьба других работников Печатного двора, их позиция по отношению к реформам, насаждаемым их деятельностью (как было указано в Служебнике 1667 г.: «В начале книги предисловие отныне не печатати, зане в нынешнее время неприлично») во многом невыяснена.

Изменению состава работников приказов поспособствовала чума 1654 г. Так, от нее умер ставший в июле 1653 г. митрополитом Сарским

и Подонским Сильвестр, бывший архимандрит Спасо-Андроньева монастыря, руководивший справщиками Печатного двора. Но вряд ли чума стала причиной смерти справщика Шестака Мартемьянова, так как запись о его смерти имеется в Расходной книге по изданию Кормчей и приходится на 1652 г. Неизвестно даже христианское имя этого человека, хотя семья Мартемьяновых связана с Печатным двором. Если бы не единственная сохранившаяся в собрании НИОР РГБ рукопись (РГБ. Муз. 1407. Лл. 1—100) мы бы не могли характеризовать эту яркую личность, создателя незавершенного трактата о единогласии. Трактат был издан с сокращениями А.В.Преображенским как памятник в первую очередь музыкальной культуры (Преображенский А.В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. Исторические сведения и письменные памятники. ПДПИИ Вып.155. СПб., 1904. С. 63—89), хотя он является произведением эпохи нового русского благочестия. Автор не просто пропагандирует единогласие, но обличает современные ему церковные порядки, называя еретической практику современной ему русской церкви. По стилю и способу изложения текст напоминает старообрядческую полемическую литературу, но обличает он порядки, которые существовали при патриархе Иосифе. Именно этим объясняется, по-видимому, отсутствие копий с этого трактата. Он с протестантской уверенностью обличает непорядки в существовавшей церкви и в первую очередь бессмысленный, «неназидательный» характер совершаемого богослужения, отсутствие знаний и понимания службы у священников. В трактате он проявил блестящее знание новых печатных изданий и даже указывал на полях источники своих цитат (к сожалению, часть из них оказалась срезанной при переплете). Справщик печатного двора использовал Маргарит (изд. 1641 г.), Сборник (1642 г.); Иоанна Лествичника (1647 г.); «Книгу о вере» (1648 г.); Евангелие с толкованиями Феофилакта Болгарского (1649 г.). Справщик приводил также цитаты из слов Григория Синаита, Петра Дамаскина. Помимо изданий печатного двора он широко привлекал Толкования Иоанна Златоустого, Синтагму Матфея Властаря, сочинения Ипполита папы Римского. Из русских сочинений Шестак цитировал послания митрополита Фотия, Стоглав, из которого он делал большие выписки, послания патриарха Гермогена. В Трактате о единогласии щедро использована и еще не изданная Печатная Кормчая, в работе над которой он принимал участие. Он привел слова из первого предисловия к Кормчей об окаянных временах: «Виждь убо, аще не плача достойна суть сия окаянная времена, в ня же, увы, достигохом», указав на поле свой источник: «предис[ловие] пра[вилам]».

О Шестаке мы можем предполагать, что он стал бы противником реформ и стал бы их обличать их еще с большей выразительностью, с какой он обличал современную ему церковную практику. Возможно, что ему принадлежит идея вставить в Кормчую главу 71, неизвестную в рукописных Кормчих, составленную из двух больших цитат из Никона Черногорца. В его трактате фраза из Никона Черногорца «И градский закон сице согласует: Яко еретик есть и еретическим законом подлежит, аще что мало что уклоняясь православныя веры» встречается трижды. Разумеется, не он первый стал применять эту фразу к идейным противникам — он фигурирует уже в переработанной редакции трактата о еретиках, восходящему к Вассину Патрикееву. Важно отметить, что у Шестака, который в отличие от Аввакума даже не был священником, нет никакого почтения перед иерархией, он отстаивает свою церковную правду, не взирая на саны, и подчеркивает, что и миряне участвовали в соборах.

Из записи на переплетном листе рукописи РГИА (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 548) выяснилось, что Шестак тщательно редактировал главу из Требника Петра Могилы О браке, вошедшую в состав Кормчей, и убрал из нее то, что могло восприниматься как проявление иной культуры.

Другой тип справщика представляет собой Захария Афанасьев. Это известный долгожитель на Печатном дворе, проработавший около 40 лет: с 1641 г. по 1678, когда был «для старости от дела освобожден». Он участвовал в изданиях Ока церковного (1641 г.), Миней (1636—1646), Часослова (1652), Миней Общей с Праздничной (1650, 1653), Кормчей (1653 г.), Служебника (1655), Триоди Постной (1656), Ирмология (1657), Требника (1658), Триоди Цветной (1660), Миней Общей (1660), Библии (1663), Миней Месячных (1666), Миней Общих с Праздничной (1674), Чиновника (1677). Захария принимал участие в составлении «Слов избранных о чести святых икон и поклонении им» (1642), Кирилловой книги. Участвовал он вместе с Шестаком Мартемьяном, Иваном Наседкой, Михаилом Роговом, старцем Исаакием и в составлении ответов на «немчина Матвея».

С введением новых чинов, он не оставил Печатный Двор, не выступил с протестами. Он продолжал редактировать книги уже в соответствии с новыми нормами. Можно предположить, что именно Захарии принадлежит безжалостное зачеркивание в рукописях крест на крест тех листов, которые отнюдь не были еретическими, но не подлежали воспроизведению в печатном издании. Сам процесс правки переносил ее из богословской полемики в область прикладную, техническую. Справщики хорошо знали о разнообразии чинов

в рукописях. Они легко вторгались в ценную украшенную рукопись и расставляли киноварные значки, соответствующие нормам издания без какого-либо сожаления о том, что они портят рукопись. Почерк Захарии имеется во многих рукописях, но, в основном, в качестве помет на полях. Имеется он и в рукописи ГИМ. Воскр. 28. Захария владел экземпляром острожского издания «Маргарита». На пергаменном списке нач. XV в. (ГИМ. Син. 275) есть запись о передаче его Захарией своему внуку Симеону, сделанная в 1664 г.

Умение «читать» работу справщиков, делать ее источником информации об их навыках, знаниях, взглядах, понимать их ментальность — эта тема, которая до сих пор остается не разработанной. Возможно, что именно профессионализм справщика позволил Захарии пережить эпоху реформ, не покинуть Печатный двор при его переходе под управление патриарха Никона, и остаться на рабочем месте и после низложения патриарха. В отличие от средневекового жития, где суть человека определяется его взаимосвязью с Богом, появляется биография характерного для нового времени профессионала, кормящегося от своей профессии и отстраненного от полемики, расколовшей общество.

Можно предположить, что перед нами два типа человеческого поведения, две разные жизненные тактики. Одна ведет к борьбе за отстаивание своих убеждений, для другой важнее проявление своих профессиональных навыков. Несомненно, что изучение рукописного наследия XVII в., совершенствование методики сбора информации, может способствовать углублению знаний о людях эпохи реформ.

Биланчук Р.П.

**«Аще кто о том хочет знати,
ниже последствующее да прочитает»:
автобиографические записки вологжанина
Матвея Стефанова сына Жданова (1661—1736?)**

Цитата, вынесенная в заглавие к данному докладу, является своеобразным эпиграфом практически неизвестного автобиографического сочинения первой трети XVIII в. (ОР БАН. 45.13.2.). Это сочинение имеет двойное название: «Летописец о препровождении маловременная настоящия сея жизни Матфия Жданова» и (или) «Публикация, или объявление настоящия жизни сея о препровождении Матфия

Жданова» (продолжение: «От рождества дней лет жития его в которых летех что действовашеся о том сия публикация...»). Рукопись оформлена в виде таблицы, правый столбец которой содержит собственно жизнеописание, а три остальных заполнены датами, вписанными напротив событий в «старом» и «новом» стиле с «междолетием» (арифметической разницей между двумя ближайшими событиями). Рукопись поступила в БАН в начале XX в. из Кадниковского у. Вологодской губ. и была описана В. И. Срезневским, давшим, впрочем, ее содержательной стороне весьма прохладную характеристику (Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение библиотеки Императорской Академии наук в 1900 и 1901 годах. СПб., 1903. Приложение 1. С. 142—144).

Составитель «Летописца» — вологжанин, в 18 лет определенный «в монастырскую казенную службу.. подьячим», долгое время верой и правдой служил обители св. Димитрия Прилуцкого и имел большой двор в подмонастырской слободе. Достаточно поздно (в 35 лет), но удачно, Жданов женился на вдове архиерейского стряпчего Афанасия Головкова Анне. В браке имел троих детей, из которых выжил только один, ставший впоследствии монахом Троицкого Александро-Невского монастыря Санкт-Петербургской епархии.

С 1696 г. образ и динамика жизни нашего героя коренным образом меняются. «По брачном сочетании пожившем с супругою своею в доме своем 67 дней», Жданов отправился «ради монастырских дел» на 2 года в Москву. Позднее он неоднократно будет бывать в древней столице, но первый, самый длительный отъезд, по-видимому, оказал чрезвычайно важное влияние на развитие будущей карьеры и расширение жизненного кругозора: Жданов завел необходимые знакомства с нужными и достаточно влиятельными людьми из среды московского приказного чиновничества, духовенства и иностранцев. Не случайно с 1705 г. Жданов поступил на государственную службу и стал надзирателем вологодских «ратушских сборов» Московской ратуши. Его дальнейшая карьера и превратности жизненного пути связаны с известной личностью петровской эпохи — царским «прибыльщиком», главой Московской Ратуши, начальником Архангелогородской губернии А.А. Курбатовым. В 1710 г. он был приглашен Курбатовым в Московскую ратушу, проработал там 1,5 года, но вынужден был вернуться в Вологду. Далее последовало увлекательное «водное шествие» в свите нового губернатора на Север к Архангельску, в котором Жданов фактически стал летописцем, человеком «второго плана» при своих покровителях — А.А. Курбатове и И.А. Хрипунове. В «архангельскую бытность» Жданов вырос до должности ко-

менданта Пустозерска (1712—1715 гг.), преуспел в казенных сборах, однако после смещения Курбатова с губернаторской должности вынужден был и сам покинуть Пустозерск, длительное время пребывая в качестве подследственного в Архангельске и добиваясь правды в Петербурге.

Последним местом службы (весьма кратким и фактически не состоявшимся) героя «Летописца» стал надворный суд в Ярославле (1722 г.). Не добившись признания в среде местного чиновничества, прохладно встретившего безродного начальника, оставшись без жизненно важных «подарков» подчиненных и просителей, Жданов вынужден был покинуть негостеприимный город. Остаток жизни Жданов провел в Вологде. Без средств к существованию, преследуемый болезнями и фискальными службами, он в полной мере вкусил неровное течение «суетного человеческого жития».

Помимо «Летописца» Матвей Жданов является автором ряда дневников путешествий («диурналов»), отражающих вехи служебной деятельности и частной жизни его патронов (А.А. Курбатова, И.А. Хрипунова), а также собственные впечатления от поездок по Русскому Северу (1712—1714 гг.), в Санкт-Петербург (1718 г.), Ярославль (1722 г.). Перу Жданова также принадлежит духовное сочинение «О единстве веры» (ОР РНБ. Ф. № 857), написанное им в 1715—1722 гг., ряд кратких поучений и достаточно обширный эпистолярный, включающий 28 писем. Часть литературного наследия Жданова (фрагменты дневниковых записей и часть писем) введена в научный оборот Ю.К. Бегуновым, фактически открывшим для исследователей новое литературное имя — русского книжника и писателя первой трети XVIII в. (Бегунов Ю.К. Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу XVIII века («Диурналы» и письма Матвея Жданова) // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991. С. 221—248)).

Собственно «Летописец» имеет двухчастную структуру. Повествование о жизненном пути (с 9 августа 1661 г. до июля 1724 г.) дополняется «Пристяжением», являющимся, по сути, дневником автора. Последняя запись в рукописи датируется 13 марта 1736 г. Однако была ли она действительно последней, и долго ли после этого жил владелец и автор записок — неизвестно. Установлено лишь, что «ждановский» сборник-конволют из собрания Вологодского музея заповедника (ВОКМ. 4373), содержащий копии «диурналов» путешествий, писем и другие сочинения М. Жданова, сменил владельца в 1738 г.

Опираясь на наблюдения А.Г. Тартаковского (Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. С. 38—58), можно предположить, что рассматриваемый «Летописец»

представляет первый из известных на сегодняшний день документов автобиографического характера, появившихся в русской провинции в среде незнатных горожан. Созданные в традиционной для того времени летописной форме, автобиографические записки Жданова в целом придерживаются хронологического порядка изложения и содержат информацию о служебной деятельности, семейной жизни, здоровье, примечательных явлениях местной (в том числе вологодской) жизни. Повествование ведется от третьего лица, а стиль изложения близок деловой письменности XVII — первой половины XVIII в.

В тексте «Летописца» прослеживается стремление к самооправданию и диалогу с потенциальным читателем. Вехи биографии, особенности повседневной жизни и ключевые черты внутреннего мира «простого» человека, обрисованные автором, позволяют выделить своего рода «сверхзадачу» произведения. Жданов пытается найти ответ на главный вопрос своей жизни: по какой причине грамотный и способный человек, трудолюбивый «прибыльщик» и ревнитель «государевых доходов», «духовный писатель», оказался на обочине жизни.

В этом отношении определенный интерес представляют темы и сюжеты, которые старательно обходятся автором «Летописца». Одна из таких повествовательных лакун, своего рода «зона умолчания», связана с темой родственных связей и отношений. М. Жданов крайне скуп в описании своего жизненного пути до женитьбы и ничего не сообщает о своих родителях и ближайших родственниках. Возможно, это объясняется тем, что на склоне лет наш герой стыдился своего «низкого» происхождения, мешавшего ему (и его неординарным способностям) максимально себя проявить. Описывая, например, свои злоключения во властных инстанциях столичного Санкт-Петербурга в 1718 г., автор с горечью отмечает: «Токмо где он, Жданов, не явится, и в том ему несчастью: везде судьи не о трудах его разсуждают, но токмо видев его не в знатном ранге благородства, но убожества, тем порицают и прибыльщиком Курбатова нарицают...». Второй сюжет, которого явно сторонится автор, касается персоналий и тем «большой» (общероссийской и региональной) политики. Человек, лично встречавшийся и беседовавший с Петром I (об этом свидетельствует краткое «Изъяснение» М. Жданова, см: Жданов М. Встреча с Петром Великим / со-общ. Е. Трехлетов // Москвитянин. 1852. Т. 6. № 22. Ноябрь. Отд. 4. С. 1—4.), подолгу общавшийся со многими сановниками петровской эпохи, старательно избегает в своих автобиографических записках не только оценочных суждений, но и любого «излишнего» упоминания о деяниях и характере кого-либо из властных персон своего време-

ни. Это разительно отличает автобиографические записки Жданова от сочинений его родовитых старших современников (С. Медведева, И.А. Желябужского, А.А. Матвеева), пытавшихся вписать свое имя в контекст политических событий начала царствования Петра I.

Наш автор погружен в личные переживания и много внимания уделяет описанию здоровья. Поэтому нередко среди самых значимых «событий дня» оказываются следующие: «Апреля 16 дня, будучи ввечеру в доме надзирателя питейная продажи Василя Черкасова, и в тое ночь во время утрени во церкви Николая Чюдотворца из носа из левыя ноздри шло крови довольно. Июня 13 дня в два порядка из носа из левыя ноздри шло крови довольно. Февраля против 15 числа от полунощи даже до полудня болело сердце, яко бы резало. Марта 30 дня, в самое мокрое погодие, из носа из левыя ноздри шло крови довольно». В изображении телесных скорбей и недугов Жданов откровенен и «реалистичен». С избыточными подробностями живописует он, например, последствия одного «удачного» ужина у братьев Ижориных в Санкт-Петербурге («идеже много пито от водок, от ренского, от пива, от меди и различных еств смачных много едено»), после которого «утроба не выдержала до истления, блевотиною всю вон выметало, от чего впредь сохрани и утверди Боже».

О глубине религиозности автора свидетельствует нарочитое подчеркивание им в тексте «Летописца» самого факта исповеди, как неотъемлемого и крайне значимого атрибута его повседневной жизни. «Сподоблен бысть от руку его причастником быть святых безсмертных и животворящих страшных таинств Тела и Крове Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во оставление грехов и в жизнь вечную» — звучит в тексте «Летописца» в качестве устойчивой, повторяющейся формулы, вокруг которой группируются все остальные события. Крайне внимательный к датам и цифрам, автор избрал для себя «любимое в жизни ево, Жданова, троичное во Троицы Святей славимаго и покланяемаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа» число и всячески соразмерял наличие этой цифры-символа (в скрытом или явном виде) во всех своих удачных начинаниях и благополучно завершившихся делах.

Будучи человеком начитанным и пытливым, Жданов, безусловно, имел в своем домашнем обиходе книги. Однако о составе библиотеки (помимо собственных сочинений) сказать что-либо определенное сложно. Безусловно, в ней присутствовали книги духовного содержания: Евангелия, Апостол. Настольным путеводителем автора являлась Псалтырь толковая, из которой он черпал не только вдохновение к написанию своих литературных трудов, но и пытался находить ответы на

самые сложные жизненные коллизии. Лишь однажды упоминается в дневнике автора датированная 22 ноября 1724 г. информация о посылке некоему «Григорью Галактионовичу по прошению ево книжицы ведомостной или Курантов военных с Шведскою короною с начала войны и по окончание, писменная своеручным ево, Жданова, писмом». Нет сомнения, что «подшивка» Курантов была не единственным светским произведением, которое за свою жизнь скопировал автор.

Вместе с тем, Жданов в меру мнителен и суеверен. Вздумав, по приезде из дальних странствий в 1722 г., женить «послуживца своего Петра Григорьева сына Воронина» на «крепостной своей девке Ульяне», он не мог не заметить, что во время свадебной процессии «по пути до храма дважды де в улицах, а как де от венчания повели на монастырь единожды, итого трижды, собака пестрая одна дорогу переходила и в люди, которые их провожали, совалась и визжала. А как отвенчали их, вели в улице, в сренчу невесте под подол совался свиной поросенок малой. И то есть были мечты диавольския, чрез собаку действовал диавол над женихом порадованием, яко бы до венца не законное его с тою невестою псу подобное возобличая сожитие. А чрез свиного малого поросенка той же диавол яко бы невесту обличая быти от того сожития беззаконнаго чревату». Не щадит он и себя, трактуя, например, странный сон («Яко бы в поле растущим каким хлебом бежал козел, показуя из хлеба токмо яко бы свою главу, а за ним, с правую руку обегая его, яко бы поймати хотя, некий бежал яко бы человек...») как поупущение греха «похоти телесного блуда», от которого он едва сумел избавиться.

Подводя предварительный итог, отметим, что автобиографический «Летописец», включающий в себя и записи дневникового характера, является своего рода оправданием, интеллектуальным отчетом «простого» человека, прошедшего часть своего жизненного пути неожиданно для самого себя неординарно и ярко. Однако эта «апологетическая линия» слабо оформлена литературно и не подкреплена традицией. Можно с определенностью сказать, что автор ни в коей мере не ощущал себя «значимым» или «трагическим» персонажем «переходной» эпохи и менее всего задумывался о проявлении в его произведениях нарождающегося автобиографического «личностного начала». Отсутствует в его записках и известное противопоставление «старины» и «новой культурной реальности», столь характерное для современного исследователя. Тем самым мироощущение автора вступает в определенное противоречие с воззрениями искушенного читателя дня сегодняшнего, который ищет в подобных документах ответы на запросы «своего» времени.

Вопросы соответствия погребальных сооружений и статуса погребенного (на примере некрополя Московской духовной академии)

В 2014 году Подмосковной экспедицией Института археологии РАН (руководитель — к.и.н. А.В. Энговатова) проводились спасательные археологические работы на некрополе Московской духовной академии. Работы проводились по заказу Министерства культуры РФ в связи с подготовкой к празднованию 200-летия пребывания Московской духовной академии в стенах Троице-Сергиевой лавры.

Кладбище в саду при Академии возникло в 1871 г. и просуществовало до 1919 г. Нынешнее руководство академии посчитало необходимым восстановить кладбище и обозначить могилы наиболее известных представителей профессуры. Вначале археологами была проведена работа с архивными источниками. Так, в распоряжение археологов были переданы копии архивных фотографий с изображением участка некрополя московской духовной академии. Здесь мы видим фото 1910-х гг., на котором видны главные могилы академического некрополя. В центре изображен памятник Евгения Евстигнеевича Голубинского, справа находилась могила протоиерея Сергея Константиновича Смирнова, слева — могила протоиерея Александра Васильевича Горского. Таким образом, появилась возможность сопоставить местоположение и архитектурные характеристики остатков памятников с известными фотографическими изображениями и данными письменных источников. Кроме того, поскольку в ходе работ найдены также многочисленные обломки гранитных и мраморных надгробий с фрагментами эпитафий, принадлежность их тому или иному памятнику можно определить, опираясь на архивные источники.

Несомненно, важным источником о захоронениях, совершенных на территории академического некрополя, являются некрологи, напечатанные в журнале «Богословский вестник», воспоминания воспитанников Академии и родственников преподавателей, погребенных в Академическом саду и другие работы. В них мы находим описания похоронных церемоний, и погребальных сооружений, упоминания об установке надмогильных памятников и многое другое.

В ходе работ было исследовано 37 различных погребальных комплексов, включающих в себя остатки надмогильных памятников, ос-

нования под намогильные памятники, могильные ямы, кирпичные склепы, деревянные гробы, дощатые перекрытия. Дощатые перекрытия достоверно зафиксированы в трех случаях, в одном случае можно только предполагать подобное перекрытие. В двух случаях по центру данной доски зафиксирован барельеф в виде креста.

Коллекция 2014 г. насчитывает 31 деревянный гроб. Все гробы имеют хорошую сохранность, за исключением двух. Гробы встречены как долбленные, так и составные, во всех случаях крышка гроба накладывалась, гвозди использовались только для крепления досок гроба и досок крышки между собой и для декора. Сохранились элементы украшения гробов — часть гробов обита зеленым глазетом; в отдельных случаях обиты глазетовой лентой только края досок гроба, в местах скрепления досок гроба гвоздями. Упоминание о захоронениях, совершенных в глазетовых гробах, встречаются в некрологах преподавателям Академии (Некролог. Профессор Александр Петрович Голубцов (†4 июля 1911 г.) //Богословский вестник. Т.2, №7/8. Сергиев Посад, 1911. С. 31).

Доски трех гробов (объекты 9, 10, 37) окрашены снаружи красноватой краской. Отметим, что объекты 9 и 37 представляют собой монашеские захоронения, объект 10 — захоронение священника. В девяти случаях доски гроба рифленые, на всех, кроме гробов объектов 25, 82, сохранились следы тканевой обивки. В одном случае — гроб объекта 38 — верх стенок гроба украшает ряд часто набитых гвоздиков. В 10 случаях доски гробов никак не украшены.

Также фиксируются декоративные составные деревянные навершия, обвитые зеленой нитью. Они крепились по углам крышки гроба, с внешней ее стороны, причем в отдельных случаях такие навершия были обнаружены только в головной части гроба. Часть гробов имеют ручки, по две с каждой стороны, однако встречен один гроб, имеющий также ручки на торцах, в этом же случае в местах крепления ручек фиксируются также декоративные орнаментированные металлические пластины.

Деревянные ножки гробов, обнаруженные в ходе исследования, все имеют бутонобразную форму. Во всех случаях фиксируется по четыре ножки. Крепились ножки посредством вставки их верхней части в глухие пазы, выполненные в доске дна. Поскольку по итогам архивных, археологических, антропологических и судебно-медицинских работ было персонифицировано 17 погребений, можно говорить о том, что мы имеем выборку, часть которой датирована с точностью до года.

Несмотря на то, что период бытования данного некрополя относительно невелик — около 50 лет — было выделено 5 хронологических периодов погребений. В каждый из этих периодов наблюдается различное соотношение между богатством погребального сооружения и статусом погребенного. Погребения первого периода (1871—1878 гг.) — это пять погребений, упоминание о которых мы встречаем в Списке погребенных (Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2012. С. 67, 68). Эти погребальные комплексы включают в себя богатые надгробные памятники, каменные, большинство захоронений выполнено в склепах, гробы богато украшены.

Погребения второго периода (1879—1894 гг.) — погребения №№ 7, 11, 32—36, 38, 45, 46, 50, 56. Этот период связан с распространением инфекционных заболеваний, таких, как тиф и чахотка, большинство погребенных в эти годы являются студентами Академии. Богатые надгробные памятники имеют только погребения наиболее почитаемых в Академии лиц — ректора Смирнова Сергея Константиновича и архимандрита Григория (Борисоглебского). Студенческие захоронения, в большинстве случаев, не имея массивных надгробных памятников, тем не менее, выполнены в богато украшенных гробах. Однако, судя по архивным источникам, деньги на похороны умершим студентам собирались их же товарищами по учебе (Мартынов А.В. Академические письма к отцу //Богословский вестник. Т. 3. №№ 10/11/12. Сергиев Посад, 1915. С. 290).

Третий период, 1895—1914 гг., относится ко времени, когда экономическое состояние Академии оставалось благополучным (к этому периоду относятся погребения №№ 1, 22, 25, 30). Тем не менее, в начале 1895 года «члены Академического Правления ввиду умножившихся в академическом саду могил умерших студентов имели суждение об изыскании более удобного места для их погребения» (Заозерский Н.А. Из академической жизни //Богословский вестник. № 10. Сергиев Посад, 1895. С. 92—94). Для студенческих захоронений был отведен участок на Вознесенском кладбище, первое захоронение на котором было совершено в середине мая 1895 года. Это решение руководства Академии было исполнено, что подтверждено раскопками — на кладбище в этот период совершаются захоронения только преподавателей и служащих Академии.

Четвертый период — погребения 1915—начала 1919 гг., до закрытия Академии (погребения №№ 15—17, 19, 21, 21а, 37, 37а). Судя по

архивным источникам, в это время Академия была крайне стеснена в средствах, а, точнее, голодала (Попов И.В. Живая жизнь. В Академии //Богословский вестник. Т. 2. № 10/11/12. Сергиев Посад, 1917. С. 433, 434). Захоронения совершены в простых, не украшенных гробах, надгробные памятники представляют собой железные кресты.

Выделение пятого периода захоронений на данный момент предположительно, хронологические рамки его — 1919—1923 гг. (погребения №№ 76—78, 80—84). Все захоронения совершены в северном крыле некрополя, во втором — третьем рядах. Данные захоронения представлены, во-первых, захоронениями работников и служащих Академии (такими представляются захоронения №№ 82, 84), во-вторых, с захоронениями учащихся Электротехнической академии, которая въехала в здание МДА после ее закрытия. К последнему предположению нас подталкивает очень юный возраст погребенных северной части третьего ряда — 18—20 лет, а также небрежность при совершении погребений. (Одно погребение совершено головой на восток, в гробу другого оставлен сломанный молоток). Захоронения выполнены в дешевых гробах из практически не обработанных досок, без какого-либо декора.

Интересно распределение элементов декора деревянных гробов — таких, как рифление досок и обивка — по выделенным хронологическим периодам. На графике видно, что до 1914 года гробы как студентов, так и преподавателей, были дорогими, и богато украшенными. Захоронения второго периода совершены в самых богатых гробах, имеющих все элементы декора, встреченные при изучении данной коллекции. Начиная с четвертого периода, захоронения совершаются в простых деревянных гробах, не имеющих декора.

Интересные выводы можно сделать из анализа элементов погребального обряда, как отражения социальной иерархии Академии. В захоронениях данного некрополя богаче всего украшены гробы в студенческих захоронениях. Это можно объяснить тем, что, во-первых, захоронения студентов здесь совершались до 1895 года, то есть, в период, когда Академия не испытывала стеснения в средствах — соответственно, гробы, закупаемые для погребения студентов, все обиты глазетом или парчой, доски гробов чаще всего рифленые; окрашены в красноватый цвет для студентов в сане. Во-вторых, как уже отмечалось, деньги на похороны умершим студентам собирались их товарищами по учебе (часть которых происходила из знатных семей). Судя по архивным источникам, студенческие захоронения отличались богатым убранством — гробы снаружи украшались живыми цветами, внутри гроба укладывались гирлянды из живых

цветов (Д.А. Казанский (Некролог) //ТЕВ 1892. № 23. Тула, 1892.), поверх гробов — металлические венки. Это подтверждается археологическими исследованиями некрополя. Таким образом, можно уверенно говорить об одноразовых сборах и пожертвованиях от студентов Академии, в результате чего организовывались пышные похороны, однако последующие знаки почтения памяти умерших (принесение на могилу металлических венков, установка надмогильных памятников) выполнялись только в случаях погребений студентов, имеющих знатных восприемников. (Примером может служить захоронение Д.А. Любимова, крестными отцом и матерью которого были сын князя А.П. Вадбольского Дмитрий и княгиня Е.Н. Вадбольская (Любимов Александр Дмитриевич...)).

Деревянные гробы, в которых совершались захоронения преподавателей и служащих Академии, либо не отличаются от гробов простых студенческих захоронений, либо, особенно начиная с четвертого хронологического периода, беднее их. В первую очередь, это объясняется волеизъявлениями самих преподавателей, чтобы их похоронили как можно проще; судя по архивным источникам такие пожелания беспрекословно выполнялись (Евдоким (Мешерский), архим.; Беляев А.Д., проф.; Бензин В.М.; Глаголев С.С., проф.; Игнатий (Дверницкий), иеродиак.; Малинин А.П., препод.; Вифанской Духовной семинарии; Рождественский Д.В., свящ. Из академической жизни: Кончина и погребение заслуженного ординарного профессора Московской Духовной Академии Д.Ф. Голубинского: [Слова и речи при погребении проф. Д.Ф. Голубинского] //Богословский вестник. Т. 1. №1. С. 188—216. Сергиев Посад, 1904. С. 190). Это подтверждается и раскопками. Впоследствии над могилами, с целью почтения памяти усопших, возводились памятники, которые устанавливались на пожертвования от разных лиц. Сбор пожертвований производился по просьбе Братства Преподобного Сергия при Московской духовной академии (От Братства Преподобного Сергия при Московской Духовной Академии //Богословский вестник. Т. 3, № 9. Сергиев Посад, 1904. С. 1). Также на могилы наиболее почитаемых преподавателей и уважаемых служащих Академии регулярно возлагались металлические венки.

Таким образом, работами 2014 г. на территории Московской духовной академии было исследовано кладбище XIX—начала XX вв., давшее богатый материал для изучения поздних погребальных сооружений. Стоит отметить, что данный комплекс был изучен полностью — установлены структура и границы некрополя.

Стоит также подчеркнуть особенности данного некрополя, которые заключаются в том, что на его территории погребались как гражданские лица, так и лица духовного звания; от студента-сироты до ректоров Московской духовной академии. Так же важную роль играет высокий процент персонифицированных погребений (46%). Это позволяет выявить признаки погребальных сооружений, определяющие статусность захоронений, совершенных на данном некрополе. Так, из анализа погребальных сооружений академического некрополя видно, что статус умершего определяется в первую очередь надгробным памятником.

Археологические исследования позволили уточнить сведения о некрополе одного из старейших учебных заведений России — Московской духовной академии — и персонифицировать погребения ректоров-протоиереев А.В. Горского, С.К. Смирнова, профессоров и преподавателей академии — Е.Е. Голубинского, Д.Ф. Голубинского, П.И. Горского-Платонова, П.С. Казанского, Ф.П. Лучинина, А.П. Шостыина, С.И. Смирнова, А.А. Спасского, М.Д. Муретова и др. Некрополь Московской духовной академии поставлен на государственную охрану.

Виноградов А.В.

Иван Судаков-Мясной и его вторая миссия в Крым

Среди многочисленных русских гонцов, побывавших в Крыму в 70-х–80-х годах XVI века Иван Григорьевич Судаков-Мясной («Иван Судаков сын Мясной») занимает особое место. Все три его миссии в Крым пришлось на время судьбоносных событий, как в истории Крымского ханства, так и вообще в истории международных и межгосударственных отношений в Восточной Европе. Это был последний из русских гонцов, отправленных в Крым в период пребывания там посольства А.Ф. Нагого (одиннадцатый по счету). Он выехал туда в феврале 1572 г. накануне крымского вторжения, был задержан и вернулся в ноябре 1573 г. вместе с «выбитым» посольством А. Нагого. Это был русский первый гонец, прибывший в Крым осенью 1584 г. в момент развертывания там кровавой междоусобной войны — «ссоры великой в Крымском юрте». Кстати автором этого определения т. н. «династического кризиса Гиреев 1577—1588 гг.» (термин, принятый в современной историографии) в

русской посольской документации конца XVI века является именно Иван Григорьевич (ИТУАК. № 14. С. 75). Это же был и последний русский гонец побывавший в Крыму в период этой «ссоры великой» и явившейся весной 1588 г. свидетелем ее завершения. Немногие из русских дипломатов пережили в Крыму столько драматических и кровавых событий. Два статейных списка Судакова-Мясного — первый охватывающий период с ноября 1584 г. по июнь 1585 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1—28) и второй период с января 1587 г. по июнь 1588 г. являются ценнейшим источником информации.

Личность и жизненный путь самого гонца до 1572 г. и после 1588 г. практически неизвестен. В данном случае его фигура будет представлена в качестве яркого образца способов и «выбирания» ценнейших сведений «стратегического характера» при выполнении дипломатических миссий русскими гонцами в сопредельные государство в 80-х гг. XVI века. Конечно, Судаков-Мясной не был простым гонцом — «перевозщиком грамот». В отношениях с Крымом для этого обычно использовались служилые татары. Он обладал достаточно широкими полномочиями и в то же время в отличие от «больших послов» не вез в Крым проект договора между московским государем и крымским ханом. «Наказ», данный ему в Посольском приказе осенью 1584 г. в русской посольской документации не сохранился, но имеется «наказ», данный ему в ноябре 1586 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 115об.—128об.).

Ввиду утраты посольской документации по связям с Крымом не представляется возможным установить, когда и в какой степени Москва получила информацию о ходе в Крыму вооруженной борьбы сыновей хана Мухаммед-Гирея II (Сеадет Гиреем, Сафа Гиреем и Мурад Гиреем) и с ханом Ислам-Гирея II. Судаков-Мясной был в Болхове 10 ноября, а 13 двинулся в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1.об.). Столь быстрый выезд свидетельствовал, что либо в Москве были уверены что «на Крымском юрте» сидит Ислам Гирей II, либо наоборот пришли сведения о его свержении «царевичами». 15 декабря уже за Северным Донцом русский гонец натолкнулся на отряды, посланные калгой (наследником престола) Алп-Гиреем для преследования «царевичей» во главе с его приближенным Еллаш дуваном. При подробном описании этих событий в «статьейном списке» бросается в предупредительность крымцев по отношению к русскому гонцу не столь частая в многолетних «ссылках» между Москвой и Бахчисараем. 15 декабря Судакова-Мясного буквально обхаживает «ближний человек» калги Еллаш дуван, заверивший что он немед-

ленно известит Алп-Гирея о его прибытии. 18 декабря от имени калги его встречает его бывший воспитатель и фактический глава его «администрации» Борамолей аталык, 23 декабря его встречают уже от имени хана Исмаил Обдулин а от имени, ответственного в ханском диване за московское направление внешней политики бека Мурада «Сулешева» «князь» Рамодан, которым велено быть у русского гонца «в приставах. При этом и от имени калги и от имени хана даются «и под казну, и под толмачей подводды» не говоря уже об обильном «корме». Вопреки обыкновению никто не «покушается» на «поминки» хану и членам его семьи и на «жалование» крымской знати.

23 декабря Судаков-Мясной прибыл в Перекоп, где уже 27 декабря отдает часть «поминок» калге Алп-Гирею, а «жалования» влиятельному беку («князю») Беле-Булату «Перекопскому». 28 декабря близ Перекопа Судаков-Мясной получает аудиенцию у калги Алп-Гирея после которой сразу же направляется в Старый Крым куда прибывает 5 января 1585 г. Затем он прибывает в Кафу, где получает аудиенцию у хана. Из Кафы Судаков-Мясной возвращается в Старый Крым, куда вскоре прибывает хан Ислам-Гирей II делая его, ввиду разорения Бахчисарая своей временной столицей. Там следуют многочисленные официальные и полуофициальные контакты с «ближними царевыми людьми» — представителями крымской знати, входящим в состав ханского дивана или с их эмиссарами. (Мурадом Яшлавским («Сулешевым»), Бек-Булатом «Перекопским» и другими). Все это продолжается до мая 1585 г., когда следует отпускная аудиенция у хана. Первые же контакты с крымцами обрушили на русского гонца буквально лавину информации о положении в «Крымском юрте», которую он добросовестно изложил в своем статейном списке.

Первым и самым главным источником информации был калга Алп-Гирей сообщавший во время аудиенций у него гонца важные сведения, в основном касавшиеся «царевичей». В июне 1585 г. накануне отпуска Судакова-Мясного со сведениями о «царевичах» прибыл эмиссар хана Зентимир-ага. Это были «официально сообщаемые сведения». В условиях неопределенности положения хана Ислам-Гирея II на престоле и раскола политической элиты сведения поступали от всех контрагентов дипломата, которых объединяла неуверенность в завтрашнем дне. Главным источником информации были сами «ближние царевы люди». С Мурадом Яшлавским — «князем Сулешевым» он встречался на протяжении всего пребывания, в январе, в апреле, в мае. Также Судаков-Мясной встречался с его братом Ахмедом. Важное значение, как, впрочем, и всегда во время

пребывания русских дипломатов в Крыму, имели сведения доставленные толмачами. Разведывательная работа традиционно вменялась им в обязанности. Поразительно, что вся собранная русскими дипломатами в Крыму информация практически никогда не оказывалась ложной. Все сведения «статейного списка» уже после их предоставления в Посольский приказ, как правило, подтверждались другими источниками. В отношении сведений Судакова-Мясного этими «альтернативными» источниками являлись донесения русского посла в Турцию Б. Благово, пребывавшим одновременно с ним в Кафе и донесения из Астрахани, должностных лиц приставленных к отправленному туда в 1586 г. «царевичу» Мурад-Гирею, а также от самих астраханских воевод, хотя и начавшие поступать через год после возвращения русского гонца. Речь шла, прежде всего, о «расставновке сил» в династии Гиреев, правящей элите Крымского ханства, тенденций в политике Порты, отношений с Речью Посполитой и т.д. Информация собранная Судаковым-Мясным, особенно после ее подтверждении из других источников, несомненно, оказывала влияние на формирование внешнеполитического курса, который в тот момент уже определял лично Борис Федорович Годунов.

К моменту отправления Судакова-Мясного в Крым основными внешнеполитическими задачами правительства царя Федора Ивановича, в котором уже отчетливо доминировал Годунов являлись вопрос о сохранении перемирия с Речью Посполитой и нейтрализация возможной активизации крымских нападений на Русское государство с санкции Порты. Опасение внушал и ход ирано-турецкой войны, который мог привести к резкому усилению позиции Порты на Кавказе.

События 1584 г. нанесли тяжелейший удар по военному потенциалу Крымского ханства, так как врагами правящего хана в обозримом будущем оказались Мансуры (этот род, с кон. XV в. владел подчиняющимся Крыму улусом в причерноморских степях), которые и обеспечивали этот потенциал на протяжении всего существования Крымского ханства с эпохи Менгли-Гирея I. И донесения русского гонца в Крым Судакова-Мясного оказавшегося у Перекопа в конце 1584 г. и донесения русского посланника в Турцию Б. Благово почти одновременно с ним прибывшего из Азова в Кафу для следования в Стамбул однозначно показывают, что основу военных сил сыновей свергнутого хана Мухамед-Гирея II составляли подданные Мансуров и их союзников из «Казыева улуса». Их количество исчислялось пятнадцатью тысячами

Приведенные «царевичами» ногайские полчища как «казыевские» так и «дивеевские» «Крымскому юрту учинили škodu ве-

ликую, всю землю пусту зделали и цареву казну всю разграбили, и в полон женок и девок, и робят русских и литовских имали». «Царевичи» отступили с крымского полуострова вероятно с еще значительными силами. Во всяком случае, в ноябре-декабре 1584 г. калга Алп-Гирей не осмелился преследовать. «Царевичи» с поддерживающих ими ногайскими мурзами перебрались за реку Миус (Молочные воды) и вступили в кочевья Малых Ногаев. Первоначально «царевичи», судя по всему, предполагали водвориться в «Казыевом улусе»

22 января Судаков-Мясной получил сведения, что хан «Достогмета агу азовского на Дон проведывать прямых вестей про царевичей». 18 февраля Судаков-Мясной получил сведения о том, что Достогмет благополучно вернулся в Крым с захваченными на Дону казаками которые сообщили что «два царевича пошли в Нагаи, а третий царевич утек в Астрахань». 20 марта «князь» Мурад «Сулешев» сообщил, что «Ко царю пришла прямая весть про царевичи». Вести были нерадостные для Ислам-Гирея II: Мурад-Гирей определенно находился в Астрахани Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей в «Шевкалах» шамхала тарновского, склонявшегося в тот момент к ориентации на Сефевидов. В начале мая стало известно, что Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей «в Черкасах в Кумыках» и уже получили приглашение прибыть к «кызылбашскому». Водворение «царевичей» на Кавказе в условиях продолжавшейся ирано-турецкой войны угрожало интересам Порты. Правда, для хана Ислам-Гирея II чем дальше они были от Крыма тем было лучше.

По сведениям Судакова-Мясного 21 апреля к Ислам-Гирею II пришли «из Казыева улуса и от Аросланы мирзы Дивеева и ото всех мирз, которые жили в Калмиюсе». Крымские мангыты и малые ногаи поддержавшие «царевичей» просились жить на прежнее место, и готовы были шертовать новому крымскому хану и просили прислать для этого в Азов «царевича», одного из ханских братьев который также должен был дать шерть Арсланаю и ногайским мурзам «Казыева улуса» о «забвении» их вины. Ислам-Гирей II готов был пойти на это предложение, если мурзы в свою очередь не будут иметь ни каких дел с Сеадет-Гиреем и его братьями. Однако вскоре выяснилось, что Арсланай «Дивеев» мирится с ханом не желает и находится при Сеадет-Гирее и Сафа-Гирее. Ключевое значение для оценки ситуации и в Крыму и вообще во всем регионе имела информация о планах Порты. Судаков-Мясной успешно собирал такую информацию. Переворот в Крыму весной 1584 г. приведший к гибели Мухаммед-Гирея II был инспирирован Портой с целью прекратить «саботаж» Крыма в военных действиях против Сефевидов на Кавказе. После событий

лета и осени 1584 года ситуация в этом плане изменилась для Стамбула в худшую сторону. Инициатором свержения хана «отказавшегося предоставить достаточное количество войск для оказания помощи туркам» был главнокомандующий османскими силами на Кавказе Оздемоглы Осман-паша (Финкель К. История Османской империи. Видение Османа М., 2014. С. 238). В августе 1584 г. он был назначен великим везирем. Вторжение «царевичей» и неспособность хана Ислам-Гирея II удержать власть без военной помощи Порты привело Осман-пашу в ярость. Это ставило под угрозу ход военных действий против Сефевидов. Водворившись в Костомане великий везирь, ведя подготовку к походу на Кавказ не упускал из виду ситуацию в Крыму. Осман-паша сразу же попал в поле зрения Судакова-Мясного и стал одним из главных «героев» его статейного списка.

В момент прибытия в Крым Судакова-Мясного в Крым в Кафе находился следовавший в Стамбул русский посланник в Крым Благово. С ним Судакову-Мясному удалось установить контакты посредством служилых татар и толмачей 5 марта 1585 г. Судакову-Мясному стало известно, что в Кафу прибыл «Осман пашин приказной человек Сефер ага». Эмиссар великого везиря потребовал немедленного отправления Б. Благово в Синоп и далее в Костоман в ставку Осман-паши. Одновременно прибыли «копычеи» (младшие офицеры янычарского корпуса) с приказом выяснить «сколько ноне в Кафе воинских людей». Однако главная их цель заключалась «проведывати прямых вестей про царевичей, где ныне царевичи» (РГАДА. Ф. 123 Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 17). Благово отбывший из Кафы 5 марта прибыл через Синоп в Костоман, где был принят Осман-пашою. Переговоры показали явное стремление «сильного человека» Порты в кратчайшие сроки завершить войну с Ираном. Проведя переговоры в Костомане Благово 26 марта отбыл в Стамбул, куда прибыл 8 апреля. Пребывание русского посла в османской столице затянулось до 12 июня.

Следует отметить, что И. Судаков-Мясной доставил в Москву предварительные донесения Б. Благово о его пребывании в Крыму — грамоту на имя государя (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 308—316 об.). Это обстоятельство особо было отмечено в русской посольской документации по связям с Османской империей. До сих пор русским гонцам и даже послам в Крыму не удавалось координация действий с пребывающими в Кафе коллегами, направляющимися в Стамбул, как это было в случае с А.Ф. Нагоим и И. Новосильцевым.

В марте 1585 г. Судаков-Мясной получил сведения том, что «турский царь посылает Осман-пашу на Тереку ставити в трех ме-

стах города, А с Осман пашею идут ис Кафы Ферган-паша да Айдар-паша И как посавят на Тереке города. И Осман-паше идти со всеми людьми под Астрохань и ставити город на Старом Городище и промышлять им над Астроханью» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 19 об.). Осман-паша явно связывал успешное начало войны с очередной сменой хана на крымском престоле. Ислам-Гирей II готовился к худшему 25 апреля Судакову-Мясному стало известно о прибытии из Стамбула Олы чавуша с фирманом о переводе «за море в Костоман к Осман-паше» основных сил из Кафы. В Крыме хану оставлялось «пятьсот человек янычер». Велено было также укрепить Перекоп. 29 апреля Судкову-Мясному стало известно о новой инициативе Османа-паши он приказал находившимся в Крыму ханскому брату Фетх-Гирею прибыть в свою ставку в Костоман. С ним был проведен зондаж относительно возможности занятия им крымского престола. Будущий крымский хан тогда отказался.

В целом для Судакова-Мясного постепенно стала вырисовываться перспектива начала новой крупномасштабной кампании османов в Закавказье с целью не только полного вытеснения из этого региона Сефевидов, не только выхода османов к Каспийскому морю с установлением контроля над всем его западным побережьем, но и установления контроля над устьем Волги. Речь вновь шла об очередной астраханской экспедиции. Одновременно Порта планировала прочно утвердиться на Тереке. Словом планировался большой кавказский поход. Между прочим, сведения собранные И. Судаковым-Мясным подтверждались информацией Б. Благово. Еще во время своих переговоров в декабре 1584 г. с беком Мурадом Яшлавским в Кафе он услышал от него весьма четкую мотивацию похода османов на Кавказ: «Ныне на турецкого стали заодин кызылбашский с шевкальским да тюменским и с иными князьями, а ныне стоят на турецкой границе блиско Шамахи и в те города которые поймал турецкий у кызылбашского, ис Царягорода и в Царегород людей воинских не пропускают» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 382об.).

Амбициозные планы Османа-паши, включая другой план астраханского похода, естественно вызывали в Москве озабоченность. Правда, сам великий везирь в октябре 1585 г. с огромному облегчению всех «заинтересованных сторон» скончался на театре военных действий на Кавказе. Однако планы похода на Астрахань оставлены не были (Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей - Казань 2009 // Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Московия, Османская импе-

рия и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577—1588 г. С. 198; Курат Аксен Нигмет Собрание Сочинений. Книга 3. Турция и Поволжье. Казань, 2015. С. 186—190). Как известно, Годунов предпринял мощный ход, отправив в Астрахань одного из «царевичей» Мурад-Гирея что в условиях продолжающейся крымской «ссоры великой» лишала новое военное предприятие Порты шансов на успех.

Вне всякого сомнения, информация собранная Судаковым-Мясным была оценена надлежащим образом. Сведения собранные Судаковым-Мясным были вскоре дополнены вернувшимся из Стамбула Благово. Впрочем, вскоре Годунов мог получить информацию о планах Порты из «первоисточника» — эmissара Осман-паши, направляемого к «царевичам». Первым о нем узнал, конечно, Судаков-Мясной. Судаков-Мясной четко определил, что все оставшиеся в Крыму сыновья Девлет-Гирея I — братья хана Ислам-Гирея II Али-Гирей Сахиб-Гирей, Мубарак-Гирей и Фетх-Гирей сохраняют ему лояльность. Они являлись «кровными врагами» племянников — Сеадет-Гирея, Сафа-Гирея и Мурад-Гирея. Ключевой фигурой являлся калга Алп-Гирей: «Крымским юртом всякие люди калгу царевича любят и государем ево хотят, и Ислам-Гирей царь во всяких делах калги царевича слушает» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 4.об.). Такое же положение он застал и во время своей второй миссии в Крым в 1587—1588 г. Сведения Судакова-Мясного в дальнейшем подтверждались из окружения Мухаммед-Гирея в Астрахани сообщаемых астраханскими воеводами. Алп-Гирей явно претендовал на престол после смерти брата или его отстранения Портой. Однако у Алп-Гирея вскоре, уже летом 1585 г., появился грозный соперник, которому весной 1588 г. он проиграл схватку за бахчисарайский престол. Судаков-Мясной первый заметил появление этого очередного «царевича», хотя и не предполагал что вскоре ему придется встретиться с ним как с новым крымским ханом. Это был еще один брат Ислам-Гирея II Гази-Гирей. Первоначально ходили слухи что он либо убит, либо попал в плен к иранцам. В марте 1585 года И. Судаков Мясной получил о нем следующие сведения от «крымского татарина» Исмаила Али: «Взят был в Кызылбашех в полон крымский царевич Девлет-Киреев сын Казы-Гирей царевич. И его сказали в Кызылбашех убили. А ныне весть подлинная до царя (хана Ислам-Гирея) дошла, что Казы-Гирей царевич в Кызылбашех жив, а кызылбашский шах дал за него свою дочь и учинил его царем, дал ему город Кенжу на рубеже с турецкого границы за Кур (Курою) рекой». Сведения И. Судакова-Мясного подтвердились и другими источниками. После этого русский гонец о Гази-Гирее

не слышал, но после его возвращения в Москву туда стали поступать сведения о том, что Гази-Гирей находится в Стамбуле и пользуется борольшим расположением султана. В следующем статейном списке Судакова-Мясного 1587—1588 г. Гази-Гирей является уже «главным героем». Судя по всему сведениям о Гази-Гирее доставленным Судаковым-Мясным летом 1585 г. в Москве не придали должного значения, в отличие от информации о калге Алп-Гирее.

12 мая Судакову-Мясному была дана отпускная аудиенция ханом Ислам Гиреем II. В своей речи хан объявил, что первоначально он предполагал отправить в Москву «гонца легкого» а И. Судакова-Мясного оставить и отпустить при посольском размене, однако «то яз ныне отговорил». Судаков-Мясной отпускаясь с ханским гонцом Джан (Ян) пашой мурзой. Новым послом в Москву назначался Кутлу-мурза Сулешев, один из многочисленных младших братьев бека Мурада (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 25). В ответ И. Судаков-Мясной попросил «сказать, с чем посылаешь к брату своему, к государю нашему, гонца своего». Это был рискованный ход, но как оказалось впоследствии совершенно обоснованный. Хан заявил, что «пишет к брату своему о всяких делах в своей грамоте», но демарш русского дипломата без внимания не оставил. К моменту, когда хан решил отпустить Судакова-Мясного из Крыма, а перспектива его задержания на неопределенный срок была весьма реальной, положение Крымского ханства и его лично положение на престоле было исключительно тяжелым. Поэтому, не оставив без внимания вопрос гонца на отпускной аудиенции Ислам-Гирей II выслал к нему свое доверенное лицо. Этот факт наглядно свидетельствовал, что Судаков-Мясной «перерос» положение обычного гонца.

18 мая 1585 г. к Судакову-Мяснову прибыл Зентимир-ага с «тайными речами». «Ислам-Гирей царь велел тебе говорить тайно к брату своему, а ко государю вашему, в своей грамоте о том не пишу. Приказывает тебе словом сказывать царю. Поехал ко государю вашему Мурат-Кирей царевич. И царю был царевич братин сын. А нынче царю учинился недругом. И учнет Мурат-Кирей царевич Ислам-Гирея царя со государем свавить, и государь ваш тому не верил, штобы меж двух великих государей дружба не порушивалась». Итак, хан устами своего доверенного лица, обозначил главный вопрос русско-крымских отношений., оставшейся в силе до весны 1591 года. Выделение фигуры именно Мурад-Гирея было, конечно не случайным: именно он был уполномочен братьями «выстраивать отношения» с Москвой.

Завершающим аккордом миссии Судакова-Мясного была его аудиенция у калги Алп-Гирея 7 июня уже за Перекопом на Молочных Водах. Помимо объявления о том, что калга посылает вместе с Судаковым-Мясным своих гонцов ему было объявлено что мурзы Казыева улуса «быют челом» крымскому хану а «душманы (враги) наши два царевича пошли в Кызылбаши». Это было намеренной дезинформацией: Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей находились в Закавказье. Итак «Лета 7093-го июля в 2 день приехал ис Крыму к Москве Иван Судаков сын Мясного да служилый татарин станичная голова Боран Боданин». «В дороге за Болховом» остались крымский гонец Джан (Ян) паша мурза «с товарищи». В тот же день Посольский дьяк А. Щелкалов получил статейный список, 3 июля список «слушал» государь Федор Иванович и в тот же день последовали распоряжения о встрече крымских гонцов. Однако возобновление «ссылок» с Москвой не предвещало хану Ислам-Гирею II ничего хорошего. В руководящих кругах Русского государства уже зрели планы использовать крымское «двоецарствие» в целях решения целого ряда внешнеполитических задач, причем донесения Судакова-Мясного только подкрепляли правильность сделанных в Кремле выводах о перспективах призвания «царевичей» «под руку» московского государя.

Для самого Судакова-Мясного несомненный успех его миссии имел вполне предсказуемые последствия. Через не очень продолжительное время в ноябре 1586 г. он был в третий раз отправлен гонцом (фактически посланником) в Крым, на этот раз уже в условиях пребывания Мурад-Гирея в Астрахани, приведшего к еще большему обострению отношений Москвы с «законным» ханом Ислам-Гиреем II.

Третья миссия Судакова-Мясного затянулась до лета 1588 г. и по драматизму и насыщенностью событиями намного превзошла вторую. Но это уже тема отдельного рассказа. В деятельности Судакова-Мясного виден профессионализм выдающегося дипломата и разведчика: сбор и анализ полученной информации, координация действий с коллегами, выявление относительно лояльных по отношению к Москве представителей местной политической элиты. Подобный профессионализм отличал, впрочем, и многих его коллег, того же Благово. Эта достаточно значительная прослойка людей, сформировавшаяся в последние годы правления Ивана Грозного и умело использованная Б.Ф. Годуновым, обеспечила внешнеполитические успехи Русского государства в период правления Федора Ивановича.

Первые строители Нового Иерусалима: археологические свидетельства

Ведущиеся с 2009 г. исследования Ново-Иерусалимской археологической экспедиции (под рук. Л.А. Беляева) в Воскресенском монастыре на р. Истре принесли обильный материал, позволяющий детально рассмотреть начальную стадию организации строительного производства второй половины 1650-х — первой половины 1660-х гг. Данных довольно для того, чтобы на их основе выдвинуть ряд гипотез. В докладе представлены две из них, позволяющие представить технологические процессы своего рода зеркалом, отразившим участие в творческом процессе групп персонажей и даже отдельных людей, часть которых известна нам поименно (что свойственно исторической археологии, оперирующей письменными, иконографическими, археологическими и иными данными практически в одном пространстве).

Речь идет, в первую очередь, о создании нового типа русского изразцового декора, архитектурного — о процессе, требовавшем не только технических знаний и гончарных навыков, но и обладания производственными секретами изготовления поливы, а также художественными дарованиями и опытом. О создателях декора есть некоторые сведения в письменных источниках, а его результаты доступны обозрению на фасадах Воскресенского собора. Но археология позволяет выделить отдельные фазы внутри первого этапа строительства и, возможно, идентифицировать отдельных мастеров.

Отметим, что тончайшие прослойки, относящиеся к самому началу монастырского строительства (1656—1658 гг.), вообще не содержат ни изразцов, ни поливной посуды — в них только, и то местами, кости рыб и неполивные черепки. Выше слой насыщается изразцами, причем очень разных видов. Мы видим здесь: московские красные широкорамочные; муравленные восточноевропейские (т.н. белорусские); подражания литовским (вильнюсским); варианты, характерные для Троице-Сергиевой лавры. Все эти изразцы, однако, печные. Что же касается крупных архитектурных изразцов, ради которых патриарх Никон и организовал свое производство, то количество их незначительно. А, главное, это вовсе не такие изразцы, какие представлены на фасадах и в интерьере Воскресенского собора.

Для этого раннего этапа производства характерны:

1. лекальные кирпичи сложной формы, покрытые разноцветными поливами (то есть, скорее, имитация изразцов);
2. основания колонок, слепленные из нескольких изогнутых пластин, соединенных вручную (примерно так их лепят сейчас из пластилина);
3. пластины с узором, где зоны поливы различного цвета разделяются углубленными бороздками («силезский способ»);
4. плоские пластины, на поверхность которых наклеены круглые в сечении полосы (так современные хозяйки украшают пироги);
5. части изразцовых рамок, узкие Т- и Г-образные обрамления, (окончины или рамы иконостасов?);
6. изразцовые плитки без румпы, по размеру близкие печным поясковым изразцам, где края вертикально подняты по контурам рисунка, разделяя поливу так, как принято в ювелирном деле при разделении цветных перегородчатых эмалей
7. отсутствие единого метода крепления изразца в кладке: использовали узкую румпу-полоску по центру (как в красных перемычках), кое-где использовали металлические скрепы (столп Голгофской церкви), а плоские пластины крепили к стене на растворе (как сегодня клеют плитку).

Видимо, перед нами попытки создать архитектурные детали методом ручной лепки и другие примеры опытов в этом направлении. Возможно, часть произведенных таким образом материалов была использована при украшении ранних сооружений монастыря: деревянной Трехсвятительской церкви и надкладезной часовни («Колодец Ангела»).

Но в дальнейшем эти попытки оставят. Материал третьего, вышележащего, слоя разительно отличается. Он, буквально, состоит из огромного количества большемерных архитектурных изразцов. В поистине огромных (объемом до 20,0 x 30,0 x 3,5м) гудах бракованных изделий и развалах продукции Нового Иерусалима есть не только все ныне сохранившиеся на Воскресенском соборе формы, но и целые серии ранее неизвестных. Рельеф лицевых пластин у них выполнен оттиском с формы-матрицы, а румпа лепная коробчатая, в особо крупных изделиях — с перемычкой, часто очень большая или сложной формы.

Разделение поливы достигается путем создания разновысоких, плавно меняющихся по высоте деталей рисунка («эмалевый рельеф», «рельеф под эмаль»). Кроме того, при такой технике рельефа цвета поливы слегка играют, создавая дополнительные оттенки. От-

метим и появление новых рецептов самой поливы, которая приобрела глухоту и новые цвета.

Изразцы ставились непосредственно в кладку, а не в штрабу. Обилие, системное размещение и, особенно, мощные румпы позволяли использовать их не как укрепленный на фасаде декор, а как часть несущей конструкции, как полноправную архитектурную деталь. Именно в изразцах исполнялись ордерные элементы, ориентированные на повторение облика храма Гроба Господня (в оригинале они каменные).

Конечно, этот технологический прорыв мог быть осуществлен только под руководством опытных и склонных к смелым экспериментам мастеров, подлинных артистов в своем деле. Мы знаем о них не очень много: патриарх Никон привлекал специалистов из Европы всеми возможными путями, перевозя их сначала в Иверский монастырь («кутеинские старцы» из Восточной Литвы), потом нанимая или покупая как в завоеванных на время литовских городах, так и в московских слободах, у вернувшихся из похода воевод. Имена некоторых нам известны благодаря последующему переводу их в Оружейную палату, но о тех, кто, начиная работы по созданию изразцового декора, совершил вышеописанный технолого-художественный переворот, мы знаем меньше.

Есть, однако, одно исключение — это Петр Иванович Заборский. Из письменных источников можно понять, что он был приглашен патриархом в Ново-Иерусалимский монастырь в 1658 г. (из Мстиславля или из Вильно — непонятно) и работал до 1665 г., когда умер и был погребен в монастыре, причем не на общем кладбище, а отдельно, возле южных врат Воскресенского собора, под лестницей на Голгофу (см.: Беляев Л.А. Капелла франков в Новом Иерусалиме? Архитектурно-археологические объекты у южного фасада Воскресенского собора (предварительное сообщение) //Архитектурное наследство. М., 2017, в печати).

Об этом сообщает надгробная плита, установленная на внешней стене собора, в которой традиционно упоминается день преставления (2 июля), имя покойного и его отца, а в данном случае еще и прозвище («Петр Иванов сын Заборской») и — что совсем уж необычно — подлинный панегирик его профессиональным талантам и творческому вкладу в создание собора: «золотых, серебряных и медных, ценных и всяких рукодельных хитростей изрядный ремесленный изыскатель, потрудившийся zde о украшении сея святыя церкви в ценных и иных делах не малое время». Интересно, что в перечислении дважды упомянута «ценина», то есть эмаль (глазурь, полива), а

также экспериментальный, «изыскательский» характер труда. О высоком статусе этого человека и его близости с Никоном свидетельствует указание на то, что он «сподобяся погребенным быть от самого Святейшаго Никона Патриарха Московского», наряду с близким ему человеком, иподьяконом Никитой Никитиным (других погребений в Воскресенском соборе, совершенных при Никоне, неизвестно).

Всегда предполагалось, что именно Заборский стал, выражаясь средневековым языком, главным мастером Воскресенского собора и, прежде всего, его главным технологом и художником-декоратором. В отношении изразцового производства мы можем это утверждать, благодаря эпитафии и нашим наблюдениям над археологическими материалами, с известной уверенностью. Но не будем отрицать возможности работы бок о бок с ним других мастеров, возможно, более молодых, которые не удостоились такой эпитафии просто потому, что умерли не в Новом Иерусалиме, а сделали вполне успешную карьеру в Москве после ссылки патриарха (Степан Полубес и др.).

Археология сделала свое дело в поле (хотя предстоит, конечно, еще серьезная лабораторная атрибуционная работа), она смогла сформировать портрет «мастера Воскресенского собора». Вероятно, это коллективный портрет, личности составляющих его мастеров еще предстоит выделить. Но не менее интересна и важна в этой перспективе новая работа с документами, лучше всего — комплексная программа, способная объединить усилия не только отечественных, но и белорусских, литовских, польских архивистов. Наши сведения о работавших в Новом Иерусалиме иноземцах, том же Петре Заборском и многих его сподвижниках, нужно дополнить данными об их обучении на родине, о среде, из которой они вышли, о произведениях, ими созданных до появления в России.

Это во многом прояснит и само появление у патриарха Никона замысла Нового Иерусалима, прототипом которого были западноевропейские *кальварии* и центральноевропейские *сакри монти*. (См. подробнее: (см.: Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Маркеры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре» — Отв. ред.: А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М., 2015. С. 147—154; Beljaev L.A. Begegnung an der Istra: Die Archäologie des Neue Jerusalem-Auferstehungsklosters // [Steindorff L., Auge O. in Verbindung mit Doronin A., Hrausg.] Monastische Kultur als

transkonfessionelles Phänomen. Beiträge einer deutsch-russischen interdisziplinären Tagung in Vladimir und Suzdal' (Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts Moskau, Bd. 4). Oldenbourg, 2016. S. 217—236).

Гуськов А.Г.

Думный дьяк Е.И. Украинцев: проблема обеспеченности источниками истории жизни приказного служащего второй половины XVII в.

Биография думного дьяка Е.И. Украинцева (в документах в основном встречается написание — Украинцов) достаточно широко известна. В его лице мы видим пример наиболее успешной карьеры приказного деятеля, прошедшего все ступени служебной лестницы. Начав работу в чине подьячего Новой чети в 1661—1662 гг., он в 1689 г. становится руководителем Посольского приказа и соединенных с ним 6 ведомств в чине думного дьяка (Подробнее см.: Гуськов А.Г. От Андрусово до Эгера: 45 лет на службе Отечеству (очерки жизни Украинцева) //Сборник русского исторического общества. Т. 9 (157). М., 2003. С. 293—308; Гуськов А.Г. О поездке думного дьяка Украинцева к Ференцу II Ракоци //Освободительная война 1703—1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб., 2013. С. 139—147). Примеров такого рода в истории XVI—XVII вв. насчитывается немного.

Однако полноценное антропологическое исследование жителей допетровской Руси (исключая венценосных и высокопоставленных особ) встречает на своем пути ряд препятствий. Во-первых, это ограниченность имеющейся источниковой базы, связанная, прежде всего, с крайней фрагментарностью материалов личного происхождения (воспоминаний, дневников, частной переписки). Во-вторых, отсутствие систематических метрических записей и материалов статистического учета населения. В-третьих, наличие т.н. «домостроевского» мировоззрения, предполагавшего полное исключение публичности в повседневной жизни, что вело, например, к скудности портретной живописи («живых» изображений «москвитов» до начала XVIII в. найти фактически невозможно). Тем не менее, изучение архивных фондов и опубликованных документов позволяет выявить несколько групп источников, по которым мы можем про-

следить основную канву жизни служащего системы государственного управления той эпохи.

Первая группа включает стандартную приказную документацию: памяти, отпуски, выписки, челобитные и т.д. Деятельность Украинцева отражена в абсолютном большинстве служебных бумаг на протяжении всей его карьеры. Для начальных этапов характерны эпизодические упоминания подъячего в списках на получение годового денежного и кормового жалования, выдач на праздники, «дворовое строение» и т.д. Большинство таких выплат инициировалось челобитными самого служащего. Сохранились прошения и по другим поводам. Например, в феврале 1667 г. он просил о переводе из приказа Новой Чети: «... пожалуй меня холопа своего, вели мне... быть в подъячих в Посольском приказе» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 26 (1667 г.). Л. 62. 1 марта 1667 г. прошение удовлетворяется с зачислением его в «Среднюю полату» дипломатического ведомства).

Повышение до дьяческого чина значительно расширило функционал деятельности Емельяна Игнатьевича. Его припись теперь встречается на большинстве документов, касающихся визитов тех или иных иностранных дипломатов. В частности, дьяк заверял грамоты, отправленные в приграничные воеводства с целью подготовить достойную встречу послов или посланников, помечал отписки, пришедшие от воевод, приставов и других лиц, встречавших гостей. Он участвовал в обеспечении въезда миссий в Москву, определении места их проживания и снабжения, вел текущие переговоры и согласовывал тексты документов (См., например, описание визита в Москву в 1675 г. послов австрийского императора А.Ф. де Ботони и Я.К. Терлингерена (ПДС. Т. V. СПб., 1858. Стлб. 6, 8, 11, 23—25, 28, 29, 31, 38, 45, 47, 144, 187—221, 238—272 и т.д.)) Одновременно его пометы, приписи и скрепы появляются на бумагах ряда учреждений, подчиненных Посольскому приказу: с декабря 1674 г. — во Владимирской и Галицкой четьях, Новгородском приказе, с февраля 1679 г. — в Малороссийском, с июля 1680 г. — в Устюжской чети. Наибольший пик активности приходится на 1690-е гг. — период руководства дипломатическим ведомством. Почти любой документ, исходивший из недр приказа, имел упоминание об Украинцеве с его «рукоприкладством». Многочисленные отметки на документах приказов и четвертей поражают своим числом, скрупулезностью. Публикация делопроизводственных материалов, за редким исключением, остается уделом будущих исследователей.

Занимая высокую должность, думный дьяк стал участвовать в событиях общегосударственного значения, фиксировавшихся грамота-

ми и актами: 3 мая 1681 г. он объявил собравшимся в Успенском соборе Кремля людям о заключении двадцатилетнего перемирия с Турцией и Крымом (СГГД. Ч. 4. М., 1828. С. 383.), 12 января 1682 г. подписал с прочими думными чинами акт об уничтожении местничества (СГГД. Ч. 4. С. 409.); 27 апреля 1682 г. участвовал в приведении к кресту в соборной Апостольской церкви людей «разных чинов» (Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. VII. Т. 13—14. История России с древнейших времен. М., 1991. С. 320.), в мае-августе 1682 г. в составе комиссии описывал казну царя Федора Алексеевича (Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584 — 1728 гг. Вып. I. М., 1877. С. 214.) и т.д. Актовые документы, т.е. устанавливающие определенные правоотношения (Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 22.), составляют вторую часть материалов. Их публикация осуществлена в многотомных сборниках, изданных в XIX веке (ДАИ. СПб., 1853—1872. Т. V, XII; Русская историческая библиотека. СПб., 1889—1890. Т. XI, XII; СГГД. М., 1828. Ч. 4; Катаев И.М., Кабанов А.К. Описание актов собрания графа А.С.Уварова. М., 1905; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879). Получал Украинцев и собственные жалованные грамоты на различные земли (Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 17. Оп. 2. Д.940. Л. 1—15, Ф. 388. Оп. 1. Д. 191; Катаев И.М., Кабанов А.К. Указ. соч. С. 486; Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1948. Т. V. С. 292; ПБПВ. Т. VIII. Вып. 2. М., 1951. С. 950.), а также материальные награды (так, за участие в заключении Вечного мира 1686 г. он получил 29 июня «кубок серебряный золочен весом в 3 фунта, кафтан атласный на соболях ценою в 120 рублей, к прежнему окладу... придачи 80 рублей, да на вотчину — 200 ефимков» (СГГД. Ч. 4. С. 525.)).

Следующая группа источников, частично пересекающаяся с первой, связана с внешнеполитической деятельностью Русского государства — это материалы дипломатических миссий. Хотя отписки и статейные списки дипломатов по формальным признакам тоже можно отнести к служебному «бумаготворчеству», их следует выделить в особую группу. Отписки-отчеты и статейные списки-дневники, имея в своей основе определенный формуляр, носили во многом творческий характер. Особенно выделяются оригинальные описания событий, происходивших с самим посланцем за рамками официальных церемоний, и анализ политической и военной обстановки в странах региона пребывания миссии. Из 9 самостоятельных поездок Украинцева в 1672—1708 гг. сохранилось 6 статейных списков и несколько десятков отписок дипломата: 1672 г., Речь Посполитая — ст.сп. и отписки; 1672—

1673 г., Швеция, Дания и Голландия — 4 отписки; 1677—1678 г., Речь Посполитая — ст.сп. и отписки; 1679 г., Украина — ст.сп.; 1679—1680 г., Речь Посполитая — ст.сп.; 1684 г., Украина — ст.сп.; 1699—1700 г., Османская империя — ст.сп., отписки; 1707 г., Речь Посполитая — письма; 1708 г., Венгрия — письма. Из них к настоящему времени опубликованы материалы поездок 1672—1673 (ПДС. Т. IV. Стлб. 753—946.) и 1699—1700 (Материалы посольской книги (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27.)) с подробнейшим цитированием всех важных документов и переписки легли в основу пятого тома сочинения М.М. Богословского (Богословский М.М. Указ. соч. Т. V.) гг., а также часть писем 1707 (ПБПВ. Т. VI. СПб., 1912. С. 80, 352, 367, 381—385, 410 и др.) и 1708 (ПБПВ. Т. VII. Вып. 2. М., 1946. С. 795, 798 и др.) гг.

Достаточно высокий пост, который занимал Украинцев, обусловил упоминания его имени в немногочисленных материалах личного происхождения. В первую очередь это воспоминания и мемуары иностранцев, пребывавших в России, — де ла Невилля, И.Г. Корба, П. Гордона (Невилль де ла. Записки о Московии. М., 1996; Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906; Гордон П. Дневник, 1684—1689. М., 2009; Гордон П. Дневник, 1690—1695. М., 2014). В своих заметках они подходят к оценке личности думного дьяка с противоположных позиций. Если первый негативно высказывается о способностях и манерах Украинцева, то второй характеризует его исключительно с положительной стороны. П. Гордон, в свою очередь, старается вообще избегать оценочных эпитетов. В целом, субъективность первых авторов требует осторожного подхода к их сообщениям. Не менее строго следует подходить к воспоминаниям российских современников. Многие сведения, например из записок И.А. Желябужского, требуют дополнительной проверки, так как некоторые упоминаемые им факты не подтверждаются другими источниками (Записки И.А. Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840).

Сохранилась и часть эпистолярного наследия, включающая переписку как самого Украинцева с различными адресатами (В.В. Голицыным, Петром I, П.П. Шафировым и др.), так и третьих лиц о нем (Петра I, А.А. Венинуса и др.). Например, в переписке с В.В. Голицыным (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 949) в дни «хованщины» думный дьяк информирует своего патрона о происходящих в столице событиях, о настроениях среди стрельцов и посадских людей, о проблемах чиновничьего управления. В июле 1682 г. думный дьяк выполнял секретные поручения боярина, возможно связанные с подготовкой убежища для царевны Софьи на случай осложнений: «Да стереги, ради Бога, при-

става, который послан в Иверский монастырь, чтоб письмо, которое он привезет, не попало к иным мимо вас в руки... И о том се письмо держи тайно, чтоб никто не ведал» (Цит. по: Богоявленский С.К. Хованщина // Исторические записки. Т. 10. М., 1940. С. 192, 200, 212, 214). Часть переписки опубликована — с царем и частью его окружения (ПБПВ. СПб., 1887—1951. Т. I—III, VI—VIII), а также два письма от В.В. Голицына (ДАИ. Т. X. СПб., 1867. С. 62—63).

Оригинал родословной «скаска», представленной Украинцевым в Палату родословных дел в 1694 г., к сожалению, безвозвратно утрачен в пожаре 1812 г. Однако в ф. 286 («Герольдмейстерская контора при Сенате») имеется в наличии пространная выписка из нее, появившаяся в 1757 г. по запросу одного из дальних родственников думного дьяка (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 433. Л. 286 об., 295 об.). По родословной можно проследить столетнюю историю рода Украинцевых, чьи предки выехали с юго-западных земель Руси, находившихся под властью литовских князей, и пустили свои корни на Рязанщине. Материалы «скаска» дополняются поминальными синодическими записями о роде главы Посольского приказа: а) размещенной на стенках ковчега-мошевика, находящегося в фондах Государственного исторического музея (Лаврентьев А.В. Ковчег-мошевик. 1700—1706 гг. // Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI—XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 159—176), б) находящейся в составе синодика Никольского Староладожского монастыря (Опубл.: Синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI—XIX века / Подг. текстов и исследование Н. В. Башнина. М.; СПб., 2012. С. 143; информация приводится по статье Л.А.Тимошиной: Тимошина Л.А. Московский Никольский («Большая глава») монастырь во второй половине XVII в.: взгляд изнутри) // Каптеревские чтения — 13. Сборник статей. М., 2015. С. 108—109).

К пятой группе источников можно отнести межевые и переписные книги, позволяющие расширить наши знания о земельных и дворовых владениях Украинцева. Так, в списке межевой книги 1687 г. Московского уезда описываются поместные и вотчинные земли думного дьяка в Шеренской волости (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. I. СПб., 1869. № 1543. С. 151.), а в «Переписной книге г. Москвы 1665—1676 гг.» упоминается его двор в Белом городе в переулке в «Мыльники» (Переписная книга г. Москвы 1665—1676 гг. Т. I. М., 1886. Стлб. 201).

О юридических правоотношениях и семейном положении думного дьяка мы можем узнать из неопубликованных судебных дел. На

настоящий момент известны дела по иску стольника Н.Б. Пушкина к Украинцеву о «покраже» имущества и иску князя А.Ф. Шаховского к Н.Б. Пушкину о возврате приданого его жены Стефаниды, дочери Украинцева, бывшей в первом браке супругой сына ответчика (РГА-ДА. Ф. 210 «Разрядный приказ». Оп. 13. Д. 2244 и 2432).

Проведенный анализ показывает, что наиболее обеспечена источниками история дипломатической и служебной деятельности Украинцева. Хорошая сохранность приказной документации позволяет проследить почти весь период его работы в Посольском приказе. Достаточно информации и о материальном положении и земельных владениях (поместья и вотчины) думного дьяка. Но из имеющихся известий мы мало что знаем о личной и семейной сторонах жизни Украинцева. Кроме того, полностью отсутствуют сведения о его детстве и юности, мало данных о жизненных событиях в период 1701—1705 гг.

Дальнейшее изучение архивных фондов, как у нас в стране, так и за рубежом, позволит уменьшить «белые пятна» биографии Украинцева. Свидетельством служит, например, новейшее исследование о театре в России XVII в. (Дженсен К., Майер Ин. Придворный театр в России XVII века. Новые источники. 2016: Препринт — https://www.academia.edu/Придворный_театр_в_России_XVII_века._Новые_источники_в_печати_2016_). Из опубликованного (и проанализированного) в нем письма актрисы Анны Элизабет Паульсен от 4 апреля 1673 г. из Копенгагена полковнику Н. фон Штадену выясняются неизвестные ранее подробности поездки будущего думного дьяка в Данию в 1673 г. По неустановленной причине он не включил в свою официальную отписку в Посольский приказ (Опубликованную еще в XIX в. (ПДС. Т. IV. Стлб. 902—908.) и подробно проанализированную в статье М.А. Алпатова (Алпатов М.А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 89—129.)) информацию о переговорах с театральной труппой Паульсенов, в ходе которых он «трижды обедал» с самой актрисой, и рекомендательном письме, составленном для них (в исследовании не совсем точно указан дипломатический ранг Украинцева: он не являлся «посланником в Дании» осенью 1672 г. Его пребывание в Копенгагене проходило с 30 января по 5 апреля 1673 г., как он сам указывал в отписке, в статусе гонца. Двухмесячное пребывание в столице Дании связано не с представительными дипломатическими функциями, а с отсутствием зимней навигации и невозможностью продолжения поездки в сторону Нидерландов).

Погребение полковника В.Е. Жаворонкова в Ново-Иерусалимском монастыре

В ходе работ, проведенных в 2014 г. сотрудниками Ново-Иерусалимской археологической экспедиции (руководитель — д.и.н. Л.А. Беляев), был исследован участок некрополя, расположенный в западной части монастыря, между Больничными палатами и ротондой Воскресенского собора. Большинство погребений, датируемых концом XVII — первой половиной XVIII вв., не идентифицируются с конкретным лицом, однако в ряде случаев возможно установить личность погребенного человека. Один из таких случаев — погребение В.Е. Жаворонкова, командовавшего солдатским полком в конце XVII — начале XVIII вв. Погребение располагалось к юго-западу от ротонды, на уровне 1,5 м от дневной поверхности и было покрыто белокаменным надгробием с надписью, содержащей имя, отчество и фамилию человека, данные о времени его смерти и занимаемой им должности: «В лето 1717 месяца декабря в 9 день // преставися раб Божий бывшей полковник Владимир Емили//анович Жаворонков, а в монахах Василий. // Много живе и ко Господу отиде, // на сем месте погребен». Белокаменная плита имела размер 56x54x20 см и содержала только надпись, без рамки и орнамента. Схожие надгробия, содержащие только эпитафию без дополнительного оформления, встречаются в московских некрополях XVII в. (См.: Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996. Фото 88, 109, 117 и др.). Прорези букв сохранили следы красной краски, которая ранее заполняла их. Надгробие имеет форму близкую к квадрату, обусловленную тем, что в качестве заготовки использовался обломок плиты. При этом на лицевой части в полном размере поместились только 4 первые строки эпитафии, последняя пятая строка была написана буквами в два раза меньше. Надгробие было покрыто более поздними культурными слоями второй половины XVIII—XX вв. Погребенный — мужчина 50—60 лет. В захоронении были обнаружены фрагмент золотной ленты, застежка и обувная подковка.

Исследованное погребение позволяет восстановить завершающий этап биографии Владимира Емельяновича Жаворонкова, полковника, современника стрелецкого бунта 1698 г. До 1695 г. он командовал полком в Воронеже, который к тому времени перестал быть пограничным пунктом, что говорит о сравнительно невысоком статусе Жаворонкова. Однако позднее, в составе собранной Петром

I армии, он принял участие в Азовских походах (1695—1696 гг.), отправной точкой второго из которых стал Воронеж. Восстание 1698 г. застало его в Азове. После разгрома восставших П. Гордоном и А.С. Шеиным 18 июня под Ново-Иерусалимским монастырем (Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 363—396), стрельцы мятежных полков были отправлены на «вечное житье» в Азовскую крепость, где из них в 1699 г. сформировали 5 солдатских полков, одним из которых командовал В.Е. Жаворонков (Рабинович М.Д. Полки Петровской армии 1698—1725 гг. М., 1977. С. 26). Сформированные полки были «жилими», т.е. иррегулярными, их собирали для военных действий на определенный срок и затем распускали по домам. Полк В.Е. Жаворонкова, являясь частью Азовского гарнизона, принимал участие в подавлении Булавинского восстания 1708 г. и операциях против турок в 1711 г.

Вероятно, после расформирования азовского гарнизона в 1711 г. В.Е. Жаворонков закончил службу и принял постриг в Ново-Иерусалимской обители под именем Василий. Можно допустить, что выбор монастыря был как-то связан с тем, что в составе полка Жаворонкова были раскаявшиеся мятежные стрельцы, видевшие Воскресенский монастырь и рассказывавшие о событиях 18 июня. Многочисленные следы заболеваний опорно-двигательного аппарата, в том числе являвшиеся следствием перенесенных в молодости нагрузок (определение антрополога А.А. Рассказовой), говорят о том, что в последние годы жизни бывший полковник двигался с трудом. Тем не менее, в монастыре инок Василий прожил около 6 лет и был здесь похоронен.

Таким образом, исследование погребения позволяет дополнить биографию В.Е. Жаворонкова, расширить список лиц, захороненных в монастыре и получить новые сведения о составе и происхождении его братии в конце XVII — начале XVIII вв. Не менее важно, что удастся пролить некоторый свет на мысли и причины поступков участников событий 1698 г., установить неожиданные причинно-следственные связи между этими событиями и жизнью Ново-Иерусалимской обители.

Петр Калнышевский — исторические источники и антропологическая экспертиза

В августе 2015 г., благодаря проведению археологических работ, осуществленных старшим научным сотрудником Института археологии Российской академии наук В.А. Буровым, было выявлено погребение у южной стены Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря, которое предположительно содержало останки Петра Ивановича Калнышевского. В связи с этим возникла необходимость идентификации останков, с использованием методов и подходов современных медико-антропологических идентификаций останков. Коллектив Института археологии к настоящему времени обладает обширным опытом в проведении персонификаций исторических личностей. В частности, проводились работы по персонификации останков членов семьи графов Ермоловых (Энговатова и др., Археолого-антропологические исследования фамильной усыпальницы Ермоловых //Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. М., 2012. С. 111). Также в ходе работ в Троице-Сергиевой Лавре, на кладбище Московской Духовной Академии (2014 год), были определены места захоронений преподавателей Московской духовной академии Спасского А.А., Муретова М.Д., Металлова В.Д., Голубинского Д.Ф. (Энговатова и др., Археологические исследования некрополя Московской духовной академии //Археология и общество. Археология исторических монастырских некрополей: методика. Открытия, проблемы восстановления. М., 2015. С. 20) только основываясь на данных антропологической и судебно-медицинской экспертизы. Таким образом, опыт таких работ позволил нам обратиться к проведению экспертизы, направленной на выяснение принадлежности останков погребенного в грунтовой могиле у южной стены Спасо-Преображенского собора последнему кошевому атаману Запорожской сечи Петру Ивановичу Калнышевскому (Кальнишевскому).

Группа в составе двух исследователей, имеющих опыт в проведении персонификационных работ (М.В. Добровольская и И.К. Решетова) провел работы со скелетными останками из погребения. Экспертная оценка антропологических особенностей скелетных останков из погребения у южной стены Преображенского собора Соловецкого монастыря, основанная на комплексных биоархеологических методиках, позволяет с большой долей вероятности считать, что

останки погребенного у южной стены Преображенского собора Соловецкого монастыря принадлежат П.И. Калнышевскому».

В ходе исследований были выявлены такие биологические особенности как: значительное отставание биологического возраста от предполагаемого паспортного, высокие показатели физического статуса. Полученные данные позволяют по-новому воспринимать исторические свидетельства о длительном заключении Петра Ивановича Калнышевского в Соловецком монастыре.

Проведена реконструкция лица по черепу, позволяющая сопоставить элементы внешности Калнышевского, отраженного в его портретах различного возраста, иконографических изображениях.

Елкина И.И., Беляев Л.А.

Романовы, Черкасские, Сицкие... Остатки некрополя в Знаменской церкви Новоспасского монастыря

Проблема историографического мифа и местного предания (часто они слиты воедино и нет достаточно тонких инструментов их разделения) постоянно встает перед археологией Московского периода. Миф становится предметом изучения с привлечением и привычных, и новых источников, включая те, что препарируют для нас представители естественных наук (их выводы — тоже новый исторический источник, который еще предстоит осознать, как методическую проблему).

В докладе представлено историческое предание о братьях Никитичах Романовых в свете проработки источников на основе археологического материала. Сюжет по-своему очень актуален как пример ранней попытки использовать обычные для конца Средневековья репрессии в пропаганде: сначала Лжедмитрием I, узурпатором, стремящемся продемонстрировать неправоудие своего свергнутого предшественника, позже — наследовавшими трон Романовыми и близкими к ним семьями.

В 2013—2014 гг. сотрудниками ИА РАН под руководством д.и.н. Л.А. Беляева проводились археологические исследования на территории Новоспасского монастыря, точнее, монастырского некрополя. Как известно, в подклете Спасо-Преображенского собора находится усыпальница боярского рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых (бо-

лее 40 погребений боярского рода XVI—XVII вв.). Работы ее по изучению проводились в 1990-е гг. сначала силами монастыря, затем под руководством С.А. Беляева, а позднее А.К. Станюковича. В ходе работ комплексно изучили погребальные комплексы, уточнили места захоронений, идентифицировали большинство захоронений XVI—XVII вв, получили новые сведения о погребальном обряде.

В 2013—2014 гг. главным предметом внимания стал небольшой участок, расположенный в подклете центрального помещения придела, образованного перекрытиями и стенами каменного перехода между церковью Знамения Божией Матери и Спасо-Преображенским собором, так называемая восточная палатка. Интерес к этому участку был давно, однако он никогда археологически не изучался.

Участок этот важен потому, что источники связывают с ним погребения последних представителей боярской ветви семьи, давшей России трехсотлетнюю царскую императорскую династию. Его традиционно считали местом захоронения братьев Никитичей Романовых. Их отец — Никита Романов, виднейший боярин последних лет правления Иоанна Грозного, которому царь завещал опекунство над сыном Феодором. У Никиты было 5 сыновей: старший из них — Федор, отец царя Михаила, в будущем Патриарх Московский Филарет. С приходом к власти Бориса Годунова все братья Никитичи были сосланы по обвинению в «умышлении на царя колдовством» на дальние окраины: Феодор пострижен под именем Филарета и отправлен в Антониев Сийский монастырь, Александр — на Луду, Михаил и Иван — в Пермь, Василий — на Пелым. В тяжелейших условиях ссылки, испытывая мучения и голод, трое братьев не прожили и года (Михаил — в предании: «ныробский мученик», Василий и Александр).

Но после смерти Бориса Годунова Лжедмитрий возвысил выживших Никитичей, а усопших «реабилитировал». В 1606 г. Иван Никитич собрал их останки и перевез в родовой Новоспасский монастырь, похоронив к западу от собора. Во всех трех надписях над погребенными в монастыре Никитичей звучали одни и те же слова: «...преставился... в заточении от царя Бориса». В 1640 г. скончался сам боярин Иван и, как считается, был захоронен рядом с братьями. Невозможно сказать, почему Никитичей не положили внутрь подклета, в усыпальницу, где лежал их отец, и где окажется позже их старший брат, Феодор/Филарет. Вероятно, Иван предполагал построить здесь для себя, для братьев и других сородичей особую поминальную церковь.

Во второй четверти XVII в. (?) над погребенными выстроили небольшую каменную церковь иконы Знамения Божьей Матери, полу-

чившую позднее пристройки с севера и юга: «По надгробным же надписям видно, что: что оный храм существовал более двухсот лет; был весьма непространен ... а как под реченным храмом в усыпальнице все место наполнилось погребенными телами, то и пристроены были к оному храму на Северной и Южной сторонах палатки...» (Ювеналий (Восейков). Описание стоящего в московском ставропигальном Новоспасском монастыре храма Знаменья Пресвятой Богородицы. М., 1803. С. 11). В 1640 г. в этом храме был погребен вероятный ктиторий пристройки, Иван Никитич. Не может быть сомнений, что храм построили именно Романовы — образ Знаменья был их родовой святыней. Ему посвящены: Знаменский монастырь на Варварке (1631 г., при более раннем семейном храме того же посвящения); Знаменская церковь «на старом дворе» на Никитской (около 1625 г.); церкви на дворах родственников Романовых, бояр Черкасских и Одоевских.

Храм-усыпальница в Новоспасском монастыре существовала до конца XVIII века и была сменена ныне существующей (разобран в 1791 г.; новый освящен 15.01.1795 г., арх. Е. Назаров), в которой поместился некрополь Шереметевых, также родственников Романовым. Важным источником для его исследования является опись погребений, составленная в начале XIX в. настоятелем монастыря Ювеналием (в нашем распоряжении имела ее фотокопия, предоставленная монастырем).

Традиция почитать погребения Никитичей сохранилась до XIX в.: в особой палатке были поставлены новые надгробия, заменившие древние. Сохранилось дореволюционное фото, на котором зафиксировано это помещение (восточная палатка) как место почитания братьев. На фотографии видны 4 памятные плиты над предполагаемыми захоронениями. После революции монастырь был разорен, одно время в Знаменской церкви даже располагался вытрезвитель, а в помещении, о котором идет речь, была помывочная.

Мы приступили к археологическому изучению участка уже после того, как представители общины самостоятельно вскрыли полы в палатке церкви с целью технического приспособления здания, и обнаружили участок некрополя XVII в., выглядевший почти не потревоженным. Потребовалось участие археологов-профессионалов.

«Палатка Никитичей» (восточная палатка) — замкнутое пространство сложного плана, образовавшееся между южной апсидой Знаменского храма и западной стеной Преображенского собора, под лестничным переходом. В основании восточной стены центрального участка лежат массивные белокаменные блоки фундамента, скрепленные из-

вестковым раствором — остатки подиума, на котором до 1920-х гг. находились четыре мемориальные плиты братьев Никитичей.

Центральную часть помещения, существенно ниже уровня пола, занимали четыре тесно поставленных белокаменных антропоморфных саркофага разного размера (один принадлежал взрослому, три — детям) и большая надгробная плита. Все саркофаги *in situ*, ориентированы по линии запад-восток, изголовьем на запад, их крышки почти в одном уровне. Массивная надгробная плита лежала примерно в том же уровне; ее западную часть перекрывал завал строительного мусора. Крышка одного детского саркофага и плита имеют надписи.

На боковой грани крышки детского саркофага с надписью зафиксирован орнамент «елочка»; с правой (южной) стороны он стесан, а в изножии частично сохранился. По-видимому, маленький саркофаг вытесали из крупной монолитной заготовки надгробия. На крышке имеется врезанная надпись вязью, канавки трехгранные, пропорции букв средне вытянутые (высота строки 6 см, промежуток 4 см) Всего строк 7. Надпись отмечает смерть маленькой дочери Якова Куденетовича Черкасского, Евдокии, 7.11.7149 (— 5509 = 1640) года:

ЛЕТА ЗРМӨ // ГОДУ МЕСЯЦА НОЯБРЯ ВЪ КЗ ДЕНЬ // ПРЕ-
СТАВИСЯ РАБА БОЖИЯ // МЛАДЕНЕЦ КНЕЖНА ЕВДОКЕЯ //
ДЩЕРЬ КНЯЗЯ ИАКОВА // КУДЕНЕТОВИЧА // ЧЕРКАСКАГО

Сохранность костей в детских саркофагах крайне неудовлетворительна, практически все кости превращены в тлен. В двух детских саркофагах сохранились мельчайшие фрагменты шелковой ткани (камки).

Погребение в большом саркофаге принадлежало молодому человеку (15—19 лет) мужского пола. Поверх костных останков зафиксирован текстиль — остатки рубахи до колен с вышитыми золотными нитями декоративными элементами. Погребальный инвентарь включает традиционную елейницу (у левого плеча, с севера от черепа), стеклянный четырехгранный аптечный штоф и редчайшую находку — печать красного воска, когда-то скреплявшую грамоту с текстом разрешительной молитвы (грамота не сохранилась). Печать округлой формы, очень плохо сохранилась, но на ней можно различить изображение благословляющей десницы с двоеперстным знамением и следы круговой надписи, от которой сохранились две-три нечитаемые буквы. Эти находки позволяют отнести дату погребения к первой половине XVII в.

Массивная известняковая надгробная плита (180 x 70/58 x 32 см) находилась в южной части помещения. У плиты декорированы бо-

ковые грани (в изножье торцевая сторона стесана) и лицевая поверхность. Общая композиция лицевой грани антропоморфная устойчивая, орнамент резной жгутовой, ленты орнамента и клеймо обрамлены графией (ширина ленты 5 см, рамка 10 см, диаметр верхней розетки 22 см, центральной — 20,5 см). На лицевой грани имеется врезанная надпись вязью, в 9 строк. Канавки мачт трехгранные, строки средне-вытянутых пропорций (высота 7,0 см, промежуток между строками 3,5 см. Надпись сообщает о преставлении Марфы Никитичны, жены князя Бориса Кенбулатовича Черкасского, 28.01. 7119 (- 5508 = 1611 г.; справочники приводят дату «1610» — типичная aberrация при переводе древнерусского года). В полном виде надпись гласит:

ЛЕТА ЗРӨІ (7119—5508 = 1611) ГОДУ // ФЕВРАЛЯ В КИ (28)
ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ // ПРЕПОДОБНОГО // ОЦА НАШЕГО
ВАСИ//ЛИЯ ИСПОВЕДНИКА ПРЕСТАВИ//СЯ РАБА БОЖИЯ
БОЯРИ//НА КНЯЗЯ БОРИСА // КЕНБУ//ЛАТОВИЧА ЧЕРКАС-
СКОГО // КНЯГИНЯ МАРФА НИКИ//ТИЧНА

Аристократический брак Романовой и Черкасской, двух близких к трону княжеских фамилий, трагически оборвали те же события рубежа XVI—XVII вв.: Борис Черкасский и его супруга были отправлены в ссылку, где уже немолодой князь вскоре умер. Вдова, однако, сумела не только выжить, но и спасти племянника, малыша Михаила Романова, которого забрала с собой в ссылку после того, как его отец и мать (Феодор/Филарет и Ксения Шестова-Романова) были схвачены. Тем самым она спасла будущего основателя династии, которому явно грозила гибель.

В ходе археологических работ выяснилось, что плита накрывала белокаменный склеп из крупных блоков. Склеп был поврежден, вероятно, при строительстве фундаментов Знаменского храма в 1790-х гг. У него полностью отсутствует западная торцевая стенка, часть блоков северной и южной боковых стенок выломана, нарушен слой штукатурного покрытия стен и пола в западной части.

Вопреки ожиданиям, в склепе обнаружилось не одно, а несколько погребений: внутри него находились хаотично нагроможденные человеческие кости вперемешку с остатками текстиля и фрагментами древесины гроба. Это, несомненно, перезахоронение останков, попавших в зону строительства. Основное погребение — женское залегает на поверхности пола склепа. В положении *in situ* сохранились только кости ног и череп с головным убором-волосником. Захоронение было совершено в деревянном гробу, от которого на момент изучения прослеживалась только часть боковой стенки с южной

стороны. Погребение предположительно отождествляется с Марфой Романовой, и о его исследовании нужно рассказывать отдельно.

Среди многочисленных разрозненных текстильных фрагментов определены остатки двух мужских рубаш (декоративные отделки, выполненные в технике золотной вышивки); фрагменты женской одежды, сшитой из шелковой камки; остатки женского головного убора (волосник); два погребальных венчика; фрагменты шелкового (камка) погребального покрывала с крупным растительным орнаментом. Этот текстиль относится к XVI—XVII вв. Но есть текстильные фрагменты и более позднего времени: остатки изделия из бархата и шелка репсовой структуры. Среди находок — голенища кожаных сапог, обтянутых шелковой тканью со шнуровкой.

Среди находок из склепа — стеклянный бокал (большая рюмка), стоявший у левого плеча погребенной, примерно посредине длины склепа. Это изделие из очень тонкого стекла заметно неровной формовки, высотой 104 мм, с широким раструбом, в виде перевернутого конуса на широкой (шире раструба, около 7 см) слабо конической подставке и с многочисленными перехватами на ножке. Консультации в музеях Москвы не позволяют отнести предмет ко времени ранее второй половины XVII в., но, возможно, это не окончательное заключение.

Очевидно, что в изученное пространство попала только часть некрополя Знаменской церкви XVII в. — остальное уничтожено при строительстве нового храма в 1790-х годах. Четыре сохранных саркофага принадлежат, вероятнее всего, роду Черкасских — в одном из них погребена дочь Якова Куденетовича, и, кроме того, плита с могилы его сына найдена переотложенной. Черкасской по мужу являлась и Марфа Романова, плита которой накрывает южный белокаменный склеп.

При работах в помещении были обнаружены еще две перемещенные плиты (младенца И.Я Черкасского и А.Ю. Сицкого) и фрагменты. Так что вторая семейная группа на некрополе представлена Сицкими, от которых дошли остатки по крайней мере одной надписи. Собственно, этого и следовало ожидать: судя по описи надгробий старой Знаменской церкви, сделанной о. Ювеналием (Воейковым), она представляла не столько продолжение усыпальницы Романовых, сколько семейный некрополь Черкасских и Сицких — двух родов, связанных брачными узами с семьей Романовых, точнее с двумя сестрами-Никитичнами. Из Романовых в ней упомянуты только трое перевезенных братьев (1606 г.), умерший гораздо позже них Иван Никитич (†1640 г.) и его сын Никита Иванович (†1655 г.) — последний в боярской ветви Романовых, да их сестры: Марфа (в замужестве Черкасская) и Евфимия (в замужестве Сицкая).

Их потомки и родственники буквально заполнили церковь-усыпальницу: за столетие между 1606 и 1706 гг. из списка в 27 номеров упомянуто (считая с женщинами) 10 Черкасских и 6 Сицких, то есть больше половины, и 6 Романовых (если включать жену Никиты Ивановича). В списке нет Ивана Васильевича Сицкого, умершего в ссылке в 1602 г. — возможно, его тело не перевезли в Москву, но отмечено погребение Бориса Камбулатовича Черкасского. Такое тяготение мужа к родовой усыпальнице жены, с превращением ее позже в семейную, уже отмечалось для некрополя Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля.

Можно полагать, что усыпальница с самого начала формировалась не столько для Романовых, сколько в качестве некрополь их родичей по женской линии. По-видимому, палатку, где почитали память братьев Никитичей, устроили в новом храме конца XVIII в. не точно на месте их погребения, а над оставшимся не разрушенным участком общего кладбища их потомков и свойственников по женской линии, Черкасских и Сицких, за алтарем нового храма. На этот участок попало и погребение Марфы Романовой Черкасской. Чьи останки положены в ее склеп — пока неясно. Количество мужских костяков отвечает числу братьев Никитичей, но случайное совпадение слишком вероятно. Неясна и семейная принадлежность знатного юноши из саркофага № 4 (по возрасту он не может быть одним из братьев). Надеемся, что эти вопросы решит проводимая в настоящее время антропологическая экспертиза.

Капитонова М.А., Беляев Л.А.

Некрополь Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря: опыты восстановления истории и персонального состава

Изучение кладбищ важно для составления биографий, уточнения родословий, общей просопографии. Эти историко-археологические исследования быстро формируют свою методику (Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии // Методика полевых археологических исследований, М., 2011. Вып. 5). Личность при этом предстает не сама по себе, и не просто окруженная семьей, друзьями, социальной средой. Она вписывается в культурный ландшафт и архитектуру, скульптуру

и эпиграфику, подчас — в иконографию, историю костюма, и, конечно, в антропологию.

Первую возможность полного исследования кладбищ монастыря, позволяющую представить их развитие, уделив должное внимание и выдающимся персонажам, и «коллективному портрету» погребенных, дали раскопки Института археологии РАН в Ново-Иерусалимском монастыре (2009—2016 гг.). Их необходимость диктовали потребности восстановления зданий и приспособления территории. При работах не допускалось вскрытие кладбищ ниже их древней поверхности, они вскрывались только при угрозе их разрушения строительными работами.

Кладбище Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря возникло вместе с обителью, в 1656—1658 гг. Со временем отдельные части забрасывали, переносили, расширяли — некрополь жил своей тихой жизнью, заполняя все новые участки вблизи храмов. Погребения с самого начала проникли внутрь церквей (Воскресенского собора, церкви Рождества при Трапезных палатах и Иоанна Рыльского при Архимандричьих палатах).

Письменные источники содержат много информации (Николай Михайлович, вел. кн. Русский провинциальный некрополь. М., 1914, Т. 1; Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима: историко-семиотическое исследование. М., 2006), но она не полна: большинство надгробий утрачено и локализовать известные погребения не всегда удается. Первой задачей было установить, сколько захоронений в соборе, отвечают ли они маркирующим знакам, в каком они состоянии. Раскопки показали в соборе 18 погребений, в основном сохранных. Была составлена картограмма, проведена идентификация и антропологические анализы (А.В. Рассказова).

От древнейших погребений в соборе сохранились белокаменные доски на стенах, над захоронениями. Иподьякон Никита Никитин и Петр Заборский погребены самим патриархом Никоном в 1665 г. (под лестницей на Голгофу), доски в первом яруса колокольни отмечали могилы настоятелей монастыря, архимандритов Варсонофия и Германа I. В восточной наружной стене южного притвора тоже укреплены доски, но их погребения — за пределами собора (см. ниже). В Предтеченском приделе нами изучена гробница самого Никона (Беляев Л.А., Капитонова М.А. Погребение патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре: исследования 2012 г. // РА. 2013. № 4. С. 99—108).

К погребениям Никиты Никитина и Петра Заборского (†1665 г.) с известными сомнениями отнесены могилы, обнаруженные внутри оснований «капеллы франков» (Беляев Л.А. Капелла франков в Но-

вом Иерусалиме? Архитектурно-археологические объекты у южного фасада Воскресенского собора (предварительное сообщение) //Архитектурное наследство. Т. 64. М., 2017. В печати).

Кроме захоронений архимандритов Германа (†1682 г.) и Варсонофия (†1680 г.) в церкви Всех Святых других не оказалось, а определить их соотношение помогла стратиграфия. Оба погребенных обряжены по-монашески скромно; лица обоих прикрывали параманды; у Варсонофия сохранились фрагменты церковного облачения (ряса, клобук, епитрахиль, кожаная обувь, см.: Елкина И.И. Текстиль из захоронений XVII в. в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря //КСИА. Вып. 236. 2014. С 277—281.) есть подголовья, традиционные для монастырских погребений (у Варсонофия — деревянный чурбачок, у Германа — кирпич).

В трапезной придела Архистратига Михаила с 1990-х гг. известны три погребения в склепах вдоль южной стены; вскрыв пол по всей площади, мы обнаружили четвертый. Стратиграфия, находки, антропологический материал позволили соотнести взрослые погребения с Шушериными, Иваном Корнильевичем (†1689 г.) и его сыном Михаилом Ивановичем (началоXVIII в.), а детское погребение в северо-западном углу— с Василием Алексеевичем Юшковым (†1726 г.). Фрагменты надгробной плиты И.К. Шушерина, одного из ближайших сподвижников и биографа Никона, собраны в поздних слоях вне собора.

Не вызывали сомнений захоронения в Успенском приделе: одно у северной стены придела (исследовано в 1985 г.), второе в юго-восточной части (т.н. ризнице). В приделе Апостолов открыт участок семьи Загряжских: от южной стены собора до входа стояли три склепа, кладки которых четко делились по хронологии, что позволило понять имена погребенных и абсолютные даты: Екатерина Михайловна Загряжская-Черкасская (†1782 г.); Борис Александрович Загряжский (†1809 г.); Анна Михайловна Черкасская (†1847 г.). При идентификации использовались обнаруженные фрагменты облачения и антропологический материал.

Надгробные плиты В.И. Суворовой, жены полководца, и их сына Аркадия Александровича в Подземной церкви (придел «Утоли моя печали») точно маркировали их могилы; идентификацию подтвердило обнаружение в склепе А.А. Суворова остатков закрытого гроба с железным каркасом, в котором везли тело из Молдавии (антропологическое исследование показало следы прижизненных ранений и предсмертной раны).

На основе письменных источников и характера облачений определены одиночные захоронения в приделах Зачатия св. Анны (архи-

еп. Херсонский и Одесский Иустин Охотин, †1907 г.) и Марии Магдалины (еп. Калужский и Боровский Александр Головин, †1916 г.).

Всего в пространстве Воскресенского собора установлены или подтверждены места погребений шестнадцати из восемнадцати известных по письменным источникам исторических лиц, но все же не все. Так, в центральной экседре обходной галереи ротонды открыт ранее нарушавшийся склеп, помеченный нарисованным на стене (при реставрационных работах XX в.?) Голгофским крестом. Остатки погребальных одежд свидетельствуют о принадлежности погребенного к духовенству, а инвентарь — о второй половине XVIII в.

В церкви Рождества при Трапезных палатах письменные источники отметили не менее трех погребений, все — в придельной церкви Младенцев, в Вифлиеме убиенных. Нами обнаружены лишь два: одно было потревожено при работах 1990-х гг. (середина XIX в., определено как погребение архимандрита Мельхиседека III (Сокольникова), †1852 г.); второе (разорено в XX в.) отмечено на стене барельефным изображением герба князей Мещерских; под ним расчищен кирпичный детский склеп княжны Анна Мещерской (06.06.1787—27.02.1789), дочери князя Юрия Федоровича и княгини Прасковьи Платоновны. Погребение архимандрита Андрея (Садовского), завещавшего похоронить его в том же приделе, видимо, уничтожено обширными перекопами XX в.

В XX в. потревожены и три склепа в подвале Архимандричьих палат (особенно пострадал центральный). Первым сложили южный, затем северный, а центральный втиснули между ними. Два крайних имели надгробные плиты с именами братьев Ивана Петровича (†1854 г.) и Александра Петровича (†1869 г.) Жеребцовых — на их пожертвования в середине XIX в. устроена церковь Иоанна Рыльского при Архимандричьих палатах. Вероятно, в центральном склепе лежала дочь одного из братьев, Александра Александровна Жеребцова (†1894 г.), но останки не сохранились. От надгробной плиты кадета Александра Николаевича Максимова «в склепе под ц. Иоанна Рыльского» («Русский провинциальный некрополь») найдены фрагменты. Других захоронений в подвальных помещениях Архимандричьих палат не обнаружено.

Не менее интересны открытые участки кладбищ монастыря, которых в Новом Иерусалиме четыре.

Древнейшее кладбище, у деревянного собора Воскресения (освящен в 1657 г. западнее будущего каменного), было до наших работ известно только по письменным источникам, и оба локуса определялись с большим допуском. Удалось открыть часть булыжного фундамента

деревянного собора, и, еще ранее, определить места могил и границы кладбища. Оно лежало к югу от деревянной церкви и к юго-западу от современной ротонды собора, доходя почти до Старого братского корпуса (конца XVII в.), а на западе перекрыто Трехсвятительской церковью Больничных палат. Составленный по контуру могильных ям план показал, что на севере, вблизи храма, они сравнительно редки, на уровне дневной поверхности здесь есть остатки надгробных сооружений — скопления кирпича с известью и части кладок.

Два погребения сохранили памятные знаки. На краю кладбища с запада, обнаружено захоронение полковника Василия Ивановича Жаворонкова с надгробной плитой (см. в этом сборнике). В центральной части некрополя — прямоугольное плоское надгробие из кирпича на извести (2,90х1,86 м), с вмонтированной резной белокаменной таблицей (0,80х0,70 м) с обронной надписью в рамке растительного орнамента (со следами раскраски красным, голубым и зеленым). Сообщается о смерти 08.09.1670 г., на праздник Рождества Богородицы, архимандрита Акакия (1665—1670 гг.), третьего настоятеля монастыря (его последнего поставил сам патриарх Никоном). На том же участке архимандрит Леонид (Кавелин) предполагал погребения архимандритов-настоятелей монастыря XVII в. (Герасим, †1665 г.; Исая, †1671 г.; Филофей и Никифор, †1686 г.).

Число захоронений (более 130) демонстрирует уровень смертности и тяжелые условия жизни в период строительства — западный участок использовали всего около 30 лет, до разборки деревянного храма в конце XVII в. После освящения (1685 г.) каменного собора некрополь получил новый, восточный, участок, разделенный Подземной церковью на южную и северную половины. Эти хорошо известные части ново-иерусалимского кладбища, но на генеральных планах монастыря Г. Бартеньев (1769 г.) и М.Ф. Казаков (вторая половина XVIII в.) их не обозначили, хотя надгробия доступны и сегодня.

Из вмонтированных в восточную стену южного притвора собора каменных таблиц самые древние — иеромонаха Лаврентия (†1692 г.) и архимандрита Германа II (†1699 г.), но в целом надгробий духовенства на участке мало: известны еще две плиты начала XIX в., архимандрит Иероним (Понявский), (†1802 г.), и архимандрит Мельхиседек II (Минервин), (†1813 г.) г.

Из учтенных здесь 87 надгробных памятников только 8 укреплены над соответствующими погребениями: 6 на севере (2 захоронения Волинских, 3 — Сухово-Кобылиных, 1 — без подписи, но не ранее конца XIX в.) и 2 — юге (чета Кузнецовых (†1884 г., †1886г.) и

А.С. Цурикова (†1907 г.). В ходе раскопок на юге обнаружили еще две плиты *in situ*: П.М. Приклонского (†1779 г.) и князя А.А. Челокаева (†1789 г.), а также много склепов и пятен от ям.

В большинстве плиты перемещены сюда с других участков монастыря и иных мест (так, надгробие султана Юсофа бен Касемас арабской надписью, попало сюда из Музея восточных культур, куда привезено из г. Касимовав 1927 г. Б.П. Денике, (см.: И.В. Зайцев «Две татарских эпитафии некрополя Нового Иерусалима», рукопись)).

Большинство надгробий принадлежат именитым дворянским родам. На севере — семейные участки Шуваловых, Татищевых и др., на юге — Юшковых, Голициных, Нащокиных, Самариных, Шаховских; плиты Бестужевых-Рюминых есть в обеих зонах. Много дворянских родов представлены единичными памятниками, к началу XX в. появляются и не дворяне, но известная ранее надгробная плита крестьянина М.В. Шершакова (†1848 г.), при наших работах на юге участка не обнаружена.

Раскопки установили соотношение числа надгробий и погребений: выявлено более 69 захоронений (42 в северной части, 26 — в южной), но очевидно, что многие ранние могилы полностью разрушены более поздними. Основная часть захоронений — XVIII—XIX вв., в склепах из кирпича на растворе (на севере, у рва Подземной церкви, открыт склеп рубежа XVII—XVIII вв., сложенный из рельефных изразцов). Группировка могил указывает на семейные участки, но целиком локализовать список «Русского провинциального некрополя» невозможно, также как установить принадлежность встреченных фрагментов и целых надгробий без надписей.

В конце XIX в. на старом участке стало тесно, и для погребений выделили два новых, разделив братское и светское кладбища; хоронили на них недолго — до начала XX в.

Новое братское кладбище примыкало с севера к церкви Рождества, с востока — к северной части Трапезных палат. Письменные источники отметили здесь с 1880-х по 1912 г. от 26 до 32 могил на сельников монастыря и заштатных иеромонахов. Нами обнаружены 20 погребений; перекопы XX в. повредили еще не менее 9 могил. В плане читаются два ряда, ориентированные по линии север-юг; погребения грунтовые и в склепах. Сохранилось кирпичное основание одного из надгробий, но памятников с надписями нет.

Новое мирское кладбище, в бывшем фруктовом саду, в конце 1870-х гг. прирезали к южной части участка Подземной церкви, с юга — их раз-

деляла дорожка и ограды. Архимандрит Владимир писал: «Из надписей на могильных крестах и памятниках, здесь погребенных, видно, что только с 80-х годов начался усиленный захват могильных мест Воскресенскими мещанами и иными разночинцами по дешевым ценам, так что за последние 10 лет в монастыре могил стало больше чем сколько их было за последние 150 лет, а вкладов в пользу монастыря и на поминовение в пользу братии от внесших по 15 рублей за могильные места никаких не было» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Т. 45. 1900. Д. 197. Лл. 5—5об.). В связи с этим издали «Положение о местах для могил на кладбище в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре с 1899 г.» (Там же. Л. 7), закрепив расценки на место захоронения «на пространстве не более 3,5 аршин длины и 2-х аршин ширины». Их делили на три разряда, по 200, 100 и 50 руб. (самый дорогой — старый участок при Подземной церкви, два других — на вновь прирезанной территории). После закрытия монастыря все надгробия были утрачены, уцелело только надгробие няни И.Н. Никифоровой. На том же участке погребен В.Ф. Нижегородов (†1995 г.), бывший директор музея.

Впервые на погребения нового кладбища наткнулись в 1980 г. (сотрудники биологического факультета МГУ провели экспертизу: Антипина Е.Е., Павлов С.П. Отчет об особенностях 6 скелетов, обнаруженных при охранных раскопках на территории Нового Иерусалима в 1980 г. Лл. 1—9. Науч. архив. ИАХМ «Новый Иерусалим»). Мы прекращали работы на границах участка, постепенно обозначив его края (затронута 16 могил, часть со склепами). С севера отмечены остатки ограды, отделяющей кладбище от дорожки вдоль собора; на юге могилы на 7—8 м не доходят до прясла между Сионской и Гефсиманской башнями; на западе погребения вторглись в кладку подклета разрушенной дворцовой постройки начала XVIII в. — так проходила здесь граница; самая восточная могила отмечена в 36 м от восточного прясла ограды монастыря. Территория нового кладбища разбита на небольшие участки, рядами с севера на юг. Они заполнены могилами неравномерно. Судя по количеству памятников на фото начала XX в. и следам могил на поверхности, погребенных было несколько десятков. Части надгробий с нового мирского кладбища обнаруживались во вторичном залегании по всему монастырю.

Помимо четко фиксированных участков, встречены бессистемные захоронения у северного входа в Воскресенский собор и у южного прясла между башнями Сионская и Давидов Дом (оба не ранее начала XVIII в.).

Археологические, исторические и естественнонаучные критерии изучения личностей среди аланских племен Северного Кавказа

Изучение личностей в древности и Средневековье — предмет, которым в большей степени занимаются представители исторической науки, чем археологи или ученые-естественники. Тем не менее, взаимодействие перечисленных дисциплин позволяет пролить некоторый свет на скрытые покровами времени персоны — представителей разных эпох и культур.

Немногочисленные письменные источники оставили нам целый перечень имен, связанных с аланскими племенами, населявшими накануне гуннского вторжения равнины Предкавказья и частично переместившимися в ходе Великого переселения народов в Западную Европу и Северную Африку. Латинские и греческие историки, в поле зрения которых попадали аланы, донесли до нас имена некоторых вождей их племенных группировок, добившихся высоких постов при дворах императоров V—VI вв.: Ардабура и его сына Аспара, Гоара, Самбида и Сангибана, Сафрака и Эохара. В это же время в грузинских и армянских летописях имеются упоминания царей и цариц, таких как Багатар и Баракад, Санесан и Сатиник и др. Сведения о них, как правило, отрывочны и туманны, они отражают устные предания той героической эпохи, воспетой в европейских эпосах наподобие «Песни о Нибелунгах».

В более позднее время появляются персонажи, которые могут быть ассоциированы с археологическими реалиями, изучаемыми на Северном Кавказе. Так, в частности, в работе В.Б. Ковалевской и вслед за ней в публикациях С.Н. Савенко и И.А. Аржанцевой делается попытка связать устройство многочисленных каменных крепостей Кисловодской котловины V—VIII вв. н.э. с деятельностью аланского царя Сароя/Сародия, упоминаемого Менандром и Феофаном Византийцем и, очевидно, правившего между 558 и 572 гг. где-то в Центральном Предкавказье или в верховьях Кубани. В качестве предполагаемой резиденции этого аланского царя рассматривается один из крупнейших поселенческих памятников эпохи раннего Средневековья в окрестностях Кисловодска — городище Горное Эхо. Однако подробных аргументов в пользу данной интерпретации авторы не приводят.

Эпоха Аланского царства (X—XII вв.) принесла новую плеяду имен, с личностями которых могут быть связаны некоторые археологические и архитектурные памятники. Так, В.А. Кузнецов посвятил специальную работу по поиску резиденции и места предполагаемого захоронения могущественного аланского царя Дургулея Великого, правившего в Западной Алании со второй четверти до конца 70-х гг. XII в. Подробно разбирая аргументы «за» и «против» размещения подобной резиденции на городище Нижний Архыз в Карачаево-Черкессии, автор достаточно убедительно связывает административный центр Западной Алании этой поры с Кяфарским городищем, а местом усыпальницы аланского царя Дургулея считает так называемый «царский мавзолей», обнаруженный на реке Кривой в окрестностях Кяфара и ныне выставленный во дворе Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

Оживленную дискуссию в свое время вызвало установление личности правителя, похороненного в Нузальской часовне в Северной Осетии. Им, по мнению одних исследователей, мог быть Давид Сослан — второй муж грузинской царицы Тамары, — а по мнению других — возглавивший борьбу с монгольскими захватчиками легендарный царь Ос-Багатар.

Несмотря на ограниченное количество письменных источников, в которых упоминаются личности аланских властителей эпохи Средневековья, ученым иногда удается обнаружить и ввести в научный оборот новые сведения о персоналиях той поры. Ярким примером подобного открытия является надпись на стене Сентинского храма, обнаруженная и прочитанная в 2004 г. А.Ю. Виноградовым и Д.В. Белецким, которая содержала точную дату строительства церкви — 965 г. — а также впервые упоминала имена аланского правителя (эккусиократора) Давида, его жены Марии и древнейшего аланского митрополита Феодора.

Трудно переоценить важность подобных открытий, дающих нам представление о новых личностях в истории алан Северного Кавказа. Однако по-прежнему большинство сведений, получаемых археологами, лишено какой бы то ни было персональной информации. Наш источник дает представление о бытовой жизни простых и, иногда, знатных людей, однако не проливает свет на их личностные качества. Однако, здесь на помощь археологии могут прийти естественные науки и, прежде всего физическая антропология.

В качестве одного из примеров успешного взаимодействия археологических и физико-антропологических критериев при изучении

персональных качеств средневекового населения, остановлюсь подробнее на изучении элитного участка захоронений V—VII вв. на могильнике Клин-Яр 3 близ Кисловодска. Здесь раскопками А.П. Рунича, В.С. Флерова, А.Б. Белинского и Г. Харке было исследовано около 100 раннесредневековых катакомбных захоронений, из которых 61 использовалось мною в социальном анализе. Применялись методы многомерной статистики (кластерный и корреспондентный анализы), полученные результаты интерпретировались с привлечением антропологических определений, выполненных в группе Физической антропологии Отдела теории и методики ИА РАН.

Проведенный социальный анализ захоронений могильника Клин-Яр 3 позволяет выделить погребения мужчин высокого социального ранга, уже получившего в литературе обозначение «алдар» — вождь, военный предводитель. К этому рангу относятся представительные захоронения мужчин, сопровождавшиеся предметами вооружения, конского снаряжения, захоронениями лошадей и специфическим устройством погребальной усыпальницы (ниши и углубления в камере). Военные функции этих погребенных напрямую отражаются в их постоянных упражнениях в верховой езде, проведении большого количества времени на свежем воздухе, боевыми ранами, зафиксированными на скелетах покойных. Кроме того, по-видимому, у некоторых представителей элиты социальный статус подчеркивался искусственной деформацией черепа, которую им устраивали с детства. Все представители воинской элиты сопровождались женскими захоронениями, некоторые — наиболее богатыми среди женщин.

Уникальность рассматриваемого памятника заключается в том, что выделенный по данным погребального обряда и антропологического анализа ряд престижных мужских захоронений образует здесь особый элитный участок, на котором в течение V—VII вв. производились захоронения родственной группы населения. На это обращали внимание его исследователи, А.Б. Белинский и Г. Харке, как на уникальную особенность данного некрополя. Расположенная по соседству каменная раннесредневековая крепость, занимающая скальный останец, по моему мнению, выполняла функции одного из раннесредневековых центров власти в Кисловодской котловине.

Не исключено, что элитный род, погребенный на данном участке, не был единственным, проживавшим на близлежащем укреплении. В непосредственной близости от могильника Клин-Яр 3 располагается курганный катакомбный могильник Волчьих Ворота, недавние наши исследования которого показали, что здесь присут-

ствуют ярко выраженные захоронения аланской элиты, относящиеся к третьей четверти IV—VI вв. н.э.

Основная масса погребений мужчин условно делится на «рядовых воинов», «рядовых общинников» и «бедных общинников». У некоторых из них встречаются предметы вооружения и конского снаряжения, фиксируются занятия верховой ездой и боевые раны. Следуя предложенной Г.Е. Афанасьевым терминологии, эту группу погребений я обозначаю термином «афсад» — масса, войско, в котором отражается то состояние общества, когда каждый взрослый мужчина рассматривался как воин. При этом его социальный статус мог напрямую зависеть от его физических возможностей, личных качеств и способностей. Эти рядовые погребения мужчин в совместных усыпальницах сочетаются с рядовыми захоронениями женщин, социальный статус которых не получает видимого отражения в погребальном обряде. Таким образом, материалы могильника Клинь-Яр 3 подкрепляют сделанные ранее выводы о социальных процессах, происходивших в аланской среде Северного Кавказа IV—VIII вв.

Женские захоронения не дают четкого представления о социальной стратификации по данным многомерного статистического анализа. Зависимость его от социального статуса мужчин по данным погребений V—VIII вв. могильника Клинь-Яр 3, а также при привлечении материалов других захоронений Кисловодской котловины, напрямую не отражена. Не исключено, что на степень представительности инвентаря могли влиять различные обстоятельства смерти, происхождения, семейного положения, богатства родственников и т.п.

Проведенный палеосоциологический анализ захоронений из могильника Клинь-Яр 3 позволил дополнить и уточнить имеющуюся к настоящему моменту гипотезу о сопоставлении общественного строя алан Кисловодской котловины IV—VIII вв. с «военной демократией», в частности, о постепенном переходе от «военной демократии» к «военной иерархии», согласно терминологии, предложенной Ф.Х. Гутновым вслед за Л.Е. Куббелем. Вероятно, будет правильным определять данную ступень развития аланского социума как «вождескую», используя более современную терминологию политогенеза, предлагаемую, например, в работах Н.Н. Крадина. Таким образом, новые, прежде всего, антропологические, материалы позволяют внести некоторые существенные коррективы в сложившиеся представления о путях формирования воинской элиты аланского общества раннего Средневековья, приведших к возникновению в X—XII вв. ранней государственности на Северном Кав-

казе. Данный процесс, разумеется, проходил под руководством выдающихся личностей — представителей знатных родов, — имена которых остаются по-прежнему скрытыми от наших глаз.

Кочегаров К.А.

Литовский дипломат Иосиф Лядинский и его роль в русско-польских отношениях 1680-х — первой половины 1690-х гг.

«Любители и профессионалы» — такое выразительное заглавие дал польский и американский историк Анджей Сулима Каминьский одному из разделов своей известной монографии о русско-польских отношениях в 1686—1697 гг. Автор пытался рассмотреть взаимоотношения двух стран, сравнивая их не столько в политическом или экономическом, сколько в социокультурном плане, через призму ментальности шляхетской республики и сверхцентрализованной, деспотической Московии. С этой точки зрения, представители магнатов и шляхты, исполнявшие время от времени дипломатические функции, часто совмещавшие их с решением личных проблем или же отождествляя внешнеполитические задачи с интересами одной из политических группировок внутри страны, не имевшие систематической бюрократической поддержки и были «любителями», тогда как противостоявшие им русские посольские служащие занимавшиеся дипломатией постоянно, обладавшие опытом и систематически организованным архивом, имевшие перед собой четко поставленные цели и соответствующую поддержку государственного организма рисовались «профессионалами». Анализируя в рамках этой концепции польские дипломатические кадры второго эшелона, то есть людей, которые выполняли роль посланников, гонцов, пограничных судей, Сулима Каминьский кратко упоминает Иосифа (Осипа) Лядинского. Автор отмечает его доверительную близость с русскими резидентами в Польше, наличие родственников и друзей в России, критические отзывы об отдельных акциях польской дипломатии. Подобная характеристика воспринимается как пример проистекавшей из «любительства» слабости последней, в том числе и по причине отсутствия достаточного количества хорошо подготовленных и лояльных кадров (Kamiński A.S. Republic vs. Autocracy).

Poland-Lithuania and Russia, 1686—1697. Cambridge. Massachusetts 1993. P. 85—86).

Между тем более целостный взгляд на биографию И. Лядинского делает возможным не только скорректировать это суждение но и сделать ряд важных наблюдений о функционировании польской дипломатической службы в последней четверти XVII столетия.

Иосиф Лядинский происходил из влиятельного рода оршанской шляхты, тесно связанной с местным православным духовенством. При этом сам он, судя по всему, по крайней мере к началу 1690-х гг. был католиком (что в свете дальнейшего изложения весьма важно). Об этом свидетельствует описываемый им сами случай. В 1693 г. он прибыл в Смоленск как гонец в Россию. Местный воевода поначалу не хотел пропускать в столицу находившегося в его свите ксендза, монаха-августинца, требуя удаления его за рубеж. Однако Лядинский, подчеркивая, что ксендз спасает не только души участников посольства, но и его собственную, категорически отказался двигаться дальше без католического священника. Воеводе пришлось уступить («Relacyja ze Smoleńska». 19 февраля 1693 г. || Sarnecki K. Pamiętniki z czasów Jana Sobieskiego. T. 2. Oprac. J. Woliński. Wrocław, 2004. S. 554—555).

Первые упоминания о Лядинском в источниках появляются к концу 1670-х гг. и связаны с участием в судебных процессах в Орше, в том числе и с представителями православного духовенства. Где-то в тоже время началась и его дипломатическая карьера. На сегодняшний момент известно, что в 1680 г. Лядинский посетил Россию в составе посольства велюньского каштеляна Константина Томицкого. Уже тогда он оказал польской дипломатии ценные услуги,ознавшисъ что литовский гетман М. Пац ведет активные сношения с Россией втайне от королевского двора (Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 60—61). Сразу следует оговориться, что не обладая достаточной знатностью и положением в обществе, Лядинский никогда не поднимался до высших дипломатических рангов, не представлял польскую сторону в России в качестве посла или комиссара. Вместе с тем он был одним из тех людей, без которых оказывалось невозможным функционирование дипломатической службы Речи Посполитой, включая сбор информации, решение пограничных конфликтов, подготовка и практическое осуществление конкретных миссий. Вот и тогда в 1680 г., впервые ехавший в Россию каштелян велюньский, для которого все было в диковинку, нуждался в услугах грамотного и

хорошо знавшего местное общество консультанта, обладавшего необходимыми связями на самом его верху.

Именно таким человеком был оршанский шляхтич и это в определенной степени обеспечило его дальнейший карьерный рост. Другим таким фактором стали субъективные обстоятельства, а именно разыгравшиеся в России в 1682 г. события стрелецкой смуты, о которых речь пойдет далее.

Родственные связи Лядинского охватывали Москву и Смоленск. Если в последнем они не играли большого значения (Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 147), позволяя в лучшем случае своевременно узнавать местные новости, посещать город под удобным предлогом свидания с родственниками, то в русской столице родня Лядинского была близка к царскому двору. Дело в том, что родная тетка Лядинского с 1683 г. была игуменьей влиятельнейшего Новодевичьего монастыря, тесно связанного с женщинами царского семейства, особенно по линии первой жены царя Алексея Михайловича, М.И. Милославской. Именно ее обвиняли в передаче племяннику информации о уже упомянутых сношениях М. Паца с российским правительством в 1680 г.

Антонина Даниловна, как звали игуменью, не была не исключением, ни случайной личностью на данном посту. Как известно в 1650—1660-е гг. в монастырь переселилось немало монахинь, в том числе шляхетского происхождения, в первую очередь из известного женского Кутеинского монастыря, расположенного недалеко от Орши.

В конце весны 1682 г., после смерти царя Федора Алексеевича, Россия оказалась ввергнута в вихрь кровавой политической борьбы за власть между двумя группировками знати, в историографии обобщенно именуемыми Нарышкиными и Милославскими. Символом этого стало воцарение двух малолетних монархов Ивана и Петра при регентстве царевны Софьи, которая вместе с рядом своих сторонников получила реальную власть. После кратковременного триумфа в первые дни после смерти царя Федора, слабейшей стороной в этом неустойчивом равновесии двоецарствия оказались Нарышкины. Сейчас в историографии уже известно, что они в этих условиях пытались заручиться поддержкой иностранных дворов, в частности датского, но в первую очередь польского. Контакты с последним осуществлялись через выехавшего на русскую службу православного шляхтича Павла Негребецкого. Ему удалось каким-то образом довести до сведения польского двора просьбу Натальи Кирилловны о помощи и протекции для ее сына, царя Петра. Поддержка Нарыш-

киных открывала перед Польшей заманчивые перспективы усиления своего влияния на Россию. В этих условиях в ноябре 1682 г. Лядинский, который видимо уже успел себя зарекомендовать, был вызван к королевскому двору.

Как член свиты королевского посланника С. Бентковского он должен был посетить российскую столицу. Ему был дан ряд важных и ответственных поручений: собрать подробную информацию о текущей ситуации, через посредство Антонины Даниловны провести неофициальные переговоры с русскими властями, чтобы заручиться их поддержкой в создании антитурецкой лиги. Но самым деликатным поручением была задача прозондировать возможность организации побега царицы Натальи сыном в Польшу под защиту короля Яна Собеского.

С. Бентковский прибыл в Россию в январе 1683 г. Его официальная миссия заключалась в поздравлении царей Ивана и Петра с восшествием на престол. По сведениям нидерландского резидента Иогана фан Келлера, перед отъездом Бентковский просил разрешения оставить в русской столице официального представителя. Возможно, что им должен был стать Лядинский с целью налаживания с Нарышкиными более прочных контактов. Однако русское правительство, отчасти проинформированное о недружественных шагах Варшавы, по понятным причинам ответило на просьбу отказом.

Вел ли Лядинский какие-то переговоры с теткой или нет, доподлинно неизвестно. Если бы они и состоялись, то обсуждение судьбы царицы Натальи и царя Петра скорее должно было только ухудшить их положение. Новодевичий монастырь пользовался особым покровительством царевны Софьи, и Антонина Даниловна, которая как показали будущие события, была ее доверенным лицом, вряд ли бы стала помогать врагам царевны.

Был ли причастен Лядинский к вольной или невольной выдаче королевской тайны или нет, но попытки польского двора поддержать Нарышкиных провалились. Агенты Милославских выследили прибывшего в Москву летом 1683 г. королевского шпиона Д. Поплавского и схватили его во время свидания с П. Негребецким с целью передачи писем в Польшу. Поплавский был казнен, а позже, в июле 1684 г., погиб и Негребецкий. Как констатировал сам польский король Ян Собеский, после этой неудачи Лядинский остался единственным лицом, которое могло сообщать важную и конфиденциальную информацию о событиях в Москве.

Именно Лядинский по нашему мнению, мог быть наиболее вероятным автором известного источника о событиях смуты 1682—1683 гг.

(«Дневник злодейского избиения московских бояр...»), известного в русской историографии с XIX в. и активно используемого для реконструкции событий (Кочегаров К.А. Россия и Речь Посполитая... С. 105, 133—140; Его же. Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684—1689 гг. //Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества. М., 2012. С. 48—51).

Рост авторитета Лядинского в шляхетском обществе выразился в получении им «уряда» мстиславского подстолия и должностью пограничного судьи или стражника, в задачу которого входило урегулирование пограничных конфликтов. Теперь без него не обходились ни одни важные русско-польские переговоры. Во время русско-польской комиссии в деревне Андрусово, он дважды посещал русских послов, выполняя поручения комиссаров Речи Посполитой (Кочегаров К.А. Россия и Речь Посполитая... С. 193).

В 1684 г. русско-польские отношения осложнились из-за захвата украинскими казаками территории между р. Сож и русской границей (Посожья или Засожья). В 1685 г. в ходе переговоров по об урегулировании данного пограничного конфликта, польский посланник Я. Зембоцкий заключил в Москве 23 (13) августа договор о проведении съезда пограничных судей. Участок русско-польской границы от Смоленска до Посожья должен был быть размежеван, что по мнению российской стороны должно было положить конец захватам земель. Согласно первой статье соглашения, с польской стороны назначались судьи Иероним Комар и И. Лядинский. Они должны были съехаться с русскими представителями — Андреем Самариным, Федором Брединым и дьяком Семеном Струковым к 1(10) октября 1685 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 351—357. Незадолго до отъезда из Москвы Я. Зембоцкий подал в Посольский приказ письмо с указанием, что король одобрил договор и кандидатуры Комара и Лядинского, которые ожидают в Могилеве (Там же. Л. 494 об.—495)). Коллегой последнего был таким образом еще один известный литовский дипломат Иероним Комар, неоднократно принимавший участие в реализации различных миссий Речи Посполитой в России в 1660—1670-е гг., который к этому моменту, видимо, уже отошел от активных дел. В сентябре администратор пограничного белорусского села Кадино Августин Константинович сообщал агенту Посольского приказа в Смоленске, стольнику Назарию Краевскому о готовности польских судей: «по воеводствам и поветам порубежным по праву нашему по два человека из Мстиславского воеводства, его милость господин

хорунжий (Я.И. Пожарицкий. — К.К.) и иные с ним, из оршанского господин Комар судья, да господин Лядинской» (А. Константинович — Н.М. Краевскому. 19 сентября 1685 г. — Там же. Д. 223. Оп. 1. Л. 23 об.—24). Русские представители прибыли на границу в срок, к концу сентября (Отписка А. Самарина «со товарищи» в Посольский приказ. 7 октября (27 сентября) 1685 г. Смоленск — Там же. Л. 602—602 об.), однако литовские коллеги задерживались. Причиной этого была поездка И. Лядинского к королю Яну Собескому, видимо за дополнительными инструкциями. Как сообщал смоленскому воеводе И. Комар, в начале октября он уже находился на обратном пути (И. Комар — Б.В. Бутурлину. 4 октября 1685 г. «Из Бабрацын». — Там же. Л. 609 об. — 611 об.). 10 октября (30 сентября) русские представители прибыли в пограничное с. Мигновичи, где была назначена встреча. Литовских судей не было. Местный пограничный урядник А. Константинович заявил им, что Комара и Лядинского нет, и где они, он не знает, заявив: «сыскивайте де их сами где хотите» (Отписка А. Самарина «со товарищи» в Посольский приказ. 10 октября (30 сентября) 1685 г. Мигновичи — Там же. Л. 611 об. — 614). Последние прибыли в Кадино спустя несколько дней, 15 (5) октября. Через четыре дня, 19 (9) октября состоялся первый съезд и обмен верительными грамотами, при этом от взаимной присяги, которая должна была предвещать начало межевания, литовские судьи отказались. На следующий день для участия в переговорах с ними прибыли двое шляхетских депутатов от Мстиславского воеводства — уже упоминавшиеся Я. Пожарицкий и А. Константинович, заявив, что они тоже будут участвовать в переговорах наравне с послами. Русские категорически возражали, так как это прямо противоречило полученному ими в Москве наказу — вести переговоры только с теми, чьи имена будут упомянуты в верительной грамоте. Однако «они, Ян и Августин говорили с великим упорством, что им у тех межевых и росправных дел по королевскому указу и по своему праву быть велено и из-за стола не пошли». Более того, Комар и Лядинский вдруг заявили, что русским «не во всех делях дана... полная мочь», она якобы предусматривает только развод земель, а на «убийственные и грабежные дела, заезды и насилства», уплату долгов и борьбу со «своевольными людьми» не распространяется. Оршанские шляхтичи ссылались на давний прецедент, когда литовские представители вели переговоры с В.М. Тяпкинским еще при царе Алексее Михайловиче. А. Самарин и его коллеги пробовали утверждать, что их полномочия предусматривают решение упомянутых вопросов, но Комар и Лядинский категорический

отказались продолжать переговоры. Они пытались даже вернуть русским их грамоту обратно, которую те «не смели» принять. Наконец, Комар и Лядинский заявили, что будут межевать в первую очередь спорные территории, то есть Засожье, что было диаметрально противоположно тем инструкциям, которые получили русские пограничные судьи. В завершение Комар и Лядинский объявили А. Самарину и остальным о скором прибытии в России великого посольства для переговоров о Вечном мире и союзе. На этом встреча и завершилась. 22 (12) октября А. Самарин послал в Кадино переводчика Смоленской приказной избы И. Кулбацкого и почтмейстера Ф. Крыжевского «проведать» о Лядинском и Комаре, но тех и след простыл (Отписка А. Самарина «со товарищи» в Посольский приказ. 23 (13) октября 1685 г. Мигновичи — Там же. Л. 621—627. О наказе русским судьям см.: Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 213). Прождав в Мигновичах до середины ноября, русские судьи выяснили, что «литовские судьи съезжатца с нами... не будут для того, что де к... великим государям... от королевского величества идут великие и полномочные послы». Кроме того, наступала зима. А. Константинович от имени литовского канцлера М. Огинского подтвердил официальный характер не признания русской полномочной грамоты и отказа от межевания (Отписка А. Самарина «со товарищи» в Посольский приказ. 25 (15) ноября 1685 г. Мигновичи — Там же. Л. 633 об.—637). 6 декабря (26 ноября) Царское правительство указало А. Самарину «со товарищи» возвращаться в Москву (Там же. Л. 637 — 638. Грамота судьям послана на следующий день. 17 (7) декабря они покинули Мигновичи (там же. Л. 640 об.—641 об.)). Как представляется истинной причиной отказа от пограничного съезда со стороны Речи Посполитой было осознание его невыгодности польской стороне, поскольку официальная делимитация границы, в частности смоленских земель, означала бы признание их окончательной утраты в пользу России. В Варшаве не готовы были пойти на такой шаг, надеясь добиться территориальных уступок в ходе будущих переговоров в Москве (См. об этом подробнее: Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 213 и след.). Поэтому, по всей видимости во время поездки к королевскому двору Лядинский получил секретные указания сорвать уже согласованное межевание. Эту задачу литовский дипломат выполнил. Это отчасти подтверждает и свидетельство самого Лядинского, указывавшего в письме кому-то из клиентов биржанских Радзивиллов, что не во всем завершённое разграничение их владений — уездов Невеля и Себежа (переданы российской стороной Польше по соглашению 1678 г., на-

ходились во владении единственной дочери литовского конюшего Богуслава Радзивилла, Людвики Каролины, которая вышла замуж за сына бранденбургского курфюрста) на данный момент не может устраивать их владелицу, поскольку часть земель этих уездов Россия так и не вернула. Лядинский уверял, что это вопрос будет затронут на переговорах великих послов в Москве, к чему и Лядинский выражал готовность приложить усилия. «Nie życzę komu innemu wkraczać z tym narodem w rozgraniczenie» («не желаю никому вступать с этим народом в разграничение»), — подытоживал он (И. Лядинский — войскому мозырскому. 9 января 1686 г. Могилев — Archiwum główne akt dawnych (Далее — AGAD). Archiwum Radziwiłłów (Далее — AR). Dział 5. Rps 8157. К. 1—2).

Лядинский действительно был в свите польского посольства (И. Лядинский числился среди «дворян» литовского канцлера М. Огинского, причем как подстолий оршанский. См.: РГАДА. Ф. 79. Д. 223. Л. 334—334 об.), посетившего Москву весной 1686 г. Уже 30 (20) января 1686 г., предворяя послов, он вместе с еще одним шляхтичем Франчишком Земецким приехал на смоленский посад с письмом главы миссии К. Гжимултовского (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 228 об.). Среди посольских даров, которые привезли великие послы были подношения от Лядинского: «шкатулка ентарная, 2 шандана ентарных» (Там же. Л. 449). В ходе самих переговоров Лядинский и его тетка Антонина Даниловна оказали обеим сторонам важные услуги, выступив как неофициальные посредники между польско-литовскими дипломатами и царевной Софьей. Это в конечном итоге способствовало выходу переговоров из тупика, в который они зашли после почти двухмесячных дискуссий (Кочегаров К.А. Россия и Речь Посполитая... С. 358—360). Вечный мир и антиосманский союз был заключен.

Вместе с польско-литовским посольством И. Лядинский покинул русскую столицу и уже 16 (6) августа вместе со шляхтой, урядниками (среди них и Я. Зембоцкий и «городничей могилевской» Константин Петух) и православным духовенством Могилева встречал русское посольство Б.П. Шереметева, ехавшее к королевскому двору для ратификации договора о Вечном мире (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 22—22 об.).

В дальнейшем Лядинский продолжил свою деятельность главным образом как пограничный судья, выступая переговорщиком польско-литовской стороны по урегулированию различных мелких конфликтов. Одновременно он занимался сбором информации о

внутреннем положении в России, высылая свои сводки к королевскому двору. Известно что в 1688 г. Лядинский встречался с русским резидентом в Речи Посполитой П.Б. Возницыным, ведя с ним доверительные беседы и по до конца неясным причинам критикуя деятельность польского резидента в Москве Д. Довмонта (Kamiński A. S. Op. cit. P. 85—86).

В январе 1689 г. И. Лядинский прибыл в русскую столицу, чтобы договориться о времени и месте очередного пограничного съезда (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1689. Д. 6). В феврале он сообщал о результатах своей миссии королю Яну Собескому. Помимо вопроса о пограничных судьях, тогда же Лядинский зондировал вопрос о возвращении или компенсации имущества казацкого полковника Ивана Нечая из Старого Быхова, который был взят русскими войсками в далеком 1659 г. Попутно пограничный стражник пытался заручиться поддержкой монарха в решении личных проблем. После смерти войта местечка Чаусы, некоего Петрушицкого, брата жены Лядинского, за вакантное место в королевской Могилевской экономии, которое давало в руки шляхты немалые доходы, развернулась острая конкуренция. Первоначально войтовство было отдано некоему пану Мольскому, но городской магистрат был недоволен им, кроме того, другие конкуренты не оставляли надежд заполучить доходное место. Лядинский же просил короля передать должность войта ему, притворно сетуя, что «*lubo tam niewielka intratka, lecz że nie daleko granicy moskiewskiej i kozackiej, mnie by się tam godziło residować abyś WKMśc był zawsze z tamtych stron uwiadomiony*» («хотя там и не велик доходец, однако же недалеко от границы московской и казацкой, и мне там годилось был иметь резиденцию, чтобы ваша королевская милость всегда был от тех стран извещен» (И. Лядинский — Яну III Собескому. 22 февраля 1689 г. — AGAD. AR. Dział 2. Księga 25. S. 107—108.)).

В начале 1691 г. И. Лядинский — уже обладатель центрального, пусть и скромного «уряда» Великого княжества Литовского — пивничего литовского («*piwniczu*», тот, кто в старину следил за великокняжеским подвалом, кладовой, где хранились королевские напитки), ездил на границу покупать зерно, которое русские купцы охотно везли на продажу в Польшу, в том числе и тайно, в силу лучшей рыночной цены и отсутствия пошлины. Здесь он встретился с почтмейстером и стражником Ф. Крыжевским, после чего сообщил королю ряд любопытных сведений. Лядинский писал, что с недоумением обнаружил стрелецкие заставы на границе и запрет продавать в Польшу зерно. Неизвестный агент Лядинского, которому по словам страж-

ника в случае разоблачения грозили кнут и плаха, сообщил, что тревога «московитов» связана с поимкой чернеца Соломона, который, как известно приехал с подложными письмами от имени короля Яна Собеского к украинскому гетману И.С. Мазепе. Крыжевский добавил к этому, что российское правительство с подозрением относится к слухам о намерении Польши заключить мир с Османской империей. Запрет продажи хлеба в Польшу оказался прозаичен — наступило время закупок зерна в воеводские амбары Смоленска и во избежания повышения цен вывоз хлеба был временно запрещен.

Лядинский сообщал о новой волне репрессий против свергнутых В.В. Голицына и Софьи. К первому с указанием пытать его якобы послан окольный И.И. Чаадаев, а вторую якобы били кнутом и сослали в Переславль-Залесский. Пивничий литовский информировал Собеского о выборе нового патриарха Адриана, который «ничего не умеет». Его соперником был псковский митрополит Маркелл, который «учился в Польше и умеет по латыни», но его не выбрали, опасаясь, что он будет «плести интриги с ляхами» и исправит «великие ошибки» неученых «московитов». Любившему военное дело Яну III должна была показаться любопытной информация, что царь Петр неустанно «тешится» стрельбой из ружья и пушек, устраивая потешные битвы, отличая тех, кто храбро бьется и наказывая батогами уклоняющихся от «сражений» (И. Лядинский — Яну III Собескому. 6 марта 1691 г. Могилев. — AGAD. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 47. T. 2. S. 328; «Relatia z Białej Rusi». 19 февраля 1691 г. — *ibid.* S. 329; «Relatia pewna i sekretna», б. д. — *ibid.* S. 331—332).

Летом 1691 г. И. Лядинский сопровождал в Москву посланника Яна Окрасу как уполномоченный разбирать пограничные конфликты. Прибыв в Смоленск, он просил короля издать специальную грамоту в поддержку множества обиженных польских обывателей, которые не находят управы ни в Смоленске, ни в Москве (И. Лядинский — Яну III Собескому. 31 июля 1691 г. Могилев. — AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dział Rosyjski. Karton 55 c. Rps. 7. S. 1—2).

В июле 1693 г. И. Лядинский опять посетил Москву, чтобы повторно попытаться добиться выдачи или компенсации «пожитков» Нечая (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1693. Д. 7). С этой поездкой связана еще одна обширная реляция о событиях в Московском государстве. Прибыв в Смоленск, Лядинский собирался встретиться со своим давним знакомым, митрополитом Смоленским Симеоном, однако тот был в страшных хлопотах, поскольку рухнули стены возводимого им уже 14 лет на холме, на месте кафедрального костела, но-

вого соборного храма, на который было истрачено 20 тыс. рублей. Сообщал Лядинский и о закладке фундамента еще одного храма, на месте бывшего иезуитского костела. Он был посвящен матери Петра, профинансировавшей строительство. Литовский стражник жаловался на местного воеводу окольного И.И. Головина, который пользуясь своим родством с царской фамилией (царь Петр и Головин якобы были женаты на сестрах) берет огромные взятки, холопит свободных людей и, наконец, как писал Лядинский «глумится над нашим народом польским», не только обращая в челядь приезжих из-за рубежа, но и насильно заставляя их креститься. «U kogo słyśzy srebro i pieniądze, zmiennikami zowiąc w zsyłkę zasłać obiecuje» («Лишь прослышит, что у кого есть серебро и деньги, сразу изменниками называет и в ссылку отправить обещает») — горько иронизировал Лядинский. Головин разъезжал по городу в роскошной карете с многочисленной свитой, заказывал себе из Риги дорогие вещи, сумел подкупить московских дьяков, чтобы они продлили срок его пребывания на воеводстве. Вообще лейтмотивом этого сообщения Лядинского были усилившиеся преследования иноверцев в Смоленске. Местной шляхте под страхом смерти было запрещено прятать у себя католиков, последние смоленские дворяне-католики были принуждены к крещению. Произошел и вовсе вопиющий случай. Сын местного священника Спасской церкви когда-то отправился учиться в Витебск, там принял католичество и вступил в ряды иезуитов, теперь же приехал повидаться с отцом, но был схвачен и подвергнут пытке как изменник. Как царского «холопа», который не может покидать страну без разрешения свыше, его насильно перекрестили и поставили «попом» в одной из местных церквей («Relacyja ze Smoleńska» || Sarnecki K. Pamiętniki... S. 554—558).

Последняя реляция из России, которую мы можем уверенно связать с именем И. Лядинского, датирована мартом 1694 г. В ней описывается конец непотопляемого воеводы Головина. В ответ на шедший из города поток жалоб, в Смоленск якобы инкогнито прибыл сам царь Петр. Остановившись на подворье митрополита Семиона, он приказал арестовать Головина, «не уважая свойство» и бить его кнутом. Царского родственника заставили заплатить большой штраф и заменили новым воеводой — Петром Долгоруким. Сообщалось об ослаблении режима содержания в Новодевичьем монастыре царевны Софьи, которая получила возможность сноситься с братом Иваном. Вместе с тем, подтверждалась информация о запрете смоленской шляхте держать католическую прислугу «из-за изме-

ны» («Wiadomości z granicy moskiewskiej». 30 марта 1694 г. //Ibidem. S. 560—561. Смена воеводы И.И. Головина, только не на Петра, а на Бориса Федоровича Долгорукого, согласно Дворцовым разрядам, произошла 23 февраля ст. ст. 1694 г., причем указали «дьякам с ним быть... прежним» (Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 869). В течение месяца постоянно отмечается присутствие Петра I в Москве в связи с траурными мероприятиями после кончины его матери. Поэтому его тайный визит в Смоленск нуждается в дальнейшем исследовании (Там же. Стб. 863—871)).

На этом обрываются имеющиеся в нашем распоряжении сведения о карьере и деятельности литовского дипломата Иосифа Лядинского. На основе совокупности имеющихся источников он предстает довольно активным и способным деятелем, а главное — лояльным польскому государству и королевскому двору. Известно, что даже лица, облеченные официальным дипломатическим рангом Речи Посполитой лица не гнушались порой снабжать Посольский приказ информацией за «соболиную казну», не говоря уже о том, что подобных информаторов было немало в свитах польско-литовских дипломатов. Были у русского внешнеполитического ведомства и свои осведомители на «той» стороне, однако Лядинский был явно для них чужим. Существует любопытное свидетельство о том, как в начале 1686 г. царские агенты А. Константинович и Н. Краевский пытались подпоить оршанского подстолия, налив «ему погребец доброй водки», чтобы выведать важные сведения, но ничего серьезного не узнали (Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 94.). Как носитель шляхетской политической культуры Речи Посполитой и ревностный католик, Лядинский негативно воспринимает религиозные притеснения единоверцев в Московском государстве и при каждом случае подчеркивает его «тиранический» характер. Имея тесные родственные связи в Москве, он во всех известных случаях обращает их на пользу королевскому двору, всячески стремится добиться уважения и расположения самого монарха. Пытался Посольский приказ завербовать Лядинского или нет, доподлинно неизвестно, но переговоры о Вечном мире показали, что российские дипломаты во всяком случае ценили имевшийся в их распоряжении канал неформальной связи с племянником игуменьи Новодевичьего монастыря. Все это позволяет охарактеризовать Иосифа Лядинского как вполне профессионального дипломата польско-литовского государства применительно к той эпохе.

Курмановский В.С., Савельев Н.И., Беляев Л.А.

Сколько у нас Юрьев? **Ономастический комментарий к берестяной грамоте** **Москва-4/2015**

Одни из самых соблазнительных, но часто и один из самых спорных вопросов изучения исторической личности — идентификация персонажей, имена или иные атрибуты которых стали нам известны из полученного при раскопках эпиграфического материала, с теми лицами, что названы в письменных источниках. Например, постоянно ведется работа по установлению связи между именами авторов/адресатов новгородских берестяных грамот — и теми из горожан, сведения о которых дошли до нас в актах, летописях, на печатях и в иных материалах.

Такое отождествление — естественная потребность для историка. Мы тоже ощутили ее, обнаружив в Зарядье четвертую берестяную грамоту Москвы (2015 г. раскоп 7, Московская археологическая экспедиция ИА РАН, рук. Л.А. Беляев, начальник раскопа Н.И. Савельев). Немедленно, можно сказать, прямо на раскопе, был предложен и первый, близко лежавший, вариант идентификации. Дело в том, что короткий текст грамоты упоминает некоего Юрия в устойчивом сочетании: «Юрий с матерью», причем этой формуле соответствует двойственность взимаемых денег: «Поехали есмы, господине, на Кострому. Юрье с матерью нас, господине, увернул взад. А взял себе с матерью 15 бел и взял 3 бел потому господин взял 20 бел да полтину».

Авторы грамоты сообщают своему господину, что направлялись (видимо, по его поручению) в Кострому (из Москвы или нет — не ясно), имея при себе некоторую сумму денег, но с пути их вернули «Юрий с матерью» (вероятно, не сами, а их люди), изъяв в два приема по две доли средств: сперва поменьше 15 бел и 3 белы, потом побольше — 20 бел и полтину серебра, из которых Юрий забирает «себе с матерью» первые две доли и, возможно, вторые тоже.

Не предлагая здесь аналитической публикации грамоты, укажем, что по культурному слою она может датироваться последней четвертью XIV — первой четвертью XV (менее вероятно) века, с чем вполне сочетаются палеографические особенности. Чрезвычайно соблазнительно сопоставить персонажей грамоты с Юрием Дмитриевичем Звенигородским (1374—1434 гг.), время жизни которого примерно укладывается в те же хронологические рамки, и для которого в юно-

шеский период было бы уместно выступать совместно с матерью, вдовой княгиней Евдокией Дмитриевной, которая после смерти супруга (1389 г.) фактически встала во главе Московского княжества наряду с сыновьями.

Этому отождествлению противоречили некоторые особенности текста, прежде всего — отсутствие указания на княжеское достоинство Юрия. Но общий тон автора письма явно недружественный по отношению к Юрию, это не его господин, а, возможно, и прямой враг. Как знать, возможно, писавший не счел нужным почтить его полным прозванием? Несомненно, можно подобрать и другие подобные соображения, «подставив», таким образом (пусть со знаком вопроса) князя Юрия и Евдокию Дмитриевну в уравнение с двумя неизвестными, предложенное нам грамотой. Однако одному из нас (Л.А. Беляев) сама практика «подбора персонажа» под археологические данные давно представлялась сомнительной. Находка грамоты представила подходящий случай для проверки такого подхода. Поэтому Владимиру Курмановскому было предложено провести выборку из документов и летописей, отражающих примерно полвека истории Московского княжества, всех известных им персонажей, носивших имя «Юрий».

Первоначальный анализ содержания грамоты позволяет высказать следующие наблюдения: где находились лица, пославшие грамоту, из ее текста неизвестно; равным образом неизвестна отправная точка их маршрута и пункт, откуда отправлено письмо. Очевидно это зависимые люди «господина». Предполагая, что письмо дошло до адресата, местопребывание «господина» надо искать в Москве, в районе местонахождения грамоты. Кем мог быть Юрий? Очевидно, Юрий — лицо более высокого статуса, чем авторы письма, обладающее над ними определенной властью. Он мог быть контрагентом «господина» — торговым партнером, кредитором, родственником; управляющим имением «господина» или же местным представителем власти. Упоминание «матери» может свидетельствовать об относительной молодости персонажа. Употребление имени «Юрь» не в уменьшительной форме («Юшка», «Юрка» и т.п.), а также широкое распространение данного имени среди представителей высших слоев русского общества может говорить в пользу принадлежности Юрия к этим слоям, и, соответственно, против версии о Юрии как управляющем. Поскольку княжеский титул по отношению к Юрию не употреблен, надо полагать, он его не имел. Есть и другой аргумент против аристократической принадлежности Юрия: отсутствие у персонажа отчества.

Изучение научно-справочного аппарата к публикации родословной книги конца XVII в. из собрания князей Оболенских и государственных поминальных записей конца XIV—XVII вв., подготовленной А.В. Антоновым (Памятники истории русского служилого сословия. Составитель А.В. Антонов. М., 2011. С. 534—535), позволило выявить 57 носителей имени Юрий. Из них удалось выделить 25 человек, время жизни которых выпадает на период с середины XIV до середины XV вв. Среди последних 15 человек — великие и удельные князья (тверские, смоленские, ярославские, белозерские и др.). Употребление имени Юрий в грамоте без титула в контексте документа (письмо, адресованное зависимыми людьми своему господину) может говорить против идентификации Юрия с кем-либо из них. Обращение к ряду других родословных, нарративных и актовых источников, а также к историографии, позволило выявить в общей сложности 15 нетитулованных носителей имени Юрий, связанных с Московским княжеством, время жизни которых укладывается в период с середины XIV по середину XV вв.:

1) Юрий Аблагинич Шелай (Шалай) — родоначальник Новосильцевых; середина XIV в., Серпухов;

2) Юрий Васильевич Грунка Протасьевич (до 1354 — после 1408 гг.) — предок Воронцовых-Вельяминовых, боярин Василия Дмитриевича, воевода, брат последнего тысяцкого Василия Васильевича;

3) Юрий Васильевич Кочевин Алешинский — боярин, посол в Константинополь вместе с кандидатом на митрополичий престол Митяем в 1379 г. (предположительно, наказан по итогам посольства);

4) Юрий Васильевич (из рода Хвостовых);

5) Юрий Григорьевич — внучатый племянник Юрия Аблагинича, предок Савостьяновых, Лодыженских и др.;

6) Юрий Иванович Кислеевский — внук Александра Ивановича Всеволожа (1-я пол. XV в.);

7) Юрий Семенович Слепой Заболоцкий — племянник Юрия Ивановича Кислеевского;

8) Юрий Степанович [Бяконтов] — сын Степана Феофановича, боярина митрополита Киприана, отец бояр митрополита Геронтия;

9) Юрий (Егорий) Шельф — боярин, предок Новосильских, в 6883 (1375/1376) г. выехал из Литвы к Дмитрию Донскому;

10) Юрий Васильевич Щока — боярин, воевода во Владимире в 6918 (1410/1411) г.;

11) Юрий Кузьмин — землевладелец Костромского у., вкладчик Троице-Сергиева монастыря (1438 г.), возможно, брат Ивана Кузьминского, убитого в Белеве в 1438 г.;

12) Юрий Елизарович — представитель рода Вешняковых, убит на Куликовом поле;

13) Юрий (Юшко) Драница, литвин, сын боярский, московский воевода, убит в 1440-х гг.;

14) Юрий Воробьев, боярин, посол в Царьград в 1353/1354 гг.;

15) Юрка Дубровин, послух в купчей 1410—1427 гг. (вероятно, сын переяславского землевладельца Денисия Дубровы Раменьева)

Среди выявленных Юриев выделились группы лиц, живших и действовавших преимущественно в середине — второй половине XIV в. (Юрий Аблагинич, Юрий Васильевич Кочевин Алешинский, Юрий Елизарович, Юрий Воробьев) и в первой половине — середине XV в. (Юрий Иванович Кислеевский, Юрий Семенович Слепой Заболоцкий, Юрий Степанович, Юрий Кузьмин, Юшко Драница, Юрий Дубровин). Наиболее вероятными претендентами, таким образом, оказываются оставшиеся персонажи, основной период деятельности которых приходится на промежуточный период (4 человека). Но нет оснований полностью исключать и прочих вышеназванных лиц. Равным образом, Юрием грамоты могло быть какое-либо иное лицо, не упомянутое в источниках.

Лаврентьев А.В.

Мария Александровна Тверская, великая княгиня московская: семейные связи по памятникам московского искусства XIV в.

Великая княгиня Мария Александровна, урожденная тверская княжна, с 1347 г. жена, а с 1353 г. вдова великого князя Симеона Ивановича Гордого, в московском летописании упоминается всего лишь дважды, под 1347 г., в год замужества (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 57; Т. 18. С. 95; Т. 25. С. 176) и в 1399 г., в год кончины (ПСРЛ. Т. 25. С. 228). Непростые обстоятельства вступления в брак (он был третьим для Симеона Ивановича, вызвал резкий протест митрополита Феогнosta, разрешение на него давалось патриархом в Константинополе) и посмертное обретение в 1473 г. нетленными мощей великой княгини

(Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М. 1962. С. 13), церковного почитания, впрочем, не получивших — вот, собственно и все, что известно о Марии Тверской, прожившей в Москве более полувека.

Среди немногих сохранившихся памятников раннемосковского искусства известна изготовленная по заказу вдовы Марии Тверской в 1389/1390 гг. подвесная пелена с изображением Спаса Нерукотворного, деисусной композицией, включающей четырех первых московских митрополитов и восьмью оплечными фигурами святых (Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М. 1971. С. 10—11. Кат. 5—6), в том числе Дмитрия Солунского и великого князя Владимира Святого, «ангелов» великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского и его двоюродного брата и соправителя, серпуховского князя Владимира Андреевича. Заказ ее, судя по всему, был связан с политическими событиями 1389/1390 гг., в ходе которых Владимир Серпуховской по воле двоюродного брата был лишен статуса второго лица в государстве и восстановил его после острой конфронтации с новым великим князем, Василием Дмитриевичем. В конфликте великая княжна Мария Александровна, очевидно, держала сторону серпуховского князя, отметив наступивший в исходе зимы 1390 г. мир в доме московских Калитовичей заказом великолепной пелены (Лаврентьев А.В. «Пелена Марии Тверской» и отношения в доме московских князей 50—80-х гг. XIV в. // Вопросы эпиграфики. М. 215. Вып. 8. С. 193—224).

С именем Владимира Андреевича связана история одной из самых известных русских рукописей, иллюминированного перевода Хроники Георгия Амартола, выполненной в Твери для великого князя Михаила Ярославича (1271/1272—1318 гг.). Записи на полях свидетельствуют о том, что в какой-то момент пергаменным кодексом владел серпуховской князь (Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М. 1980. С. 44—45; Анисимова Т. В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV—XVII вв. М. 2009. С. 60 и прим. 67). Среди разнообразных версий перемещения Тверского Амартола в Москву стоит учесть вероятность владения рукописью близкой к Владимиру Андреевичу великой княгиней Марией Тверской. Ее брак 1347 г. с Симеоном Гордым пришелся на короткую пору мирных отношений княжеств (Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь. 1994. С. 165, 168—169), второй сын московской великокняжеской четы был наречен в честь тверского прадеда, Михаилом (Кучкин В.А. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на тер-

ритории СССР. М. 1989. С. 105). Возможно, драгоценная рукопись была даром Симеону Гордому последнего из здравствующих сыновей Михаила Тверского, сидевшего в Твери князя Василия Михайловича, союзника Москвы и дяди Марии Тверской. Симеон Гордый скончался от чумы в 1353 г. Согласно духовной грамоте великого князя, не оставившего потомства, всем имуществом должна была распоряжаться его жена: «А чимъ мя благословил отецъ мои... а также и купли моя...или буде что забылъ написати своее купли...такое же и про золото, чим мя благословилъ отецъ мои и что буде примыслилъ при своемъ животѣ, золота ли, женчюгу ли, то все далъ есмь своеи кнАгинѣ» (ДДГ. С. 12—13). После кончины Марии Тверской в 1399 г. ее кремлевским двором владел Владимир Андреевич (ДДГ. С. 50), и Тверской Амартол мог оказаться в распоряжении серпуховского князя вместе с прочим движимым имуществом великой княгини.

Одна из старейших рукописей московского происхождения — пергаменное Евангелие апракос в драгоценном переплете с датой на нем, 1343/1344 гг. и именем владельца, великого князя Симеона Гордого (Вздорнов Г.И. Указ. соч. С. 74—76; Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М. 1976. С. 128—138). Несмотря на изначальную принадлежность дорогостоящего кодекса великому князю, в первой четверти XVI в. Евангелием владели не его потомки или столичные монастыри и храмы, а незаметная деревянная приходская церковь в с. Подчертково в двух верстах от Дмитрова. История попадания Евангелия Симеона Гордого в простой сельский храм также может быть связана с именами Марии Тверской и покровительствуемого ею серпуховского князя Владимира Андреевича. Если Евангелие мужа, как и предположительно Тверской Амартол, перешло к вдове по его духовной 1353 г., то в селе под Дмитровом оно могло оказаться как дар Марии Тверской серпуховскому князю. С 1363 г. выморочным Дмитровским уделом распоряжались московские Калитовичи, первым из которых был великий князь московский Дмитрий Иванович, а между 1364 и 1389 гг., Дмитров входил в состав серпуховско — боровского княжения Владимира Андреевича (Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей Московского княжеского дома в XIV в. //Исторические записки М. 1974. Т. 94. С. 372; Назаров В.Д. Дмитровский удел в конце XIV—середине XV вв. //Историческая география России XII—начала XX вв. М. 1975. С. 47—48). Владимир Андреевич наверняка бывал в своих дмитровских владениях, а в 1388 г. в Дмитрове, а не в Москве или удельном Серпухове у князя родился сын Ярослав- Афанасий Владимиро-

вич (ПСРЛ. М. 2000. Т. 15. Стб. 154). Будущее с. Подчерково (название получило не ранее XVI в. по имени владельца времени Василия III), например, могло быть загородной резиденцией Владимира Андреевича времени держания им Дмитровского удела, потерянного в 1389 г. в ходе конфликта с великим князем Дмитрием Ивановичем.

Ларюшкин О.В.

Социальный портрет иностранных военнопленных вступивших в число городских обывателей Москвы XVIII вв.

В настоящий момент тема пребывания военнопленных в России широко освещена отечественной историографией (Познахирев В.В. Военнопленные Османской империи в Белгородско-Курском крае в XVIII — начале XX в. СПб., 2013; Шебалдина В.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М., 2003; Кауфман Ю.Б. Шведские военнопленные в Кузнецке в первой четверти XVIII в. Новокузнецк, 2006; Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Военнопленные в Коми крае в XVIII — начале XX веков. Вологда, 2000 и т.д.), в основном, благодаря изучению источников военного характера. Тем не менее, некоторые источники гражданского характера также представляют интерес для данных исследований. Здесь следует упомянуть челобитные, прошения и рапорта о вступлении бывших военнопленных в состав постоянного городского населения или городских обывателей (купечество, мещанство, цеховые ремесленники).

В зависимости от обстоятельств прибытия иностранцев в Россию следует выделить не только группу военнопленных, пребывание которых изначально носило принудительный характер, но и мигрантов, переселившихся в российские города по собственной инициативе. Судьбы и социальные портреты представителей этих двух условно названных групп были различны, даже если в них представлены персоны одного этнического происхождения. Ведение активной внешней политики в XVIII веке, в том числе войны со Швецией, Турцией, Пруссией, Польшей способствовали пополнению российских городов военнопленными. После окончания войн и подписания перемирия все военнопленные должны быть возвращены на Родину, кроме обратившихся в православие, которые автоматически становились российски-

ми подданными. Изученные по челобитным и рапортам биографии пленников свидетельствуют о том, что большинство из них попадало в Россию в несовершеннолетнем возрасте. Лишь в одном деле наблюдается взятие в плен совершеннолетнего. Арап Степан Алексеев, участвовавший в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., был пленен под Бендерами и впоследствии вступил в московское мещанство (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 6. № 3839, Т. 7. № 4178, Т. 11. № 8030, 8667).

В остальных же случаях упомянуты малолетние военнопленные. Они были «вывезены» российскими офицерами, у которых впоследствии состояли «в услужении». При этом в документах редко встречаются подробные описания того, при каких обстоятельствах эти малолетние иноземцы были вывезены. Речь идет как о насильственном похищении у родителей ребенка, так и о сироте, которого русские офицеры могли взять из благих намерений. Лишь в некоторых делах встречаются подробные описания.

Например, цирюльник Устин Никитин уроженец турецкого города «Резгарда», выехал при отце и матери в турецкий город Бендеры, при взятии которого в 1770 г. был полонен (ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 727). Однако, здесь тоже нельзя утверждать о насильственном похищении, т.к. нам неизвестна судьба его родителей — возможно, они погибли, а их сын был взят русским офицером из сострадания. В деле портного Михаила Губдира прусского происхождения замечен явный факт похищения. В малолетнем возрасте он вместе с матерью уехал в город Мариенбург для свидания с родственниками. Спустя 3—4 дня после приезда он пошел для покупки харча на торг, где был встречен солдатами копорского пехотного полку Русской армии, которые тогда стояли в карауле в городе. Со слов Михаила Губдира «они его вдруг подхватили и привели к себе в гобвахту, где он был содержан с неделю». Потом его взял капитан того полку Бергольц Андрей Иванов в «услужение» (ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 883).

Петр Васильев прусского происхождения попал в Россию ввиду того что его отец, будучи не в состоянии прокормить ребенка, отдал его капитану ростовского пехотного полка Масленникову, находившемуся на постое у д. Ебергешпах в 1762 г. (ЦГАМ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 4268). Изоляция от исконной этнической среды вела к неизбежной ассимиляции. Как правило, еще до окончания войны пленник обращался в православие. Не исключено, что вступление в православие носило принудительный характер, поскольку хозяева не были заинтересованы в возвращении пленника обратно на Родину. Материалы законодательного характера подтверждают существо-

вание подобных инцидентов. 27 ноября 1717 года был издан сенатский указ в разрешение просьбы шведского генерала Левенгаупта (ПСЗРИ. Т. 5. № 3121). Последний подал жалобу о том, что некоторые российские подданные пытаются закрепить за собой шведских военнопленных, а также принуждают их к принятию православия и на вступлении в брак с крепостными. В изученных нами архивных материалах нет упоминаний о принудительном характере данных актов. Однако при этом все бывшие военнопленные упомянуты с православными вероисповеданием. Последний получал новое имя, отчество (по имени восприемников), иногда фамилию. Их владельцы часто бывали восприемниками при крещении. Сохранение исконных фамилий наблюдается у некоторых прусских военнопленных (у прусского уроженца Михаила Губдира, фрайбургского уроженца Ивана Цыглера, у пруссаков Н.М. Розеха и В. Бекера). У представителей мусульманских народов ономастика полностью изменялась. Однако за ними могли закрепиться фамилии с этнопографическим оттенком (например, Турчанинов, Персианинов, Бендерский, Браиловский, Кубанский и т.д.).

По достижении совершеннолетнего возраста бывшие военнопленные вступали в брак с крепостными их хозяев. Исключением был брак прусского военнопленного Николая Мартынова Розеха, женившегося на Елене Ивановой Фингеровой, «иноземке люторского исповедания». В брак они вступили в 1770 году, а сам Н.М. Розех в 1766 году обратился в православие. Неизвестно, были ли дети в этом браке, но по российскому законодательству ребенок, рожденный в смешанном браке должен принять православную веру. Примечателен этот случай и тем, что брак совершен после того как Н.М. Розех обрёл свободу (ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1139). В остальных случаях, военнопленные иноземцы вступали в брак с крепостными своих владельцев. Вступление в брак с крепостной еще больше закрепляло военнопленного за владельцем, чем последние пытались воспользоваться.

Однако российское законодательство по-другому рассматривало этот вопрос. Отсутствие «закрепительных бумаг» являлось основанием для освобождения военнопленного от владельца. Несмотря на это, процесс освобождения был сильно затянутым. Военнопленный мог быть отпущен на волю после заключения перемирия с враждующим государством через 10 лет и более. В некоторых случаях, военнопленный мог по собственному желанию оставаться в услужении у помещика. Но вместе с ним освобождались члены его семьи.

Из 24 выявленных военнопленных, впоследствии вступивших в число московских горожан, большая часть, 13 человек, предпочла вступить в цеховые ремесленники, шестеро вступили в мещанство и пятеро — в купечество.

При вступлении в категории городских обывателей необходимо было иметь поручительство со стороны московских жителей. У иноземцев, добровольно переселившихся в Россию, при записи в городское состояние часто поручителями упомянуты их соотечественники или единоверцы. У бывших военнопленных поручителями были исключительно русские. Таким образом, связь с исконной этнической средой на момент вступления в состав городских обывателей была ими полностью утрачена.

Дальнейшую судьбу бывших военнопленных можно проследить по ревизским сказкам московского купечества, мещанства и цеховых ремесленников. Однако следует отметить различия в уровне сохранности материалов по трем категориям городского населения. Данные ревизских сказок по московскому купечеству сохранились практически полностью (кроме материалов пятой ревизии), в то время как по цеховым мастерам и мещанам сохранились лишь шестая ревизская сказка (1811 г.). Соответственно представляется проблематичным проследить судьбу военнопленных, вступивших в две последние категории городского населения более чем за двадцать лет до составления шестой ревизской сказки. Всего было выявлено пять (из 24) бывших военнопленных в составе категорий московских горожан за 1811 г., вступивших в число московских горожан в 80—90 гг. XVIII столетия.

Таким образом, у бывших военнопленных, независимо от этнического происхождения наблюдаются характерные черты при составлении социального портрета: ускоренная и принудительная утрата этничности в раннем возрасте, обращение в православие; вступление в брак с русским населением, преимущественно с крепостными владельцами, к которым они попали после плена; отсутствие связей с прежней этнической средой; предпочтение вступать в низшие категории городских обывателей (цеховые ремесленники и мещанство). Тот факт, что подавляющее большинство изученных нами военнопленных составляют прибывшие в малолетнем возрасте не является подтверждением того, что в плен брали в основном детей. Взрослые военнопленные были менее подвержены ассимиляции и надо полагать, значительная их часть после перемирия, вернулась на Родину, в то время как у малолетних военнопленных, окончательно обрусевших, не было возможностей и потребностей в возвращении.

Думный дьяк Иван Грамотин: семья, хозяйство, внутренний мир

Думный дьяк Посольского приказа Иван Тарасьевич Грамотин относится к числу личностей, выглядящих незаурядно даже на фоне бурных событий Смутного времени начала XVII в.: повороты его биографии могли бы стать основой сюжета авантюрного романа. Первые попытки составления его жизнеописания были предприняты еще в XIX столетии (Пуцилло М.П. Думный дьяк И.Т. Грамотин (1606—1638). СПб., 1878), но и сегодня мы не лишены надежды на обнаружение документов, добавляющих штрихи к биографии Грамотина. Не ставя перед собой задачи подробного изложения его жизненного пути (отошлю к своему раннему опыту реконструкции биографии Грамотина (Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 83—107)), очерчу лишь его основные контуры. Сын дьяка Тараса Грамотина, Иван Тарасьевич в конце XVI в. служил подьячим и в этом чине дважды (в 1595 и 1599 гг.) выезжал в составе посольств в империю Габсбургов. В 1602 г. его пожаловали в дьяки. В конце царствования Бориса Годунова Грамотин нес службу в Поместном и Посольском приказах. С началом Смуты он перешел на сторону Лжедмитрия I, получил от него чин думного дьяка. Гибель Лжедмитрия нанесла удар по карьере Ивана Грамотина: Василий Шуйский отправил его на службу в Псков. В 1608 г. дьяк перешел на службу к Лжедмитрию II, в 1610 г. — к польскому королю Сигизмунду III. После свержения Василия Шуйского Грамотин получил от оккупационных властей чин печатника и вновь возглавил Посольский и Поместный приказы. В начале 1612 г. он отбыл в Польшу, а в ноябре того же года предпринял попытку уговорить вождей Ополчения согласиться на провозглашение царем королевича Владислава. К концу 1614 г. он вернулся в Россию и после нескольких лет опалы был амнистирован и весной 1618 г. возглавил Новгородскую четь, а в июне 1619 г. в чине думного дьяка стал руководителем Посольского приказа. На этом посту он оставался семь лет, осмеливаясь перечить даже патриарху Филарету Никитичу. Его своеволие не осталось безнаказанным, и в декабре 1626 г. Иван Тарасьевич отбыл в ссылку в Алатырь. После смерти патриарха в 1633 г. Грамотина вернули в Москву, он снова возглавил Посольский приказ и стал печатником. Постригшись перед смертью в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, Грамотин скончался в 1638 г.

Как справедливо отметил А.А. Турилов, даже для крупных государственных деятелей XVII в. «жизнеописание будет сильно и явственно отдавать послужным списком, заметно страдая изъятиями в том, что касается частной жизни героя и его личных интересов, не связанных напрямую с карьерой» (Турилов А.А. Алатырские досуги дьяка И.Т. Грамотина // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 451). Замечу, однако, что и подробная реконструкция «послужного списка» людей XVII в. порой позволяет «приоткрыть дверь» в их внутренний мир. Например, пропущенный исследователями биографии Грамотина факт назначения его печатником в конце 1610 г. не позволил дать более вероятной датировки написания дьяком одной из редакций «Сказания о битве новгородцев с суздальцами». А ведь это добавляет любопытный штрих к психологическому портрету дьяка, который воспринял свое пожалование настолько близко к сердцу, что даже решил отблагодарить чудотворный образ Богородицы написанием прославляющего икону благочестивого текста (Факт пожалования Ивана Грамотина в печатники в ноябре 1610 г. был неизвестен Л.А. Дмитриеву, который, опираясь на указание в тексте «Сказания...» («Сия повесть слогу печатника Иоанна Тарасевича Грамотина») счел возможным датировать написание лишь 1630-ми годами. Ту же ошибку вслед за ним сделали А.А. Турилов и Л.Ю. Варенцова (Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 141, 142; Турилов А.А. Указ. соч. С. 454; Варенцова Л.Ю. Политический деятель России конца XVI — первой половины XVII в. И.Т. Грамотин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2010. № 3 (15). С. 16)).

Источники позволяют расширить наши знания о земельных владениях Грамотина. Известно, что он владел волостью Лена в Яренском уезде и селом Толоконцево в Нижегородском. Родовая вотчина Грамотина находилась в Звенигородском уезде, а купленная — в Московском (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С. 130; Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М. 1990. С. 131). Перечисленными регионами география земельных владений дьяка не исчерпывается. Судя по всему, у него были также земли в Зарайском, Алатырском и Костромском уездах. На это указывают оформленные в Печатном приказе в 1621 г. грамоты его крестьянам об управе в делах (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 371 об.; Кн. 5. Л. 4). Упоминание об алатырских земельных владениях Грамотина, кстати, объясняет выбор для

него в качестве места ссылки в 1626 г. именно Алатырского уезда. От более позднего времени (1635/36 г.) сохранились сведения о наличии у дьяка земель в Костромском уезде — один из крестьян принадлежавшего ему костромского села Прокудино платил в Конюшенный приказ оброк за эксплуатацию сенокосных угодий (Там же. Ф. 137. Оп. 1. Конюшенный приказ. Кн. 4. Л. 233).

Документы Печатного приказа позволяют также сделать предположение о том, что благосостояние Ивана Грамотина опиралось не только на земельные владения, но и на деловую активность его людей. Двое из крестьян его яренского поместья, похоже, зарабатывали на жизнь ростовщицеством, во всяком случае, в 1621 г. им были выданы грамоты об управе по кабалам. Некоторые крестьяне Грамотина определенно занимались торговлей: один из них, Иван Шангин, получил в Печатном приказе грамоту об управе на старосту Вымского волока в понесенных убытках. Этот крестьянин вместе с дядей Фарафоном и братьями Замятней и Алексеем проводил торговые операции в Архангельске и Холмогорах, куда им была выдана грамота относительно взятых с них лишних таможенных пошлин. Другим направлением торговой активности крестьян яренской вотчины Ивана Грамотина была Западная Сибирь. В январе 1621 г. проезжие грамоты до Верхотурья и Туринского острога были даны крестьянам Богдану Сколкову, Василию Трофимову, Гавриле Копосову и Максиму Анисимову с братьями и племянниками, а год спустя проезжая грамота в сибирские города была дана крестьянину Ивана Грамотина Льву Петухову с сыном и племянником, причем им разрешили торговать на гостиных дворах. Предприимчивостью отличались и нижегородские крестьяне Грамотина: один из них, Дружина Ситник, на 1620/21 г. взял за 22 рубля 56 копеек в откуп перевоз через реку (Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 109, 111, 156, 157 об., 347; Кн. 5. 185 об.—186).

Пошлинные книги Печатного приказа свидетельствуют о том, что думный дьяк Иван Грамотин поощрял предпринимательскую активность своих крестьян. Сам Иван Тарасевич тоже был не из тех людей, что упускают свою выгоду. Летом 1626 г. он испросил для себя разрешение отправиться на богомолье, о чем сохранилась информация в записной книге Московского стола Разрядного приказа: «Июля в 7 день государь пожаловал Илью да Богдана Милославских, да Ивана Меньшова да Ивана Большова Опухтиных, велел их отпустить с думным дьяком Иваном Грамотиным к Макарью чудотворцу на Унжу» (РИБ. Т. IX. СПб., 1884. С. 396). На первый взгляд далекое, в 500 верст, паломничество немолодого уже человека свидетельствует о немалом его

благочестии (В.Н. Козляков обратил также внимание на то, что Макариев Унженский монастырь — это именно та обитель, куда в 1619 г. ходил на богомолье сам царь Михаил Федорович) (Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 168). Однако документы позволяют увидеть ситуацию с другой стороны. Сохранилась собственная челобитная Ивана Грамотина, в которой он просит отпустить вместе с ним на богомолье «для моеи немощи Илейку да Богдашка Милославских, да дву Ивашков Опухтиных». Однако в качестве объекта паломничества в челобитной указана другая обитель — «помолитца к Макарию Желтоводцкому чудотворцу» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 56. Л. 25). Получается, что подьячий Разрядного приказа перепутал два Макарьевских монастыря — Желтоводский и Унженский. На самом же деле «благочестивый маршрут» думного дьяка лежал в Макариев Желтоводский монастырь и проходил через нижегородскую вотчину Ивана Тарасьеви́ча — село Толоконцево, от которого до обители было лишь около 75-ти верст. Вряд ли можно сомневаться, что поездка на богомолье для дьяка была благовидным предлогом для посещения вотчинного села.

Иван Грамотин поехал на богомолье не в одиночестве — вместе с ним отправились двое Милославских и двое Опухтиных. В.Н. Козляков предположил, что это может указывать на «тесные, возможно, родственные взаимоотношения известного дьяка Ивана Грамотина с семьей будущих царских родственников Милославских» (Козляков В.Н. Указ. соч. С. 168). О наличии родственных связей между Иваном Грамотиным и Милославскими, впрочем, известно давно: будущий тесть царя Алексея Михайловича Илья Данилович Милославский приходился думному дьяку племянником и, по замечанию С.М. Соловьева, был обязан влиятельному печатнику удачным началом карьеры (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 9. М., 1989. С. 462). Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют также констатировать близкие родственные связи Грамотина с болховскими помещиками Опухтиными. Из этой семьи родом была супруга Ивана Тарасьеви́ча, Федора Лукьяновна Опухтина. Об этом мы узнаем из двух челобитных, поданных царю Михаилу в начале 1629 г., когда Иван Грамотин уже более двух лет находился в ссылке. Одно из прошений подавала супруга дьяка, «Иванова женишка Грамотина Федорка». В челобитной сообщается, что государь пожаловал ее и велел отпустить к мужу «для ево болезни». Однако пожилой женщине сложно было преодолеть далекий путь в одиночестве, а детей у Грамотиных не было («и яз, раба ваша, безсемеина и больна, и провадити меня некому»). В связи с этим Федора Грамотина и

просила государя отпустить с ней «братишка моего родново Ивашка Опухтина да племянничишка моего Илейку Милославского». Таким образом, челобитная дает нам прямое указание на то, что будущий боярин Илья Данилович Милославский приходился Ивану Грамотину племянником. Становится очевидным и родство Грамотина с Опухтиными (не случайно Иван Лукьянович Опухтин, наряду с Милославскими, был позднее душеприказчиком Ивана Тарасевича).

Вторая челобитная была подана братом Федоры Грамотиной — Иваном Опухтиным. Он просил об отпуске для сопровождения сестры к ее мужу. Интересно, что в челобитной указано место, где опальный дьяк отбывал свою ссылку: «велели отпустить Иванову жану Граматина к мужу ее в нижегородскую ево деревню». Ранее считалось, что весь срок ссылки Иван Грамотин отбывал в Алатыре. Благодаря челобитной Ивана Опухтина мы знаем, что не позднее февраля 1629 г. опального дьяка перевели в его нижегородскую деревню. Возможно, ослабление режима ссылки было связано с его болезнью. Так или иначе, большую часть опалы Грамотин провел не в Алатыре, а под Нижним Новгородом, а значит его работа над текстом «Космографии», о которой писал А.А. Турилов, могла быть связана не только с «алатырскими досугами» дьяка (Турилов А.А. Указ. соч. С. 451—460), но и с нижегородскими.

Наблюдая за поворотами судьбы Ивана Грамотина, невольно задаешь себе вопрос: ради кого дьяк, не имевший детей, шел на нарушения крестного целования, измены? Кому он собирался оставить свое немалое состояние, сколоченное явно не от одних «трудов праведных»? Неужели все его действия были продиктованы исключительно «постыдным себялюбием»? У влиятельного и богатого думного дьяка не было родни ближе, чем родственники по линии жены — Милославские и Опухтины. По всей видимости, племянники заменяли этому человеку собственных детей, и Грамотин старался оказывать им протекцию, хотя в период ссылки родство с ним приносило больше неприятностей, нежели выгоды. И два маленьких штриха (просьба Грамотина отпустить племянников с собой на богомолье и челобитная родственников, не отвернувшихся от него в годы опалы), может быть, рассказывают нам о внутреннем мире дьяка больше, чем вся его богатая на события политическая биография.

Приложения

Документ 1. 1626 г., ранее 7 июля. Челобитная думного дьяка Ивана Тарасьевича Грамотина с просьбой отпустить с ним на богомолье его родственников Милославских и Опухтиных.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой Ивашко Грамотин. Пожаловал ты, государь, меня, холопа своего, отпустил помолитца к Макарью Желтоводцкому чюдотворцу. Милостивый государь царь и великий Михайло Федоровичь всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, отпустить со мною для моеи немощи Илейку да Богдашка Милославских, да дву Ивашков Опухтиных. Царь, государь, смилуйся».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 56. Л. 25.

Документ 2. 1629 г., ранее 27 февраля. Челобитная Ивана Опухтина с просьбой о разрешении сопровождать сестру, жену дьяка Ивана Грамотина Федору, до нижегородской вотчины Грамотиных.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю святейшему патреарху Филарету Никитичю московскому и всеа Руси бьет челом холоп ваш Ивашка Опухтин. Пожаловали вы, государи, велели отпустить Иванову жану Грамотина к мужу ее в нижегородскую ево деревню, а мою родную сястру. А проводить, государи, ее до мужа для проезду некому. Милостивай государь царь и великий князь Михайла Федоровичь всеа Руси и великий государь святейшей патреарх Филарет Никитич московский и всеа Руси, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, меня отпустить сястру мою проводить к мужу ее. Государи, смилуйтесь» (На обороте помета: Государь и святейший государь патриарх пожаловали, велели ево отпустить проводить до Нижнево с сроком, а проводя быть назад. 137-го февраля в 27 день).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 56. Л. 354.

Документ 3. 1629 г., ранее 28 февраля. Челобитная жены дьяка Ивана Грамотина Федоры с просьбой о разрешении сопровождать ее до нижегородской вотчины брату Ивану Опухтину и племяннику Илье Милославскому.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Руси бьет челом раба ваша, Иванова женишка Грамотина Федорка. Пожаловали вы, государи, велели отпустить меня, бедную, к мужу для ево болезни. И яз, раба ваша, безсемейна и больна, и провадити меня некому. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси и великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь московский и всеа Руси, пожалуйте меня, рабу свою, велите, государи, отпустить провадити меня, бедную, братишка моего родново Ивашка Опухтина да племянничишка моего Илейку Милославского. Государи, смилуйтесь» (На обороте помета: 137-го февраля в 28 день).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 56. Л. 355.

**Itinerarium одного служилого человека
Смутного времени: *per aspera ad astra*
или карьера от новгородского новика
до второго судьи Поместного приказа
(Яков Михайлович Боборыкин)**

Боборыкин (Бабарыкин) Яков Михайлов сын (не позже 1586 — †15 октября 1629 г.).

Яков Михайлович — истинный сын своего, Смутного, времени — оказался самым известным и ярким представителем этого рода. Он сделал головокружительную карьеру от провинциального помещика новгородца Деревской пятины до второго судьи Поместного приказа, а его душеприказчиком выступил царев отец государь и патриарх всеа Руси Филарет Никитич. Поэтому совсем не случайно Я.М. Боборыкин упоминается у многих историков, начиная с С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. О нем написана статья в Русском биографическом словаре (Русский биографический словарь. М., 1995 (репринт: СПб., 1908). Т. Бетанкур—Бегестер. С. 110), его биографические справки встречаются в монографии Г.А. Замятина (Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 г.). Юрьев, 1913. С. 122—141), словаре Г.М. Коваленко (Коваленко Г. М. Я. М. Боборыкин // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: энцикл. Словарь. СПб., 2007.), базе данных А.А. Селина (Селин А.А. Боборыкины [URL: <http://sh.spb.hse.ru/data/2015/12/15/1134339266/Gentry.rar> (04.09.2016)]), публикации В.Д. Кочеткова и А.А. Чибиса (Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612—1703 годов / Сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск, 2015. С. 423).

Боборыкины вели свой род от четвертого сына Андрея Кобылы Гавши (Гаврилы), их родословная роспись 1686—1688 гг. (известно 3 росписи) внесена в «Бархатную книгу» (Савелов Л.М. Родословные записи. Вып. 1. М., 1906. С. 183; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 140—161, 484; Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII века. М. 1996. С. 97—98). Генеалогическая схема рода в последние годы приведена Ю.А. Мизисом (причем брат Якова Михайловича Егуп Мизисом назван Евсуплем) (Мизис Ю.А. Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государственной службе). Тамбов, 2012. Форзац) и

А.В. Смирновым (Смирнов А.В. Боборыкины: история рода (XIV — середина XVIII в.). Иваново, 2015. 2-й форзац). Также историк полагал, что восхождение Боборыкиных связано с родством с Романовыми, не приведя убедительных доказательств (Мизис Ю.А. Воевода Московского царства. С. 20). История этого рода стала темой недавней монографии А.В. Смирнова, где Якову Михайловичу посвящен наиболее полный на сегодня в историографии биографический очерк (Смирнов А.В. Боборыкины. № 63/61. С. 56—59).

В данных условиях написание полномасштабной биографии этого деятеля Смутного времени — тема отдельной книги. Данное выступление претендует лишь на краткий очерк с введением в научный оборот из выявленных нами, в первую очередь, в неопубликованных, или даже не введенных в научный оборот, источников новых данных о герое нашего очерка. В остальном пока адресуем к очеркам в монографиях Г.А. Замятина и А.В. Смирнова, который в полной мере учел справку в базе данных А.А. Селина. Первый из них наиболее подробно и ярко пересказал документы Посольского приказа относительно «новгородских служб» нашего персонажа.

Родители Якова Боборыкина — Михаил Борисович и Федосья Нефедьевна, помимо нашего героя произвели на свет еще 5 сыновей: Афанасия, Егупа, Петра, Ивана и Никиту (Микиту). Из них двое последних на октябрь 1629 г. были еще живы. Новичный оклад в 300 четвертей по Деревской пятине Яков Михайлович получил в Новгороде при верстании в 1601 г. Михаилом Михайловичем Кривым-Салтыковым и дьяком Иваном Васильевым новиков служилых городов, ведомых в Новгородском разряде (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятиен. Кн. 120. Л. 6. Оpubл.: Малов А.В. Новгородская новичная верстальная десятина 1601 г. //Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. М., 2014. С. 244—276). В августе 1602 г. прибыл в Новгород для участия во встрече принца Ганса Датского (Селин А.А. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. //Там же. С. 298). В Книгах даточных Шелонской пятины 112-го (1603/04) г. Я. М. Боборыкин написан с поместным окладом в 300 четях с пометой: «по московской грамоте Бориса Годунова за приписью дьяка Ивана Ефанова 112-го году написано 300 чети». После верстания 114-го (1605/06) г. и пожалования 115-го (1606/07) г. за елецкую, каширскую и тульскую службы и Восминский бой с июля 1606 по 10 октября 1607 г. его поместный оклад составил 550 чети,

а кроме того он был пожалован в привилегированную категорию четвертчиков (Данные по эрмитажному списку десятни привел Селин: Селин А.А. Боборыкины; Курбатов О. А. Военная история Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 45, 47—49, 54—56; Смирнов А.В. Боборыкины. С. 56, 148—149. Сноска 11).

Даточные книги Обонежской пятины 117-го (1608/09) г. зафиксировали его новый поместный оклад в 650 четей, после придачи в размер которого его владения составили 550 чети, а резерв оклада всего 100 чети. За «царя Василеево осадное московское сиденье» — противостояние Москвы с Тушинским лагерем с мая 1608 по 6 марта 1610 г. Яков Михайлович получил в новгородскую выслуженную вотчину. Выслуженная вотчина Я.М. Боборыкина «за московское осадное сидение» в Белозерской половине Бежецкой пятины была конфискована в казну в период его службы шведам (Список вотчинников, пожалованных за московское осадное сидение при царе Василии Шуйском, по данным писцовых книг и книг Печатного приказа //ПИВЕ. Т. VIII. Осадный список 1618 г. / Сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. Отв. ред. тома Б. Н. Флоря, Ю. М. Эскин. М.—Варшава, 2009. Приложение IV. С. 396).

После смерти весной (к маю) 1613 г. отца Якова — Михаила Борисовича, одного из первых лиц новгородской делегации, во время посольства в Швецию (Селин А. А. Боборыкины) Яков становится лидером вначале помещиков Деревской пятины, а вскоре и всех новгородских дворян и детей боярских. Уже в том же 1613 г. он вошел в состав новгородского посольства архимандрита Спасского Хутынского монастыря Киприана в Выборг встреч шведскому принцу Карлу Филиппу, где по приговору от 27 июля представлял Деревскую пятину со своим товарищем Филоном Михайловым сыном Аничковым на переговорах со шведскими послами Индриком Горном и Арвидом Теннисоном (Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 г.). Юрьев, 1913. С. 95, 118).

Весной 1614 г. к Новгороду выдвинулась рать еще осенью 1613 г. посланного освобождать Новгород боярина кн. Д.Т. Трубецкого, самыми сильными частями которой оказались бельские немцы и икона «Знамение пречистой Богородицы». Последняя однако не очень помогла с сильно затянувшимися сборами рати в Торжке. Именно Я.М. Боборыкин выступил инициатором переговоров с князем Трубецким, чем не допустил междоусобного кровопролития между московскими и новгородскими служилыми людьми (Выписка по челобитью Я.М. Боборыкина //РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией.

Оп. 1. Стб. 1616 г. № 12. Л. 15; Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 118—126). В итоге Делагарди смог рассчитывать только на шведские войска и запорожских наемников, что не помешало ему нанести поражение князю Дмитрию Тимофеевичу.

Оценив активность и авторитет Боборыкина, Делагарди в августе 1614 г. вывез его в Ругодив к королю, взяв с собой кн. И.И. Одоевского и Я.М. Боборыкина, и там вновь убеждал их присягнуть королю, но не преуспел в том даже угрожая смертью. Новгородцы рассказывали, что и сам король не смог уговорить их в Ругодиве.

Приехавший в начале октября на место Делагарди Эверт Горн с тем же успехом пытался добиться присяги от новгородцев и лично от Боборыкина. Когда угрозы не действовали, в Москву было отправлено посольство во главе с архимандритом Киприаном (Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 121—127). Будучи официально вторым лицом в посольстве Киприана в Москву в нач. 1615 г., Яков представлял все новгородское дворянство (Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008. С. 302).

На персональном тайном допросе в Москве сообщил массу важных для российского правительсва вестей. После допроса Яков тайно присягнул Михаилу Федоровичу. С ним единственным были посланы тайные грамоты к митрополиту Исидору и ко кн. И.Н. Одоевскому «и к лутчим людем, которые государю прямили» (Запись челобитья Я.М. Боборыкина в столбце Посольского приказа. Л. 7). По возвращении в Новгород он с другими послами передали Горну сведения, согласно полученной в Москве инструкции, распространял слухи о возвращении Новгорода Москве (Замятин Г.А. Россия и Швеция... С. 94, 100, 187, 312, 460; Он же. «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613—1614 гг. / Сост. А.Н. Одинокоев, Я. Н. Рабинович. Под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2012. 148—149; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 50; Кобзарева Е.И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол //НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 352, 354, 367; Она же. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. С. 281, 285; Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. В. Новгород, 2013. С. 246).

После месячных переговоров в Москве посольство вернулось в Новгород. В переводе отчетного листа Якова Боборыкина и Матвея Муравьева об их московском посольстве, поданном Я.П. Делагарди,

от 20 июня 1615 г. указывались выгодные Москве сведения. Причем особенно акцентировалось внимание, что московское правительство и «московский государь» настроены на мир со Швецией и на войну с поляками, «но если им не удастся заключить мир со шведами, то они будут вынуждены заключить мир с поляками». В своем отчете Боборыкин и Муравьев рисовали картину интенсивных дипломатических связей Москвы со всеми значимыми для Восточной Европы государствами, отметив между прочим предложение голландских дипломатов ссудить Москву деньгами для выкупа у шведского короля Новгорода (Арсеньевские шведские бумаги. 1611—1615 / Предисл. М.В. Муравьева и проф. С.Ф. Платонова //Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. 5. Новгород, 1911. № XXI. С. 64—66). Когда по истечении срока Э. Горн решил форсировать события, лично явившись на собор требовать присяги, события приняли столь драматичный оборот, что едва не закончились убийством Якова, который своим категорическим отказом привел Горна в такую ярость, что тот бросился на него, обнажив шпагу, и только чудо спасло его от смерти (Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 126—131). Воля и напор решительного шведского офицера натолкнулись на упорство и стойкость новгородского дворянина, готового умереть за свою правду.

Новгородцам был дан еще срок одуматься и задуматься их лидерам: чем рискуют они персонально. Но вновь затребованный Горном письменный ответ сочиняли те же: Яков и дьяк Лутохин. После утверждения его в Софийском соборе нести Горну ответ никто не решился — никто кроме Якова, которого уговорили всем миром. (Запись челобитья Я.М. Боборыкина в столбце Посольского приказа. Л. 9; Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 126—131).

В Выборге с Яковым уже не церемонились — бросили в земляную тюрьму (яму) и пытались сломить его волю голодом и холодом. Пытка продолжалась до приезда короля, который последний раз попытался убедить Боборыкина целовать ему крест под угрозой смертной казни. Яков не мог не понимать, что стоит у черты жизни и смерти, но он не стал бы беспрекословным авторитетом новгородских служилых людей если бы поступил иначе (как, например, его товарищ Угрім Лупандин, который, попав в плен, целовал крест Густаву-Адольфу и стал служить шведам, выжидая момента, когда можно будет бежать к своим). Получив отказ, Густав-Адольф распорядился посадить упряма на кол, но казнить тайно, чтобы не спровоцировать нежелательных последствий в Новгороде. На счастье Якова молодой кн. И.И. Одоевский как-то узнал об уготованной лидеру нов-

городского дворянства судьбе и бросился прямым к английскому послу Джону Меррику, выступавшему посредником в русско-шведских переговорах. Огласка и заступничество полномочного английского представителя заставили короля пересмотреть свое решение, и Яков был отправлен в Ивангород, и уже не в тюрьму, а под надзор коменданта. Отсюда его и забрал Я.П. Делагарди по дороге на переговоры с московским посольством в дополнение к Угриму Лупандину и Богдану Дубровскому (Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сб. мат., извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616—1651 годах. М., 1897. С. 1—4; Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 131—139; Лисейцев Д.В. Польский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 337).

Делагарди надеялся использовать Боборыкина, но получилось с точностью до наоборот. Составив заговор с Лупандиным, Дубровским и подьячим Федором Витовтовым, Боборыкин, войдя в контакт с русским посольством, передавал им вести и даже копии шведских документов, для чего они вовлекли в заговор переводчика посольства Арна Бука («слуга Анц Бракилев» он же). Через них московские послы пытались выкрасть грамоту Василия Шуйского об уступке шведам Корелы, а также выяснить максимум уступок, разрешенных королем шведским послам. Второе задание оказалось этой четверке по силам, но тут случилось непредвиденное: к шведам перебежал жилец Михаил Клементьев, видевший Боборыкина в стане русских послов. К счастью, идентифицировал изменник только Боборыкина, и Угрим Лупандин смог предупредить Якова. Прихватив с собой Ф. Витовтова, в ночь на 22 февраля они успели бежать к московским послам (Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 131—139). В бессильной ярости Делагарди конфисковал и отослал в Швецию все доступное ему движимое имущество Боборыкина, а заодно его мать с тремя сестрами (Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 139).

Первое применение на легальной службе царя Михаила Федоровича Яков Михайлович нашел в роли первого воеводы Старой Руссы после освобождения ее шведами в июле 1617 г. по 1619 г. Ход служебной карьеры Я.М. Боборыкина позволяет предполагать, что после возвращения из польского плена и избрания на патриаршество царского отца Филарета Никитича, Яков Михайлович вошел в круг доверенных лиц последнего. 16 апреля 1622 г. он стал 2-м судьей Поместного приказа в товарищах с кн. А.В. Сицким (Народное движение в

России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601—1608: Сб. документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин; сост. Р.В. Овчинников, В.И. Корецкий, М.Г. Кротов, Д.В. Лисейцев, Т.Б. Соловьева, Л.А. Тимошина. М., 2003. № 52. С. 289, № 148. С. 294, № 171. С. 313; Записная книга Московского стола (1626, мая 5 — 1627, августа 31). С. 469; Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 1: А—И / Подг. А.В. Антонов. М., 2016. № 1351/247. С. 235; АСЗ. Т. 3. № 93. С. 82; № 549. С. 474; № 553. С. 484; Богоявленский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков / Отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт; Сост, авт. вступит. ст, коммент, подгот. А.В. Топычканов. М., 2006. С. 221).

В боярских списках 1626—1629/30 гг. г. написан по списку московских дворян в Поместном приказе и в царских покоях с пометой «комната» (Горбатов Е.Н. Подлинный боярский список 1626 г. //Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. М., 2014. С. 368; «Подлинные» боярские списки 1626—1633 годов. Сб. док. / Сост. Е.Н. Горбатов. М., 2015. С. 38). В списке 1629/30 г. был записан по дворовому, в Поместном приказе и вымаран с пометой: «138-го, октября в 15 день умре» (Там же. С. 363). С 1626 г. документы Поместного приказа фиксируют рост его вотчинных владений (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626—1657 гг.). Итоговый размер его латифундий зафиксировало сохранившееся духовное завещание 1629 г.

Яков Михайлович имел двух жен. Второй жене Соломаниде по завещанию отходили четверть его движимого имущества (медная и оловянная посуда во дворах и вотчинах). На прожиток жене Яков Михайлович оставлял свое бывшее подмосковное поместье в деревне Дурневе (Фурневе?), да вотчина, «купленная в Дмитровском уезде селцо Покровское з деревнями и с пустошми — жене моей Соломаниде впроки, хотя и замуж пойдет». Первая жена Настасья в завещании именуется схимницей, что указывает на ее пострижение в монастырь, возможно связанное со смертью двух их детей, умерших, вероятно, в детском возрасте или даже в младенчестве.

Судьба Якова Михайловича Боборыкина ярко и выпукло отразила не только драматическую эпоху Смутного времени начала XVII в., но и образ поведения и мышления наиболее авторитетных представителей служилых по-отечеству, как главной политически активной силы московского общества, в критические моменты истории, — тех немногих кто задавал современникам образцы духовной стойкости возрождая утраченные многими морально-нравственные ориентиры, стали главным залогом преодоления всем московским обществом Смуты.

Медникова М.Б., Елкина И.И., Тарасова А.А., Беляев Л.А.
Портрет «боярыни» XVI в. по данным биоархеологии

Археология, как никакая другая из исторических дисциплин, ориентирована на изучение повседневной жизни людей прошлого. Из какой посуды ели средневековые горожане, в каких домах жили, как украшали одежду и, наконец, как провожали в последний путь своих близких — ответить на эти вопросы может исследование артефактов из археологических раскопок. Но непосредственным следствием археологических раскопок является и возможность изучения другого, совершенно независимого источника — палеоантропологических материалов. Зубная и костная системы человека обладают совершенно удивительными свойствами: они, с одной стороны, представляют собой стабильные структуры, а с другой — способны запечатлевать в структурных и химических изменениях внешние воздействия, которые организм испытывает на протяжении жизни. Именно пластичность и консервативность скелетной системы обеспечивают возможности изучения образа жизни древнего населения путем детального анализа останков из археологических раскопок.

Многолетнее сотрудничество археологов и антропологов способствовало кристаллизации в научной практике направления, известного сегодня как «биоархеологические реконструкции». Этот термин обозначает комплексное междисциплинарное исследование антропологических материалов конкретного археологического памятника с воссозданием индивидуальных особенностей образа жизни, состояния здоровья, особенностей физического развития, питания тех людей, останки которых были обнаружены при раскопках памятника. Мало того, изучая останки взрослых людей, можно определить качество жизни человека в детстве и даже установить точный срок, когда этот человек будучи ребенком испытал физиологический стресс. Биоархеология позволяет обращаться и к решению биологических проблем, и к конкретным историческим задачам, чему в последние годы особенно способствует развитие высокотехнологических методов лабораторной экспертизы. Итак, представим, что письменные источники и данные эпиграфики смолкли. Что способно рассказать отдельно взятое биоархеологическое исследование о жизни конкретного человека?

В декабре 2014 года в центре Москвы (пока ограничимся этой локацией) экспедицией Института археологии РАН под руководством Л.А. Беляева были вскрыты несколько каменных саркофагов, в том чис-

ле, белокаменный склеп из крупных блоков, содержащий останки не менее пяти человек. Один из скелетов, по определениям, сделанным *in situ*, принадлежал женщине. Мы посвятили комплексное междисциплинарное исследование анализу этого женского захоронения (Медникова, Беляев и др. Комплексное биоархеологическое исследование женского погребения в белокаменном склепе Новоспасского монастыря. КСИА. В печати). Традиционные методы вещеведческого анализа и антропологической идентификации были дополнены применением современных аналитических приемов (микротомография и рентгеновская микроскопия, микрофокусная рентгенография, флуоресцентная микроскопия, рентгенофлуоресцентный анализ, изотопный анализ диеты и др.).

Первый этап лабораторного исследования — оценка степени сохранности останков

Оценка степени сохранности скелета и черепа — очень важный момент, позволяющий определить, по какому пути должно пойти последующее исследование, какие методы могут быть применены для исчерпывающей идентификации и характеристики. В конкретном случае у погребенной сохранились верхняя часть свода черепа и зубы, многие элементы посткраниального скелета, включая длинные и мелкие трубчатые кости, кости таза, лопатки, а также значительную часть позвоночного столба. К сожалению, лицевая часть черепа не сохранилась, поэтому мы были лишены возможности реконструировать ее прижизненный облик.

Второй этап: регистрация возрастных и патологических изменений

Обследованы все зубы нижней челюсти. Жевательная поверхность коронок почти не стерта, что обычно интерпретируется как проявление относительно молодого возраста. Наблюдается сильное развитие пришеечного зубного камня (может быть связано с частым питанием мягкой вязкой пищей). Кариеса нет. На передней поверхности правого второго нижнего моляра имеются 2 горизонтальные линии в середине коронки. Наличие этих линий (т.н. эмалевой гипоплазии) свидетельствует о негативных эпизодах периода первого детства, способствовавших развитию физиологических стрессов и кратковременной остановке роста в возрасте около 3 лет.

Позвонки шейного отдела несут следы начальных возрастных изменений (заострены края позвонков, имеется начальный остеохондроз). На теле четвертого или пятого позвонка грудного отдела наблюдаются первичные краевые разрастания.

Поражения суставов имеются, но затрагивают отделы посткраниального скелета неравномерно. При общем отсутствии возрастных

изменений большинства крупных суставов поверхности бедренных и большеберцовых костей, входивших в коленные суставы, обнаруживают сильные краевые разрастания, несомненно, затруднявшие движения, особенно слева.

Развитие костного рельефа и локализация т.н. энтезопатий, обычно интерпретируемых как сумма привычных микротравм, позволяют прояснить некоторые особенности физической активности, типичной для этой женщины. Нами выявлены признаки повышенной функциональной нагрузки на предплечье левой руки, например, вследствие занятий рукоделием. Особенности строения бедренной кости позволяют представить типичную для этой женщины статическую позу, которую условно можно назвать «сидение за прялкой».

Третий этап: определение биологического возраста

Понятие биологического возраста отражает фактическое состояние организма. В рассматриваемом случае вопрос решается не так однозначно, если обратиться к разным системам признаков. Итак, степень облитерации черепных швов, наличие дегенеративно-дистрофических изменений поверхностей, входивших в коленный сустав, симптомы остеохондроза в шейном и грудном отделах позвоночника говорят в пользу принадлежности старшей возрастной когорте (*maturus I* или 40—49 лет). Но, например, скопление крупных питательных отверстий в проксимальных метафизах большеберцовых соответствуют более раннему возрасту. Также обращают на себя внимание отсутствие возрастных изменений в большинстве других крупных суставов, а также хорошее состояние зубной системы: слабая для предполагаемого возраста стертость зубных коронок, отсутствие прижизненной утраты зубов (по крайней мере, на нижней челюсти), отсутствие кариеса.

Хорошее состояние зубной системы у погребенной отражает либо ее молодой возраст, в чем есть обоснованные сомнения, либо высокий социальный статус и хороший иммунитет. Для дополнительной экспертной оценки биологического возраста мы применили современный метод неструктивной гистологии. При помощи цифрового рентгеновского 3D микроскопа XRADIA был получен виртуальный срез через дорзальную стенку в середине бедренной кости. Благодаря разработкам анатомов существуют стандарты, позволяющие оценивать состояние костной системы путем сравнения с препаратами людей с известным паспортным возрастом (Maat G.J.R., Aarents M.J. Nagelkerke N.J.D. Age prediction from bone replacement. Remodeling of circumferential lamellar bone tissue in the

anterior cortex of the femoral shaft of present Dutch population //Barge's Anthropologica. Leiden. N 10. 2005. 67 p.). Картина, полученная нами, соответствует, с учетом возможных индивидуальных вариаций, промежутку 40—51 год.

Четвертый этап: оценка параметров физического развития

После измерений костей посткраниального скелета, выполненных нами в соответствии со стандартными рекомендациями, стало очевидно: скелет характеризуется крайней миниатюрностью. Длина тела этой женщины была невелика, даже, по-видимому, по меркам шестнадцатого или семнадцатого столетия и составила, с использованием формул разных авторов 145—147 см.

Пятый этап: рентгенографическое исследование

Методы радиологии незаменимы при изучении внутренней структуры объектов. В данном случае нами применялась цифровая микрофокусная рентгенография костных останков. Главный результат — на снимке трубчатых костей выявлены 7—8 т.н. линий Гарриса — следы неоднократных задержек роста в детском и подростковом возрасте. Кроме того, рентгенографически зафиксированы следы перенесенного в детстве рахита.

Шестой этап: реконструкция системы питания

В последние годы изучение изотопного состава костной и зубной ткани человека и животных послужило важным источником для реконструкции образа и качества жизни представителей палеопопуляций. В рамках нашей работы получены индивидуальные значения дельта углерода и азота: $\delta^{13}\text{C}$, ‰ -19,3, $\delta^{15}\text{N}$, ‰ 15,2. Данные свидетельствуют о диете, богатой белками животного происхождения, что отражает принадлежность привилегированному сословию.

Седьмой этап: «мода и косметика» — археологический контекст

Рентгенофлуоресцентный анализ поверхности лобной кости помимо завышенных структурных элементов костной ткани (фосфор и кальций) выявил повышенный сигнал цинка. Очевидно, это следы многократного нанесения на лицо косметики того времени — цинковых белил.

Наконец, важнейшую информацию к интерпретации погребения предоставил вещеведческий анализ остатков головного убора — т.н. волосника. Волосник являлся неотъемлемой составной частью традиционного костюма замужней женщины.

Изучение предмета в лабораторных условиях показало, что мы имеем дело с традиционной формой средневекового волосника, состоящего из очелья и ажурного верха. Очелье представляло собой полосу тонкой шелковой ткани шириной 4 см. Ткань полотняного

переплетения высокого качества изготовления. Для ткачества использованы некрученые нити, предварительно окрашенные в красный цвет (для окрашивания использовались корни марены красильной *Rubia tinctorum*). Очелье было гладким, ничем не украшенным.

Ажурный верх волосника выполнен в технике плетения на раме «спрэнг» (sprang). В нашем случае его орнамент состоит из небольших ромбов высотой 2 см по всей его поверхности. Для плетения использованы красные шелковые нити толщиной 0,2—0,3 мм. Плетение кружев на деревянной рамке является одним из древнейших видов женского рукоделия. Большинство известных на сегодняшний день волосников XVI — начала XVII вв. выполнены в подобной технике.

Итак, в результате комплексного биоархеологического исследования установлено, что погребение принадлежало замужней женщине 40—50 лет, с очень низкой длиной тела, в раннем детстве и в подростковом возрасте неоднократно испытывавшей физиологические стрессы (может быть, вследствие регулярных постов), а также преодолевшей рахит. Вместе с тем, данные изотопного анализа говорят о полноценной мясо-молочной диете, которой придерживалась эта женщина, равно как хорошее состояние зубной системы и отсутствие у нее серьезных патологий, а также богатый головной убор, использование косметики (белил) подтверждают высокий социальный статус покойной. Ее повседневные занятия связаны с рукоделием. Жизнь протекала за прялкой.

Исторический контекст находки

Кому же принадлежало описанное нами погребение? Теперь мы можем назвать место, где экспедиция ИА РАН проводила раскопки. Это Новоспасский монастырь, основанный в нижнем течении Москвы-реки в конце XV века, ставший местом упокоения представителей могущественных боярских родов. В частности, после смерти Годунова и вступления на престол Лжедмитрия останки умерших в ссылке представителей рода Романовых (Никитичей) перевезли из мест их упокоения на окраинах государства в родовой московский монастырь. При раскопках обнаружены переотложенные фрагменты крышек и надгробных плит с надписями, свидетельствующими, что открытый участок принадлежит в основном Черкасским. Вероятно, он сгруппировался здесь вокруг погребений Марфы Никитичны Черкасской, в девичестве Романовой (†1611), и ее мужа Б.К. Черкасского: именно Марфе Никитичне принадлежала массивная известняковая надгробная плита, прикрывавшая белокаменный склеп в южной части раскопа. Плита и надпись на ней обладают всеми типологическими признаками, характерными для первой четверти XVII века; в

эпитафии указана точная дата смерти (28 февраля 7119=1611 года), названы имена Марфы Никитичны и Бориса Кенбулатовича.

Без результатов палеогенетической экспертизы мы не можем назвать имя женщины, погребение которой нами изучено. Но данные биоархеологии позволяют воссоздать образ жизни и, отчасти, облик одной из представительниц боярского рода конца XVI — начала XVII вв.

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 16-01-00081

Менделеева Д.С.

Два суда за Ростовское озеро: древнерусский человек в судебном споре

К основному вопросу конференции — «какие данные о людях можно найти в исторических и археологических памятниках, а какие не сохранились в принципе», — хочется добавить один необычный аспект. Возможно, некоторые *литературные* памятники позднего Средневековья донесли до нас сведения о типичных поведенческих моделях Древней Руси.

В отношении выбора материала для анализа здесь имеется существенная сложность. Во многих древнерусских произведениях (в основном, летописи) наблюдается довольно отчетливое влияние так называемого «литературного этикета», другие («Домострой», «Чин свадебный») — сами по себе являются «инструкциями нормативного поведения». Таким образом, часто мы рискуем узнать не о том, «как было», а «как должно было быть».

Поэтому идеальным материалом для наших наблюдений могут стать литературные памятники поздних веков русского Средневековья, герои которых типологически близки к литературе Нового времени (то есть, вымышленные и собирательные). Оптимально при этом, если описываемая ситуация не составляет основу сюжета, но находится на периферии повествования — во-первых, первыми собирательными персонажами в древнерусской литературе была как раз эпизодические. Во-вторых, чем меньше внимания автор уделяет сюжету, тем больше шанс, что он воспроизведет именно принятую поведенческую модель — «как было», а не «как положено».

Более богатым источником для изучения бытового поведения является, без сомнения, бытовая, а также деловая переписка. Однако

изучение одного явления по разным источникам лишь обогатит полученный результат.

Древнерусская литература сохранила для нас рассказы о двух судах за Ростовское озеро — в «Повести о Петре царевиче Ордынском» XV в. и в «Повести о Ерше Ершовиче» XVII столетия. Сходных черт, помимо появления в Ростовской земле (во втором случае — гипотетического и крайне сомнительного) у этих произведений нет — они возникли в разное время и имеют очень разные источники (в первом случае — местная монастырская легенда, во втором — пародия на деловую переписку). Единственное, что объединяет их — тема судебного спора за один и тот же предмет (что обуславливает и одинаковую логику судебного разбирательства). Кроме того, ни в «Повести о Петре», ни в «Повести о Ерше» содержание не исчерпывается одним только судом. Внимание авторов рассеяно с судебной процедуры и на другие предметы, а это дает нам возможность понаблюдать судебную логику русичей, так сказать, в непринужденной обстановке.

«Повесть о Петре Ордынском»: «земли от езера сего»

Итак, повесть XV в. рассказывает о судебном споре, который начался с возмущения городских рыбаков, усомнившихся в том, имеют ли право рыбаки обитатели ловить рыбу в Ростовском озере: «Аще петровьстии ловци не престануть ловити, то езеро наше будеть пусто». (Здесь и далее цитаты из текста приведены по изданию Памятники литературы Древней Руси. Конец XV-первая половина XVI века. Вып. 6. Москва, 1984). Однако, предмет спора тут же чуть-чуть меняется и тяжба о праве на лов становится спором о границе владений — когда правнуки первого собственника заявляют внукам одаренного им: «Дѣдъвашь грамоты взя у прародитель наших на мѣсто монастыря вашего и рубежи землям его, а езеро есть наше».

До этого, в ходе довольно обстоятельного повествования, автор рассказывает читателям о происхождении монастырского надела и этих самых пресловутых грамот. Доказательств относительно происхождений и того, и другого — в избытке. Сначала повествуется о выделении участка:

«И повелѣ князь изврещи вервь от воды до ворот и от ворот до угла, от угла возле езеро — се мѣсто великое. Петръ же рече: «Да повелиши, князь, ровъ копати, яко же в Ордѣ бываеть, да не будет погибения мѣсту тому»....и граждане...в той час ископашаровѣ, *иже есть донынѣ*».

Затем рассказывается о происхождении документов на него: «И повеле князь пред владыкою писати грамоты множество земель от озера, воды и лесы, яже суть и донынѣ». И о подтверждении этих документов потомками первого правообладателя: «Пришед же посоль царевъ в Ростов и, взревъ грамоты Петровы и старого князя, и суди их. И положи рубежы землям по грамотамъ старого князя и оправи Петрова сына и давъ ему грамоту съ златою печатию».

В этом повествовании все очень гладко и законно, даже избыточно. Непонятно только одно: даже если границы озера со временем менялись так, что часть выделенного праведному Петру участка оказалась под водой, какое право это дает рыбакам его потомков ловить там рыбу?

В итоге пришедший из Орды царский посол принимает решение, которое отчасти напоминает логику рассуждений его коллеги из гораздо более поздней смеховой повести — судьи Шемяки: «Не лож ли суть грамоты сия купля? Ваша ли есть вода, есть ли под нею земля? Можете ли воду снятись земли тоя»? На основе этого выносится совсем уж произвольное решение: если воду с земли снять нельзя, то и рыбу ловить в ней можно. Однако составителю совершенно не сатирического, а, напротив, благочестивого повествования такое решение забавным отнюдь не кажется.

Чем же руководствуется судья?

«Род татарьскы, кость не наша», или насколько важно понравиться судьѣ?

По ходу повествования автор достаточно много внимания уделяет, так сказать, личностям участников процесса. Невольный виновник судебного разбирательства Петр выглядит у него человеком праведным — не только по делам веры, но и в быту: «Бяхубо Петрови сладци отвѣти и добрыа обычая вѣвсемъ». Благочестивыми были и его внуки — они украшали икону Богородицы и устраивали клиру пиры, чтобы помянуть родителей: «Внукъ же Петров, именемъ Юрие, якоже навывче у родителъ своихъ честь творити святѣй Госпоже Богородице в Ростовѣ, и гривны на ню възлагати, и пированиа владыкамъ и клиросу и собору церковному и праздникомъ святыхъ апостолъ Петра и Павла и памяти ради, и творити родителъ и прародителъ и вѣчнаа ихъ память по вся лѣта».

А вот потомки старого князя — напротив, изображены людьми неблагочестивыми — они с пренебрежением относились к братанию предков, да к тому же завидовали той чести, которой потомки Петра пользовались в Орде. Как же вели себя эти благочестивые люди, находясь, так сказать, в судебном процессе?

Как только умирает Петр (а с момента, когда мертвы все участники первоначальной договоренности, согласно древнерусскому праву, можно было считать расторгнутым, так называемый «вечный» договор), его сын очень осмотрительно предпринимает путешествие в Орду: «Сынъ же Петровъшедвъ Орду». Надо понимать, что, ордынцы в это время — верховная власть на Руси.

Далее законопослушный Юрий демонстрирует в Орде свой высокий статус: «Там он сказася брата царева внукъ», — и обрадованные родственники выправляют ему царского посла, который и подтверждает прежние грамоты на владение имуществом: «Възрадовашася дяди, и посоль у царя исправиша ему». Как видим, главное, оказаться «своим» для представителей власти, — и все судебные вопросы решаются гораздо легче.

Такое же путешествие, описанное автором теми же словами, дословно, позже предпримет и внук Петра, Игнат. Получается, что решение по делу потомков Петра принимает судья, заранее симпатизирующий одной из сторон, причем настолько, что другая сторона его боится: «И бысть боязнь княземъ царева посла». Впрочем, поскольку судья здесь, руководствуясь своими соображениями, но все же наказывает неправедных и награждает праведных, в процессуальные тонкости автор углубляться не склонен.

«Повесть о Ерше»: «А родомъ есьми аз истаринший человекъ»

Повесть о Ерше. Прошло два века, и воды непредсказуемого Ростовского озера вновь составляют предмет спора. На сей раз перед нами пародия на делопроизводство, но, заставив судиться за воды озера рыб, саму логику процесса автор, похоже, оставляет неизменной. Вот только современному читателю логика кажется несколько странной.

— «Жалоба...на вора, на разбойника, на ябѣдника, на обманщика..., на худово недоброво человекъ».(Здесь и далее цитаты приведены по изданию Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. Вып. 11. М., 1989).

— «Яз буду искать безчестия своего, и назвали мѣня худым человекомъ, а родомъ есьми аз истаринший человекъ, детишка боярские»... «А я, господа,...ни чмуть, ни вор, ни тать и не разбойникъ, а полишнаго у мѣня никакова не вынимывали, ...а следомъ ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивалъ. Человекъкъ я доброй, знаютъ меня на Москве князи и бояря, и дети боярские».

В какой-то момент кажется, что участники процесса вообще забыли, о чем они спорят. Зато все упоенно устанавливают, что, засе-

ляясь в Ростовское озеро Ерш «назвался крестьянином» и что жалуются на него крестьяне же.

Потом из набора преувеличенных эпитетов — судебные ходатайства тогда писались как челобитные — со всеми эмоциями — вдруг да разжалобят строгого судью? — выплывает все-таки суть дела — то ли имущественный спор, то ли разбой: «Крестиян ваших перебили и переграбили...и озером завладѣли насильствомъ».

И, наконец, почти случайно, стороны вспоминают о документах: «есть ли у нево, Ерша, на то ростовское озеро какое письмо или какие даные, или крепости какие-нибудь?»

Позже выясняется: у истцов документы тоже не сохранились: «Пути де у насъ и даны еутерялися». И дальше процесс превращается в соревнование «слово против слова», где судья пытается выяснить, чье свидетельство надежнее, практически основываясь на репутации участников. То есть, начали «за имущество», а продолжили — про характеристики сторон.

Тогда поручители Сельдь и Лодуга рассказывают, у кого именно популярен «на Москве» Ерш: «Знають Ерша на Москвѣ бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добърые рыбы».

Роковыми же оказываются для Ерша свидетельства двух воевод — Осетра и Сома, причем один из них в нынешнем разбирательстве сам выступает судьей, а второй — окольничим. Первого Ерш когда-то обманом отговорил идти в Ростовское озеро, а над братом второго, попавшим в сеть, посмеялся. То есть, искали аргументы далеко, а нашли — в собственной памяти.

Из этих доказательств судьи делают вывод, что Ерш — «ведомый воръ», и постановляют...выдать его оппонентам грамоты на владение Ростовским озером.

Две рассмотренные повести (с эпизодическим привлечением «Повести о суде Шемяке», которая, тем не менее, считается переводной, поэтому подробно мы ее не рассматривали) позволяют предположить: имущественные споры в Древней Руси разбирали, весьма серьезно «взирая на лица». Если документов по сути спора не хватало, либо если они не отражали сполна его предмет, на благосклонность судий мог рассчитывать либо человек, которого судья почему-либо мог считать «своим», либо человек с безупречной репутацией. А уж для строптивца, который однажды в чем-либо перешел судье дорогу, ввязываться в разбирательство и вовсе было краем легкомыслия.

Правда, у подобной судебной прямолинейности была и обратная сторона. Добросовестные ответчики, как правило, и авторами вос-

принимались как «люди добрые, праведные», а недобросовестные — и по жизни оказывались «ворами, плутами и обманщиками», так что даже несколько произвольное судебное решение, как правило, попадало в точку, а присудить праведникам немного лишнего проблемой не казалось. Как говорится, «всякому имущему дано будет, а у неимущего отнимется и то, что имеет».

Новохатко О.В.

Начальник Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов в делопроизводственных документах и частной переписке

Сообщение посвящено лицу малоизвестному даже среди исследователей, занимающихся историей России XVII столетия — думному дьяку Василию Григорьевичу Семенову. А между тем в последней четверти XVII в. он был одной из важнейших фигур, определявших внутреннюю, и опосредованно, внешнюю политику России. Речь идет о «министре обороны» России того времени, то есть о главе Разрядного приказа.

Разрядный приказ (или просто Разряд) был одним из двух (вместе с Поместным) государствообразующих учреждений России XVII в. Он ведал служилыми людьми по отечеству всего Русского государства (а значит, его главными военными силами, центральным и провинциальным управленческим аппаратом), военными делами и управлением южными (украинными) городами и уездами.

Чтобы понять, как работал русский «министр обороны» XVII в., надо для начала представить, какими возможностями он располагал, для того, чтобы его распоряжения выполнялись. Штат Разрядного приказа к последней четверти XVII в. составлял около 150 человек. Во главе приказа стояли четверо судей — его руководитель (думный дьяк, в самом конце века — боярин) и четыре — пять приказных дьяков. Канцелярию приказа составляли 120—130 подьячих. Усилиями около полутора сотен сотрудников Разрядного приказа осуществлялось военное и административное управление территорией нынешних Калужской, Тульской, Брянской, Орловской, Курской, Белгородской, Воронежской, Тамбовской, части Липецкой областей России, Сумской и Харьковской областей Украины с более чем 70 городами. А подьячие двух подразделений приказа, так называемых повыгтий, «бояр-

ского и жилецкого списков», в которых работало не более 20 человек, постоянно держали в поле зрения практически весь центральный и местный аппарат управления Московского государства. (К слову, на одного управленца в конце XVII в. приходилось чуть меньше 3,5 тысяч человек; в современной России это соотношение — 1:140).

Каковы же были полномочия тогдашнего министра обороны. Ведь существует убеждение, что в допетровской России даже мельчайшие дела управления решал царь. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к одному из наиболее объективных источников — делопроизводственной документации, причем ежедневной, рутинной, где на каждый документ ставилась резолюция того или иного чиновника. По этим резолюциям — в терминологии XVII в. «пометам» — можно судить о компетенции приказного служащего.

Исследование делопроизводства Разряда показало, что в военной сфере правительство определяло генеральные, стратегические задачи — такие, как принятие нового закона, решение о начале боевых действий и их главном направлении и т.п. Все многочисленные вопросы текущего военного управления Разрядный приказ решал самостоятельно через подчиненные ему органы местной администрации и, в военное время, полковые канцелярии при штабах — разрядные шатры.

Одним из главных направлений в ратном деле было сохранение целостности и безопасности границ государства, особенно постоянно угрожаемых южных. С разных участков Белгородской засечной черты в Разряд в течение всего года городовые воеводы присылали отписки (донесения) о ситуации на границе. Они поступали напрямую к начальнику приказа, он же принимал по ним решения — на отписках значатся пометы только В.Г. Семенова.

Например, 13 октября 1676 г. валуйский пушкарь С. Потемкин привез в Разряд отписку воеводы К. Лодыженского, в которой сообщалось о нападении калмыков и татар на Валуйки. Воевода предупреждал о возможных нападениях и на другие города района; численность кочевников он оценивал приблизительно в 400 человек. В тот же день по информации, содержащейся в отписке, и по результатам допроса валуйского пушкаря В.Г. Семенов распорядился послать грамоты к Г.Г. Ромодановскому, полковому и осадному воеводе Белгорода, с тем, чтобы он сообщил во все подведомственные ему города о «вестях» и о необходимости разведки; в ближайшие к Валуйкам города-крепости на черте, Новый Оскол и Верхососенский, В.Г. Семенов приказал отправить грамоты с требованием немедленно известить Разряд о таковой ситуации (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Д. 95. Л. 126—128).

В ходе военных кампаний руководитель Разряда, естественно, исполнял указы правительства. При этом в реализации этих указов В.Г. Семенов обладал широкими полномочиями: например, он принимал кадровые решения по высшему офицерскому составу армии, исключая, конечно, командующих полками, больших воевод, которых назначало правительство.

Так, для первого Чигиринского похода в 1676 г. В.Г. Семеновым были утверждены принципы формирования частей южной армии, проведена разверстка служилых людей московских чинов по полкам — «большому» во главе с боярином кн. В.В. Голицыным (Путивльский полк), сходного воеводы В.В. Голицына боярина И.В. Бутурлина (Рыльский полк) и Белгородскому и Севскому полкам под единым командованием боярина кн. Г.Г. Ромодановского.

Белгородский полк должен был принять наиболее активное участие в боевых действиях; полку В.В. Голицына ставилась задача оказать помощь Г.Г. Ромодановскому и гетману И.С. Самойловичу. При этом в соответствии с чиновной иерархией полк В.В. Голицына считался выше полка Г.Г. Ромодановского. Полк И.В. Бутурлина стоял в этой иерархии на третьем месте. Критерием зачисления в разные войсковые подразделения был отчасти чин служилого человека, но главным образом стаж и характер его службы — военной и административной.

Исходя из всех этих соображений, В.Г. Семенов выстраивал политику распределения служилых людей московских чинов по полкам. В полк В.В. Голицына направлялись те, кто в последние годы наиболее активно участвовал в боевых действиях и служил в провинциальной администрации. В полк Г.Г. Ромодановского определяли служилых людей, в последнее время не несших полковую службу и не бывших на воеводстве. В Рыльск был переведен с восточных границ Тамбовский полк. Так военным руководством понималась и осуществлялась ротация личного состава московских служилых чинов при участии в боевых действиях.

Все три части смотренного списка — путивльская, белгородская и рыльская — «скреплены» (подписаны) В.Г. Семеновым: решения о распределении московских служилых людей по полкам руководитель военного ведомства принимал единолично, без согласования с верховной властью. Стоит отметить, что список, над которым работал В.Г. Семенов, включал более 6 тыс. имен.

Кадровая работа являлась наиболее обширной областью деятельности Разрядного приказа, поскольку именно через него происходило взаимодействие верховной власти и сословия служилых людей по

отечеству, которое в XVII в. было и опорой этой власти, и средством осуществления ею своих полномочий. Поэтому все существенные моменты жизни служилых людей — от физического состояния до служебных перемещений — фиксировались в Разряде.

Естественно, что в этих делах глава приказа принимал непосредственное участие. Уровень полномочий разрядных дьяков проявлялся не только в содержании и объеме решаемых ими вопросов, но и в отношении к одному из важных этапов приказного делопроизводства — выписке, т.е. сбору дополнительной информации о деле. Чем выше был статус руководителя, тем в большем числе случаев он мог принять решение по входящему документу самостоятельно и непосредственно, без опоры на прецеденты. В.Г. Семенов практически всегда решал дела без предварительной выписки, полагаясь на свой профессиональный опыт и знание законодательства. Так, он без выписки принимал решения по всем вопросам, связанным с пожалованием в чин и отставкой служилых людей.

Основополагающим принципом управления в России XVII в. был принцип обратной связи — текущие административные задачи решались не директивно, а по информации снизу. Поэтому практически ежедневно в Разряд поступали отписки городских воевод, с просьбами разрешить те проблемы, которые выходили за границы компетенции местных властей.

В отношении подчиненных Разряду территорий В.Г. Семенов без выписки принимал решения почти по всем вопросам — конфликтам в местной администрации, спорам городских служилых людей, делам о сыске беглых и о закреплении служилых людей. Кроме того, только к думному дьяку поступали на рассмотрение наиболее сложные, неоднозначные дела, например, пересекающиеся со сферами деятельности других приказов.

Что касается финансов, то общий контроль за приказной казной, как в приходной, так и в расходной части, находился в руках первого заместителя В.Г. Семенова, дьяка П.И. Ковелина. Основные денежные средства принимали заместители В.Г. Семенова, трое разрядных дьяков; они же решали текущие финансовые вопросы.

В.Г. Семенов распоряжался денежными расчетами Разряда с другими приказами и внеочередными выплатами различным категориям служилых и не служилых людей по их прошениям в Разряд. Правительство утверждало общую сумму на жалованье подьячих приказа; определение годового оклада каждого подьячего находилось в компетенции приказа. Поэтому В.Г. Семенов, как руководитель приказа,

утверждал ежегодный проект выплаты подьяческих окладов. Таким образом, начальник Разряда был освобожден от большинства текущих финансовых дел приказа, занимаясь лишь наиболее важными.

Как и в другие времена и в других государственных и частных управленческих структурах, в приказах XVII века существовали неформальные связи, игравшие более или менее важную роль в жизни этих учреждений.

Чиновники высокого ранга часто передавали друг другу необходимую информацию не через официальные документы, а посредством полуофициальных-получастных писем. Такие письма были абсолютно легитимны, они отправлялись с правительственными курьерами. Преимущество их перед официальными документами (например, памятями, которыми обменивались приказы) состояло в большей скорости передачи информации: письмо составлялось быстро, самим автором (или под его диктовку), было крайне лаконично, не обременено обязательным формуляром.

Вот пример такого письма, написанного в сентябре 1689 г. В.Г. Семеновым боярину Т.Н. Стрешневу, тогдашнему номинальному начальнику Разряда. Письмо отправлено из Москвы в одно из подмосковных сел, куда Т.Н. Стрешнев сопровождал царя Петра Алексеевича: «Тихон Микитичь, государь, многолетно здравствуй. Извесно тебе, государю моему, буди. Думному дворянину и печатнику Дементью Миничю Башмакову о переписке Посольского приказу, чтоб онъ переписывал без мотчанья, сказано не одиножды. Гетман Иван Степановичь с Москвы пошел сентября 21-го числа. ... Смотренные списки болшого полку у дьяка у Еремея Полянско-го, а он, Еремей, ныне в походе. Прикажи, государь, ево ис походу отпустить. ... Князь Петр Ивановичь денег по се число дать ничего не приказал. Изволь, государь, к нему о том отписать. А я по милости твоей, государя моего, побреду к себе в деревнишку сентября 24-го числа для празнества великому чюдотворцу Сергию, а к Москве прибреду сего месяца 26-е число, естли восхоцет господь богъ живу быть. При сем тебе, государю моему, работникъ твои Васька Семенов челом бьеть, не забудь меня сирого в милости своей, сентября 23-го дня. Поднесь боярину Тихону Никитичу» (Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 36).

Несмотря на неформальный характер таких записок, они считались полноценным официальным документом и при необходимости фиксировались в записных книгах Разряда. Например, такое же неофициальное письмо главы Разряда В.Г. Семенова было переписано в

записную разрядную книгу «всяких дел» 1683/84 гг. в череде других бумаг, относящихся к одной из придворных церемоний: «Да того ж числа в письме к боярину ж ко князю Никите Ивановичу (Одоевскому. — О.Н.) с товарищи розрядного думного дьяка Василия Григорьевича Семенова писано: Князь Никита Иванович, государь. Указали великие государи бояром, и окольничим, и думным людям, которые ныне на Москве, опричь твоих товарищей, быть к себе, великим государем, в поход в село Алексеевское сентября 29 числа в 1 часу дня в цветном платье и на добрых лошадях, и для того послать к ним с ведомостью из Розряду подьячих» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 21. Л. 79—80 об.).

Письма, подобные приведенным, можно считать частно-официальными. Но служебные дела решались В.Г. Семеновым и через частную в узком смысле слова переписку. Ярче всего такой способ решения государственных дел виден в частной переписке родственника В.Г. Семенова, стольника А.И. Безобразова. Многие знакомые А.И. Безобразова обращались к нему с просьбой ходатайствовать о служебных делах перед В.Г. Семеновым. Судя по данным переписки, решение таких дел с помощью неформальных связей в XVII в. считалось и действительно нередко оказывалось более эффективным, чем официальный путь.

Г.Б. Приклонский, боровский воевода, ссылаясь на родственников, очевидно, близких А.И. Безобразову, просит его «заступить» у В.Г. Семенова — «чтоб Василей Григорьевич для дядей и для тебя, государя, для моего безсемянства побереж в Розряде: умираю голодною смертью, и дрова, и на бумагу, и на свечи, и на чернила с посаду и с уезду четвертные денги не указаны, все покупаю на свое, а неокладных и з судных дел никаких нет, и подьячим прокормитца нечем, и хоромы на дворе все обалились». Г.Б. Приклонский просит, чтобы В.Г. Семенов распорядился взимать необходимые подати в его пользу «с четвертей, с посаду и с уезду». В духе описания бедственного положения воеводы выглядит и его скромное подношение: «челом бую, государь Аньдрей Ильичь, боровским гостинцом, шесть столпыцов лучьку да тритцать яблук, да только у тебя, государь, и Василей Григорьевичь, ему, государю, челом бую, луку семь столпздцов да яблук же, прикажите принять, в том не покручинтеся, дело небагатое» (Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Из Фонда А.И. Безобразова М., 1965. С. 81).

Козловский воевода И. Селунский обращается к А.И. Безобразову исключительно по государственному делу, надеясь частным образом решить то, что не решается путем официальным: «Да писал я, Андрей Ильичь, к Василью Григорьевичю: пришел околничей князь

Константин Осипович Щербатой с полками и стал под Козловым обозом, и от ратных людей ево козловцам во всем разоренье великое, сено и хлеб всякой, и дрова, и городбу всякую ломают и скотину бьют всякую; и ты об этом переговори с Васильем Григорьевичем» (Памятники... С. 88).

В имеющихся документах нет сведений о том, передал ли А.И. Безобразов В.Г. Семенову эти просьбы и, если передал, то как отреагировал на них думный дьяк. Возможно, что ради родственника он эти просьбы выполнил, как выполнял просьбы самого А.И. Безобразова. Однако переписка В.Г. Семенова с А.И. Безобразовым свидетельствует о том, что и для могущественного главы Разрядного приказа существовал некий предел, который он не переступал. Например, Ямской приказ требовал с крестьян А.И. Безобразова уплаты полтинных денег — налога на ямскую гоньбу. Приказчик Безобразова писал, что из требуемой суммы, 79 р. 50 коп., выплачено в казну только 9 р. 50 коп. и что он «бил челом Василью Григорьевичу и челобитную подносил». Но «тот отказал: не сделаетца де, и били де челом многие ваша братья, ино де им отказано всем» (Временник МОИДР. Кн. 21. С. 11).

В ноябре 1681 г. В.Г. Семенов сообщал А.И. Безобразову о письме к нему ржевского воеводы кн. Т. Шаховского, в котором говорилось, что по челобитью А.И. Безобразова его крепостные пойманы и сидят в тюрьме, но без суда их отдать «немочно». В.Г. Семенов требовал соблюдения принятого законодательства: «Изволь кого послать с крепостми, кому в суде быть, а списку не поверят — сам ты у дел был. Не смотря на подлинные крепости — которой бы судья мог так учинить? А будет вскоре с подлинными крепостми не пошлешь, и тех людей свободит, и так он, князь Тимофей, в сем деле много терпит, что тех людей в тюрьме держит» (Памятники... С. 94).

Не мог В.Г. Семенов освободить своего родственника и от царского военного смотра, зато мог заранее предупредить его об этом. 20 ноября Василий Григорьевич пишет А.И. Безобразову: «Да ведомо тебе буди, изволил великий государь вас всех смотреть по списком генваря 1 число, изволь, прибрався, приехать к Москве к празднику Рождества Христова» (Памятники... С. 95).

Трудно сказать, объяснялась ли эта законопослушность страхом возможных последствий или убежденностью государственника в том, что личные интересы не должны противоречить государственным. Документы позволяют, как мне кажется, предположить все же второй вариант.

И, наконец, что можно рассказать о личности В.Г. Семенова? В частных письмах он предстает человеком разумным и терпимым. Нередко он выступал защитником крепостных А.И. Безобразова, который отличался крутым нравом: «О семъ зело удивляюсь, что за такую малую безхитросную вину к людем своим показал немилосердие и жестокое наказанье. Вначале надобно смотреть в таких делах душевного греха, по том и от своей бы братьи не принять поносного слова. Милости ради божией, впредь от такой жесточи удержися, и не такие безхитросные вины живут, однако ж с рассмотрением наказанье чинят. Твое здоровье бог сохранил, а что телегу испортили, и то дело убыточное, они ж бы тебе то заработали» (Памятники ... С. 90).

В другом письме к А.И. Безобразову В.Г. Семенов заступался за его приказчика: «Прошу, государь, твоей милости за винного человека твоего, за Ивашка Щербачонка. Дело учинилось безхитросное, не пьянством и не иным чемъ — похотелось в тепле поспать да лошадь потерял. Только, государь, чаять, что та лошадь будет в сыску. Милости ради божией к себе, не оскорби ево ничемъ, и я с Пелагеею и з детми о семъ много челом бью. А если милости над нимъ не покажешь, впредь ни за ково докучникъ не буду». (Памятники ... С. 93).

Интересно, что служилые люди по отечеству XVII в. оказываются знатоками строительного дела. Профессиональные военные и администраторы, они прекрасно разбирались и в «хоромном строении», а потому одной из нередких была просьба присмотреть за строительством жилого дома, если владелец не мог сделать этого сам. В письме к А.И. Безобразову В.Г. Семенов выказывает известную компетентность в жилом строительстве: «Прошу твоею к себе приятельского жалованья: по обещанному своему слову учини свой подвиг в деревнишку мою в Прончищево и прикажи при себе обложить хоромишка по своему рассмотренью, какъ тебя Богъ наставит. ... А ведомо тебе, государю моему, чиню: при себе я признаки учинил, от которого места быть переднему и заднему двору, и что ему длина и поперег, и на скольких венцах быть исподнимъ подклетам и верхнимъ избамъ, и тому всему послал я к тебе роспись». (Памятники... С. 91).

В письмах В.Г. Семенов предстает любящим и нежным отцом. Так, он просит с особым бережением отправить домой своего сына, гостившего у А.И. Безобразова: «Пожалуй, государь, пришли ко мне мальчика моево Алешеньку с кемъ веришь, и чтоб ехали бережно, и в дорогу вина и иного никакова питья людем своим давать не вели, потому что ныне по дороге объявилось многое воровство, не токмо ночми, и в день розбивают» (Памятники ... С. 90).

Еще одно качество В.Г. Семенова, проявившееся в частных письмах — это чувство юмора, тонкое и не без сарказма. Он не отказывает себе в том, чтобы подшутить над своим прижимистым родственником: «Сентября с 13-го числа того ж месяца по 16 число в Китае рыбы не ядят, — писал В.Г. Семенов А.И. Безобразову, — а у тебя, знатно, те дни в забвении — сам кушаешь живую, и то выбором, а нас забываешь. Хотя бы от мелочи изволил прислать, ныне время осеннее, из дальних мест с рыбою не приезжают, а се воды мелки — лову не стало; а у ково есть пруды, и ис таких вод готовой рыбы добитца мочно» (Памятники... С. 89). Судя по всему, А.И. Безобразов отправил посылку, потому что 20 сентября В.Г. Семенов благодарит его в таких выражениях: «И паки за ваше жалованье челом бую, за присланную рыбу и за птицы, только, государь, в письме твоём написано: послано ко мне птиц диких — а по счёту объявилось только вдвоем. Мочно было написать, что послано две птички, потому что они роду небольшого» (Памятники... С. 90). В другом письме думный дяк отвечает А.И. Безобразову на упрек в плохом качестве пищали, подаренной В.Г. Семеновым: «Челом бую на твоём, государя моего, жалованье, что приказал весно учинить о своём здоровье, и на стреленых птицах. Изволил ты ко мне приказать, что пищаль моя худо стреляет — правда, что по её стрельбе и птицы таковы» (Памятники ... С. 94).

Таким образом, сочетание делопроизводственных и эпистолярных источников позволяет с большей полнотой воссоздать портрет исторического деятеля допетровской эпохи.

Ноздрин О.Я.

Всюду или никуда: поступки, приключения, подвиги полковника Уолтера Уайтфорда, роялиста

Наемники раннего Нового времени отличались высокой мобильностью. Стремительность бытия напоминала военную тревогу. Они постоянно перемещались, меняли границы, гарнизоны, города, увлекая за собой семьи, родственников, товарищей по оружию, ставя знания и опыт в зависимость от щедрости нанимателя. Вместе с тем объяснять их поступки исключительно жадой наживы серьезная ошибка. Рыцарский дух еще не выветрился с полей сражений. Кор-

поративная этика и сословное благородство презирали трусливые денежные мешки, порою безрассудно заставляя рисковать свободой, карьерой, жизнью ради принципов и убеждений.

Суровость времен заставляла действовать по обстоятельствам. Гражданские смуты, захлестнувшие британские королевства при Чарлзе I Стюарте (1625—1649), способствовали бегству на континент сторонников проигравших партий, предлагавших услуги различным европейским правительствам, оспаривавшим друг у друга территории и сферы влияния. Среди роялистов, утративших после победы парламентских сил влияние и власть, но сохранивших верность престолу, Уолтер Уайтфорд занимает достойное место.

Уайтфорды (Whitford, Whyteford, Whitefoord) составляли почтенное шотландское семейство, восходящее к Уолтеру (I) 'Древнему', сражавшемуся с норвежцами при Ларгсе 2 октября 1263 г. Его обосновавшиеся в Ренфрушире наследники вели размеренную жизнь сельских джентльменов, далекую от придворных интриг и столичных страстей.

Возвышение рода связано с деятельностью доктора богословия университета Глазго Уолтера (II) 'Старшего', (ок. 1581—1647), осенью 1635 г. получившего важную должность епископа Брихинского. Приверженец субординации, он в 1637 г. поддержал литургическую реформу англиканского образца, возмущившую пресвитерианское духовенство. Намерение следовать новым правилам вызвало массовый протест и угрозы прихожан. Храня спокойствие, прелат вошел на церковную кафедру, положив перед собой пару заряженных пистолетов, а вооруженные домочадцы поддерживали порядок службы, проходившей при закрытых дверях. По дороге домой ему едва удалось избежать расправы толпы, разгромившей резиденцию епископа, вынужденного удалиться в Англию. В 1638/1639 гг. Генеральная ассамблея шотландской церкви лишила его сана, выдвинув стандартный набор обвинений в «суеверии», «невоздержанности и пьянстве». Мятеж общин помешал королю воздать должное верному подданному, обретшему после многих бедствий последний покой летом 1647 г. в церкви Святой Маргарет Вестминстерского аббатства.

Епископ возглавлял многочисленное семейство, из которого наибольшую известность получил его второй сын Уолтер (III) 'Младший'. Если отца только подозревали в «папизме», он открыто исповедовал католицизм, лишенный политических прав и отторгаемый протестантским большинством страны. Это препятствовало не только построению карьеры, но и осложняло будни.

О его ранних годах известно мало. Родившись около 1617 г., он первоначально получил домашнее воспитание, соответствующее происхождению. Религиозные взгляды и обострение внутривластной политической борьбы заставили предпочесть военную науку прочим.

С началом конфликта между приверженцами и противниками неограниченной монархии Уолтер (III) поддержал Чарльза I, став офицером королевской армии. Его младший брат Эдам (1624—1646), бакалавр искусств Оксфордского университета, погиб 10 февраля 1646 г., защищая роялистскую столицу от нападения круглоголовых. Другого брата, Дэвида (1626—1674), после взятия Оксфорда парламентскими войсками как солдата короля отчислили из университета, вынудив в 1648 г. вернуться в Шотландию. 3 сентября 1651 г. он был ранен и пленен в несчастном для Чарльза II сражении с Оливером Кромвелем при Вустере, освободившись по ходатайству приятелей. Ученые занятия оказались успешнее боевых подвигов. В 1655 г. ему удалось издать в Лондоне гравированные идииллы греческих поэтов III—II в. до н.э. Феокрита, Биона и Мосха, а в 1660 г. дополнить биографию маркиза Монтроза (1612—1650), написанную антикваром и епископом Эдинбургским Джорджем Уишартом (1599—1671), так же пострадавшим за церковную иерархию, как и Бриклинский коллега.

Победа радикальных ковенантеров над приверженцами абсолютизма в Шотландии привела к отъезду из страны их противников, среди которых оказался майор Уолтер Уайтфорд, встретивший 1649 г. в Соединенных Провинциях. Казнь Чарльза I 30 января 1649 г. вызвала ярость роялистской эмиграции, поклявшейся отомстить. Случай представился быстро. 29 апреля 1649 г. в Гаагу прибыл посол английской республики Исаак Дорислаус (1595—1649), выступавший на процессе короля консультантом суда, составившим обвинительный приговор. 12 мая около десяти часов вечера в трактир «Белый лебедь», где он ужинал перед сном, ворвались люди в масках, убившие дипломата на глазах ошеломленной свиты.

Вялые попытки голландских властей найти преступников закончились безрезультатно. Утверждали, впрочем, без оснований, среди убийц находился сын и преемник казненного монарха Чарльз II Стюарт, лично нанесший роковой удар, вошедший в монархическую легенду. В действительности дерзкое нападение организовал Уайтфорд, привлекая к делу офицеров ближнего окружения маркиза Монтроза. Наряду с ним активными участниками акции стали сэр Джон Споттисвуд оф Дэрси и Генри Бэрд, 1-й виконт Белломонт, задержанный, но практически сразу отпущенный из-под стражи.

Преступление имело широкий резонанс. Лондон заявил решительный протест, устроив торжественную церемонию похорон посла в Вестминстерском аббатстве. Оливер Кромвель использовал его смерть среди предлогов развязывания англо-голландской войны 1652—1654 гг. Как информировали Москву переводные «Куранты» 20 июня -24 августа 1652 г., Генеральные штаты были виновны «что они большую королевским супостатам прибыль и помоч и поноровку против парламента чинили и больши поседали нежели папа римской... и что они попустили Дорислара в Гааге убили и что после того великое бесчестие учинилось отчего они уберечь могли...»

Сохранились не менее пяти гравюр, разошедшихся среди образованной публики, изображавших трагичную трагедию соответственно фантазии художников, представлявших мстителей в устрашающих масках, кирасирских шлемах — бургиньотах и даже с открытыми лицами.

Со своей стороны роялисты восприняли событие в качестве примера для подражания. Деливший досуг с эмигрантским двором английский генерал Чарлз Джерард, 1-й барон Джерард оф Брэндон (1618—1694) в 1658—1659 гг. собиравшийся поступать на царскую службу, смело высказывался в Париже, что поскольку поднявший руку на государя и помазанника Оливер Кромвель нарушил все законы, ликвидация святотатства любым способом богоугодное дело. Впрочем, в Россию он не поехал, а его вдохновленный громкими речами кузен, эскадронный командир Джон Джерард (1632—1654), готовивший устранение лорда-протектора, отправился на эшафот.

В 1658 г. воевавший за шведов в Польше Патрик Гордон оф Охлухрис (1635—1699), поддерживавший позднее тесные связи с Уайтфордом в России, узнав об остановке в таверне Ламе-Ханд не допущенного к царю Алексею Михайловичу английского посла Брэдшо, условился вместе с товарищами нанести ему визит вежливости. «Мы приняли его за того Брэдшо, — отмечал дневник Гордона, — что председательствовал в несправедливом верховном судилище над нашим сувереном, блаженной памяти королем Чарлзом I и решили во что бы то ни стало с ним покончить. Нас было пятнадцать с прислугой, шесть из коих можно считать людьми верными и отважными, а прочих — посредственными. Мы заключили, что свершив дело вечером, легко сумеем скрыться благодаря пересеченной местности в ночной тьме... Мы намеревались обратиться [к послу] якобы с поручением от фельдмаршала фон дер Линде и когда нас пропустят, семь или восемь человек должны войти и заколоть его.

Остальные будут стеречь коней у ворот, а добравшись до коней, можно бежать в Данциг...». Случай помешал нападению. Возможно, заговорщики узнали, вместо судьи Джона Брэдшо (1602—1659) миссию выполнял его брат Ричард (1610—1685), в любом случае они были готовы на любые жертвы, демонстрируя преданность памяти монарха.

После ночного происшествия в «Белом лебеде» Уайтфорд скрылся в Испанских Нидерландах. Весной 1650 г. он участвовал в экспедиции Джеймса Грэма, 1-го маркиза Монтроза, высадившегося в Шотландии с отрядом кавалеров. Поход закончился поражением при Карбисдейле 27 апреля 1650 г. Попавшего в плен майора Уайтфорда вместе с другими лидерами роялистов, генерал-майором сэром Джоном Арри и сэром Фрэнсисом Хэем оф Далгети, торжествующие ковенантеры приговорили к отсечению головы. По пути на плаху он мрачно изрек, что карая виновного в гибели короля предателя Дорислауса, уже готовился к смерти, но не ожидал столь скорой развязки. Это привлекло внимание одного из судей, приказавшего отсрочить казнь до выяснения открывшихся обстоятельств. Трагическая кончина Чарлза I изменила настроения шотландцев, расстроенных случившимся. Недавнее преступление оказалось праведным подвигом. Уайтфорд, как «джентльмен отменной репутации» получил свободу и разрешение беспрепятственно оставить Шотландию 25 июня 1650 г.

В 1656 г. ставший подполковником Уолтер находился при эмигрантском дворе короля Чарлза II в Нидерландах, постоянно меняя ночлег. Избегавшее ссоры с Оливером Кромвелем правительство Яна де Витта подозрительно воспринимало роялистскую активность. Угроза ареста по запросу официального Лондона вынудила искать счастье подальше от берегов Ла-Манша.

В 1658/1659 гг. при посредничестве Джона Хебдона, исполнявшего функции русского «коммисариуса и резидента», Уайтфорд записался в Амстердаме на службу царя Алексея Михайловича с обещанием производства в полковники.

Московская поездка оказалась полна приключений и неожиданностей. В Литве шотландца захватили разбойники — «шиши» и люди гетмана Винцента Корвина Госевского (1620—1662), от которых ему удалось скрыться. Дороги разоренной войной Речи Посполитой таили множество опасностей. Летом 1661 г. в лесу Руднинкай под Вильной получил смертельное ранение придворный художник польской династии Васа Питер Данкертс де Рей (1605—1661), по

преданию успев перед смертью набросать портреты бандитов, позволившие их задержать. Уайтфорду повезло больше. Ограбленный до нитки, он сохранил и предоставил Кремлю «свидетельские листы» двадцатилетней военной службы, заверенные печатью и подписью короля в изгнании «Карлуса Карловича». Согласно расспросным речам иноземца, за его спиной были многочисленные походы с армиями «галанского князя», цесаря, французского и испанского королей. Сложно сказать, насколько странствия Уайтфорда по Европе имели действительно служебный характер, а не обычные поиски пропитания и крова. В Москве отнеслись к показаниям серьезно, назначив полковником и отправив защищать западную границу.

С 1659 г. известный по русским документам как Владимир Хвитфорд, он командовал полком Витебского гарнизона, имея в 1661 г. под началом 748 офицеров и солдат.

29 июня 1660 г. в Архангельск прибыла семья иноземца: супруга, два сына — Огастин и Чарлз, а так же дочь. Британские генеалоги утверждают, что юноши так же находились на царской службе, не приводя доказательств. Конечно, они могли состоять при отце, исполняя полковые поручения, хотя, скорее всего в силу нежного возраста просто квартировали в Московской Иноземной слободе или Витебске, занимаясь своими делами.

Весной 1662 г. Уолтер получил отпуск на Британские острова, где к этому времени восстановилась власть законной династии Стюартов. В 1663 г. в Лондоне он отправил прошение королю Чарлзу II содействовать отставке с русской службы, опасаясь, что без официального заступничества добиться отпуска семьи будет сложно. В июле 1663 г. северным морским путем полковник приехал в Россию со свитой английского посла Чарлза Хауэрда, 1-го графа Карлайла (1629—1703).

По видимости, Уайтфорды окончательно покинули Московское государство летом 1665 г. Начавшиеся в Дубровичах 1 июня 1664 г. затяжные русско-польские мирные переговоры, завершившиеся в январе 1667 г. в Андрусово, ослабили интенсивность боевых действий, снизив зависимость от наемников и упростив их отставку.

Вернувшись в Британию, шотландец столкнулся с новыми проблемами. Королевское правительство благоволило кавалерам, но денег и вакансий, способных удовлетворить всех катастрофически не хватало. Начав с запроса о назначении комендантом крупного портового города Халла (14 июля 1666 г.), он перешел к более скромным просьбам пенсии за старые раны и службы, способной уберечь

семью от голодной смерти. В итоге ему назначили 100 фунтов стерлингов из доходов шотландского казначейства, и дали армейский пост.

11 октября 1673 г. полковник Уайтфорд основал публичную кофейню в Глазго, с правами 19-тилетней монополии. По времени создания она уступала первому британскому кофейному дому, созданному в Лондоне в 1654 г., но являлась сверстницей аналогичного заведения в Эдинбурге.

Не разделяя мнения протестантского большинства, Уайтфорд чувствовал настороженность властей. В декабре 1673 г. решением Тайного совета его отчислили из шотландской королевской гвардии как сторонника Римской церкви. Вступивший 6 февраля 1685 г. на престолы Шотландии и Англии Джеймс VII (II) Стюарт подтвердил 31 декабря того же года назначенную полковнику пенсию, которую полагалось выплачивать без задержек, но не успел сделать больше.

В 1672 г. король Чарлз II удостоил Уайтфорда редкой чести, приказав за проявленное мужество в деле Дорислауса дополнить фамильный герб отличием в виде трех серебряных крестов. Хорошо осведомленный, но пристрастный протестант и увлекающийся публицист епископ Солсберийский Гилберт Бернет (1643—1715) утверждал, что в поздние годы Уайтфорд состоял на службе савойского герцога Витторио Амадео II (1675—1732), весной 1686 г. участвуя в жестоком истреблении укрывшихся в пьемонтских Альпах вальденсов. Это замечание британские и итальянские историки оставляют без комментариев и подробностей.

По Бернету, полковник скончался в 1686 г., хотя согласно сведениям английского антиквара Энтони Вуда (1632—1695), Уайтфорд проживал в Эдинбурге еще в 1691 г. Его сын Огастин в 1658 г. упоминался среди студентов Шотландской Коллегии в Дуэ, оставив обучение из-за поездки в Россию. Другой сын, Чарлз (1649—1738), продолжил семейную гуманистическую традицию, с 1713 г. до 1738 г. в качестве принцепала возглавляя Шотландскую коллегия Парижского университета.

Уолтера Уайтфорда сделало знаменитым убийство Исаака Дорислауса, вызвавшее жаркие споры. Даже сейчас его биографы, прежде всего, вспоминают это печальное событие. Между тем шотландец прожил полную приключений жизнь, оставив заметный след в истории различных стран, словно оправдывая фамильный девиз — *Ubique aut nusquam* — всюду или никуда.

Два Николая Мамгуселима — две судьбы «греческих» иммигрантов в России первой половины XVII века

Восстановление биографий иностранцев, осевших в России в XVI—XVII вв. сопряжено с трудностями поисков материала. Источниковая база ограничивается в основном делопроизводственными документами. Практически полностью отсутствуют источники личного характера (мемуарные, эпистолярные). Иностранцы, оставшиеся жить в России, не оставили после себя дневников (за исключением Патрика Гордона). Крайне редко встречаются фрагменты их частной переписки, но даже если они сохранились, они содержат информацию имущественного характера (опубликованы О.В. Скобелкиным). Дошедшие семейные архивы включают лишь копии документации Поместного приказа (опубликованы Б.Н. Морозовым).

Дополнительные сложности связаны с изучением жизни в России выходцев из Османской империи и ее вассальных государств. Одной из проблем при исследовании «греческой» миграции является постоянное упоминание в документах «однофамильцев» (чаще даже не являющихся родственниками), а также полные совпадения имен. В материалах Разрядного, Иноземского и Посольского приказов встречаются два Дмитрия Палеолога, два Константина Юрьева Селунского, три Николая Дмитриева и т.д.

Причина столь частных повторений кроется в способах именования иностранцев в России. При формировании имен играли роль происхождение иммигранта и его конфессия. Инославным иммигрантам — западноевропейцам, чиновники сохраняли фамилии, хотя и в исковерканном виде. Родовитым — шляхтичам Речи Посполитой (независимо от вероисповедания), а также знатым православным «грекам», причислявших себя к аристократии бывшей Византии, подьячьи давали «фамилии» по аналогии с русской знатью. Известны примеры Палеологов, Альбертусов, Милородовых и др. Такие обозначения иммигрантов были трехсоставными: они включали имя, отчество и «фамилию».

Но рядовые православные иммигранты получили двусоставные имена. По аналогии с русскими подданными из непривилегированных социальных групп их обозначали при помощи имени и отчества, причем в русифицированном варианте. Поэтому иммигранты из Османской империи и

ее вассальных государств, а также восточнославянских земель Речи Посполитой нарекались как Иван Федоров, Юрий Константинов и др.

Фамильные прозвища у такого рода иммигрантов появлялись редко, чаще всего, по прошествии времени. Так, при пересечении русской границы будущий ротмистр именовался Юрием Ивановым, но уже скоро в документах он получил прозвище Юрий Трапезундский. Первоначально назывался Анастасом Ивановым и будущий переводчик Посольского приказа, который спустя несколько лет стал называться Анастасом Селунским. В этих случаях фамильное прозвище формировалось за счет локуса — места рождения иммигранта.

Значительно реже фамильное прозвище несло отголоски пребывания иностранца на родине. Примерами могут служить судьбы двух «гречан», которых русские делопроизводственные документы называли Николаем (Миколаем) Мамгуселимом (Магмуселимом, Мамгуселином). В данном случае фамильное прозвище связано с прошлым иммигранта и восходит к Махмут-Селиму. Попытаемся разобраться в их биографиях и разделить два персонажа. К счастью, данные иммигранты имели разные отчества, но они не всегда использовались чиновниками.

Первым приехал «греченин» Николай (Миколай) Остафьев сын Мамгуселим (Магнуселим, Мамгуселин). Он прибыл в Путивль в 1627 г. Воевода направил миряна в Разрядный приказ, где и велось дело о его выезде (не сохранилось полностью, известно в пересказе). Процедура принятия русского подданства подразумевала обязательные сведения о происхождении. На допросе в Разрядном приказе Николай Остафьев Мамгуселим поведал о социальном статусе своей семьи на родине. Подьячие отнесли его к категории «служилых людей» и приравнили к «детям боярским». Обычно, так называли тимариотов: «спаги, а по-русски дети боярские». Действительно, иммигрант говорил что «служил с имения», т.е. тимара. Его показания подтвердили «гречане», уже осевшие в России.

Иммигрант предъявил две патриарши грамоты. Это был первый случай использования в миграционных процессах документов, составленных главами церквей Христианского Востока. С собой Николай Мамгуселим привез прошения константинопольского патриарха Кирилла Лукариса: одно царю Михаилу Федоровичу (сохранилось), другое — патриарху Филарету Никитичю (должно было находиться в патриаршей канцелии, не дошло до настоящего времени). Очевидно, основной текст посланий был идентичен. Перевод грамот был поручен Борису Богомольцеву, поэтому оригинал остался в архиве Посольском приказе. Предстоятель Вселенской церкви обращался

к московским властям с просьбой оказать «греку» материальное содействие. В грамоте говорилось, что Николай испытал тяжелейшие гонения и преследования от турок. И хотя документ говорил о необходимости финансовой поддержки, в Разрядном приказе его рассматривали рекомендательным письмом при принятии русского подданства. Это определило размер пожалований. За «выезд» Николай Остафьев Мамгуселим получил 15 рублей, сорок куниц, тафта, сукно лундыш. Поденный корм составил 4 алтына на день.

Далее необходимо было определить характер деятельности иммигранта в России. Не смотря на довольно высокие дары, его не признали настолько родовитым, чтобы зачислить в Государев двор. Николая Остафьева Мамгуселима направили в Иноземский приказ, где его поверстали. Поместно-денежный оклад «нововыезжего греченина» составил 400 чети и 20 рублей. При создании в 1630 г. «греческой роты» Николай Остафьев Мамгуселим вошел в нее, а через два года доблестно воевал в сражениях Смоленской войны. В 1635 г. он получил награждения за участие в военной кампании, убитого противника и пребывание в осаде Смоленска. Около 1636 г. Николай Остафьев сын Мамгуселим сумел добиться перевода в Разрядный приказ и получить чин московского дворянина-иноземца. «Греченина» вошел в Государев двор, где он находился до своей смерти в 1654 г.

Почти параллельно в России протекала жизнь другого иммигранта — Николая Зотова сына Мамгуселима, приехавшего в Россию в 1632 г. Он так же въехал через Путивль, но сопровождал афонского келаря Иоакима. Выезды духовенства рассматривались в Посольском приказе, где и были заведены дела о принятии русского подданства как Иоакима, так и Николая Мамгуселима. Иммигрантов направили на Патриарший двор выяснения чистоты веры. Отступлений от православия выявлено не было. За выезд Николай Зотов, как и его предшественник, получил 15 рублей, тафту, сукно лундыш. Церемония награждения происходила во время царской аудиенции в Столовой палате. Вероятно, при посредничестве Иоакима, мирянин сумел получить поддержку другого афонского старца, обладавшего влиянием при дворе — затворника Никифора. Рекомендательная грамота Никифора обеспечила высокое служебное положение иммигранта. Николай Зотов сын Мамгуселим был записан в группу московских дворян-иноземцев в 1634 г. Вероятно, наличие в боярском списке сразу двух Николаев Мамгуселимов смутило подъячих. Николай Зотов вскоре получил второе фамильное прозвище — Макидонянин (Макидонский).

Московский дворянин-иноземец не чурался связей с «греченами» Иноземского приказа. Крестным отцом детей Николая Зотова Мамгуселиа (Макидонского) стал ротмистр Юрий Трапезундский. Возможно, эти контакты, а также нарушения в Разрядном приказе, стали причиной перевода Николая Зотова в Иноземский приказ. В военном ведомстве иммигрант становится ротмистром «греческого» подразделения. Однако семейный скандал 1648 г., когда жена обвинила «греченина» супружеских изменах, рукоприкладствах и стремлении бежать в Речь Посполитую, привел к краху его карьеры. Обвинения оказались столь серьезны, что в период разбирательств ротмистр предпочел покинуть пределы России.

Судьбы двух «греческих» иммигрантов показывают возможные пути выходцев из Османской империи и ее вассальных государств в России. Служилые иноземцы направлялись в Иноземский или Разрядный приказ. Но два Николая Мамгуселима поменялись местами. Первый воевал в составе «греческой» роты Иноземского приказа, прошел Смоленскую войну, был награжден, а затем сумел повысить свой социальный статус, перейдя в Разрядный приказ. Второй Николай Мамгуселим благодаря протекции греческого духовенства сразу попал в Государев двор, однако не смог в нем удержаться. Его перевели в Иноземский приказ, где он достиг звания ротмистра. Но следственное дело, начатое по извету его супруги и выявленные во время разбирательства преступления, вынудили «греченина» к бегству из России. Кроме того, в биографиях двух Николаев Мамгуселимов проступает удивительная деталь. Не смотря на явно мусульманский период их прошлого, отразившийся в фамильном прозвище Махмут — Селим, оба тимариота из Османской империи были признаны православными в России. «Исправлений веры» при принятии русского подданства они не проходили.

Панченко К.И.

Игуменья Богоявленского монастыря г. Углича Анастасия в свете исторических и археологических данных

В XIX в. в г. Угличе распространилось почитание могилы убитой по легенде в Смутное время мученицы-игуменьи Анастасии из Богоявленского монастыря, которое продолжилось и в XX в. вплоть до уничтожения в 60-х годах памятного креста на месте ее захоронения. В связи с

вновь возникшим интересом со стороны местных религиозных организаций и жителей были проведены археологические и историко-архивные исследования по данному вопросу, которые приводятся ниже.

В литературе о существовании в г. Угличе Богоявленского женского монастыря впервые говорится в сочинениях старообрядцев-беспоповцев, именуемых «Угличскими летописцами». При исследовании были использованы три опубликованных списка «Угличских летописцев»: Угличский летописец. Ярославль, 1996 (далее — УЛ). Царе-Углический летописец. Углич, 2013 (далее — ЦЛ). Угличский летописец (по списку Археографической комиссии. № 18) (далее — ЛТ).

Эти произведения, созданные на рубеже XVIII—XIX вв., являют образец вольного переложения истории города и изобилуют недостоверными подробностями, фактами и датами. Списки этих «летописцев» были широко распространены у местных обывателей и, по сути, являлись главным пособием для изучения истории Углича.

Рассмотрим сведения, представляемые «летописцами» о Богоявленском девичьем монастыре и игуменье Анастасии. Этот монастырь находился в кремле г. Углича «во углу к полуденной стороне, и по-за прудом пригорожен к западной стене городской» (УЛ. 1996. С. 57; 98. ЦЛ. 2013. С. 111; 164; 172; 199; 506), «за Николскими ворота, как из города идешь, на правой стороне, за прудом» (УЛ. 1996. С. 82), «городовой, построен назади прудища, к полуденной стороне пригорожен был к острогу забором» (УЛ. 1996. С. 85).

Основан «благочестивым князем Димитрием Борисовичем Углическим, // внуком Василковым, в лето же 6801 (1293) году» (ЦЛ. 2013. С. 548—549). По сведениям Царе-Угличского летописца, в монастыре «клялися великих князей Оуглических княжны по преставлении своем, и княгини, и боярския дщери. И много было вкладных образов, и с низанными жемчужными оглави и ожерелиями» (ЦЛ. 2013. С. 199. УЛ. 1996. С. 98).

Находившееся в нем строение описывается так: «А в нем церковь Богоявления Господня с пределом Иоанна Милостиваго, вторая церковь — Смоленския Пресвятыя Богородицы, теплая, и с пределом святаго Иоанна Златоустаго, и кельи инокинь, и притом и прочее монастырское строение: житницы, и хлебни, и столовые, и трапезные избы» (ЦЛ. 2013. С. 112). В другом варианте: «в нем же бысть храм во имя Богоявления Господня со пределы Знамения Пресвятыя Богородицы и Иоанна Милостиваго, тоже был весь древяныи строением» (ЦЛ. 2013. С. 506).

По мнению авторов «летописцев», в этом монастыре была пострижена царица Мария Федоровна — мать царевича Димитрия: «И на самый праздник Введения Богородицы повеле той же Борис пострижи благоверную царицу Марию Федоровну мать святого царевича Димитрия, в монастыре девическом у Богоявления в городе» (УЛ. 1996. С. 53. ЦЛ. 2013. С. 103).

Богоявленская обитель была разграблена тушинцами в 1609 г., а игумения Анастасия (ЦЛ. 2013. С. 21; 548—549. ЛТ. 1980. С. 118), сестры и скрывшиеся в нем женщины были убиты и сожжены вместе с монастырскими зданиями (УЛ. 1996. С. 82; 98; 147—148; ЦЛ. 2013. С. 112; 164—165; 199). В огне погибли — по одной версии — 30 сестер, 200 девиц и 60 жен (ЦЛ. 2013. С. 21), по другой — 35 инокинь и 200 мирских (ЦЛ. 2013. С. 549).

После Смуты монастырь был возобновлен на старом месте. (Л. 1996. С. 85). После произошедшего в 1660 г. в нем пожара Богоявленская обитель была вынесена за пределы городской крепости, на Ростовскую дорогу близ острожного вала (УЛ. 1996. С. 85—88. ЦЛ. 2013. С. 172; 177—178; 506).

Вот почти все, что предлагают нам «Угличские летописцы». Сочинителем их считают старообрядца-беспоповца Григория Дмитриевича Серебренникова. Его многочисленные последователи-переписчики, в дальнейшем, на свой взгляд и вкус вносили в это произведение «дополнения» и «уточнения». Писания Г.Д. Серебренникова послужили источником для критических и, даже, иронических высказываний со стороны его младших родственников, местных краеведов И.П. и В.И. Серебренниковых (Серебренников В.И. Из моих воспоминаний. Углич, 2014. С. 15).

Если обратиться к достоверным письменным источникам, то картина будет несколько иной. Документальных свидетельств существования в Угличе до Смутного времени Богоявленского девичьего монастыря не находится. Самое раннее упоминание о нем относится к марту 1628 г., когда мать царя Михаила Федоровича — инокиня Марфа Ивановна — пожаловала в него Евангелие (Серебренников В.И. Богоявленский девичий монастырь в Угличе //ЯГВ. 1853. № 44. С. 457.; Исмарагда, игумения. Угличский Богоявленский женский монастырь //ЯЕВ. 1873. № 10. С. 80). Февралем и ноябрем 1629 г. датируются две данные старицы Марфы Ивановны на вотчины, пожалованные Богоявленскому монастырю. В первой грамоте прямо говорится, что земельное пожалование предшествовало «прежней ... даче, к церковному и к монастырскому строению», поэтому мож-

но утверждать, что девичий Богоявленский монастырь возникает в Угличе только во второй половине 1620-х гг. по инициативе матери царя, на что указывает словосочетание «учнут жити».

Не исключено, что место для обители в городской крепости было предоставлено властями Алексеевского монастыря согласно грамоте 1610 г., где этот факт был оговорен, или было куплено устроительницей — старицей Марфой. В источниках начала XVII в. монастырь именуется как «Ново Девичий», что подчеркивает, его недавнее появление.

Таким образом, содержащиеся в «летописцах» сведения о существовании Богоявленского девичьего монастыря до Смуты и пострижении в нем в 1591 г. царицы Марии Федоровны — матери царевича Димитрия являются вымыслом и не подтверждаются другими источниками. Еще в 1886 г. этот факт доказал в своей статье священник К. Ярославский, однако он не отрицал существование монастыря в начале XVII в. и гибели игуменьи Анастасии (Ярославский К., свящ. Об основании и месте первоначального существования Угличского Богоявленского женского монастыря // ЯЕВ. 1886. № 40—41. С. 630—640; 654—656).

Таким образом, если никакого Богоявленского девичьего монастыря до второй половины 1620-х гг. в Угличе не существовало, неубедительны данные о его разорении в Смутное время и гибели игуменьи Анастасии. Но откуда же появились сведения о захоронении игуменьи Анастасии на городском посаде?

Г.Д. Серебренников в своем повествовании пишет о том, что 3 июня 1791 г. на бывшем погосте уничтоженного в Смуту Афанасьевского (церковь Афанасия и Кирилла) прихода «чюдесно изыде» из земли белокаменная надгробная плита. На ней сохранилась эпитафия, повествующая о погребении некой рабы Божией Анастасии, которая скончалась 31 мая 7024 (1516) г. Автор указывает ориентиры этого Афанасьевского погоста: «храм Благовещенский, невдаль состоит того Корсунскаго ж приходу, ко внутрь же вдашася в посадныя жительства и поблизь Афанасьевского бывшего погосту» (ЦЛ. 2013. С. 560).

Это один из немногих достоверных фактов, содержащихся в писаниях литератора-старообрядца свидетелем, которого он был, когда плита была «чудесно» найдена на заброшенном погосте, и последующего суеверного почитания этой могилы среди обывателей. На то указывает, что «вернии и поныне поют понахиды», то есть суеверие открылось вскоре после появления плиты и развивалось еще при жизни автора.

Следует отметить, что Г.Д. Серебренников, описывая событие 1791 г., не говорит, что надгробье принадлежало игуменье Анаста-

сии. Но в дальнейшем почитание могилы прогрессировало и стало обрастать легендами, популярным даже в среде приверженцев православной церкви. Факты его широкого распространения относятся уже ко второй половине XIX в.

Одним из первых о могиле сообщает Н.Ф. Лавров: «по преданию народному находится вблизи Флоровской церкви, именно саженьях в 30 к ярославской дороге, могила игуменьи Анастасии, с сестрами, избитыми поляками. Полагают, что на сем месте был некогда девичий Богоявленский монастырь; в недавнее время даже камень с надписью свидетельствовал о сем. В настоящее время его нет. Были случаи, что священнослужители Флоровской церкви служили панихиды над могилою мучениц, по просьбе неизвестных и всегда больных, как заметно» (Лавров Н.Ф. Путеводитель по церквам г. Углича. Ярославль, 1869. С. 49).

Как видим, могила с плитой 1516 г., найденная в 1791 г., спустя полвека в памяти обывателей трансформировалась в место захоронения игуменьи Анастасии с сестрами. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграло чудесное появление плиты из земли и совпадения имени в эпитафии 1516 г. с именем игуменьи.

В 1873 г. со ссылкой на «устное предание» сведения о могиле убитой игуменьи помещены в описании Богоявленского монастыря. В то время место Афанасьевского погоста уже было плотно застроено, и могила находилась «во дворе мещан Кривдиных» (Исмаграда. 1873. Указ.соч. С. 79—80).

Как памятник Смутного времени — могилу «мученически убиенной в 1609 году, при нашествии на Углич поляков, игуменьи Анастасии с 35 сестрами», представили преосвященному Ионафану при обозрении им епархии в 1888 г. Она была «обнесена деревянным палисадом и на ней поставлен деревянный крест с медною иконою Богоматери и иконою пр. Феодосия Тотемского». Белокаменную плиту по причине того, «что посетители в память посещения отламывали от камня кусочки, и таким образом уничтожали его», перенесли в приходскую церковь Флора и Лавра и вставили там в подоконник. По свидетельству владелицы участка Кривдиной, почитание могилы происходило еще при жизни ее деда (ЯЕВ. 1888. С. 193—194).

Более поздняя и отличная от сложившейся ранее версия происхождения могилы была озвучена Л.Ф. Соловьевым: «От огня погиб и Богоявленский монастырь с игуменьей Анастасией, 35 сестрами, 200 юными девицами и 60 женщинами, — несчастные бросались в воду (Тело игуменьи Анастасии извлечено из воды и погребено на

Благовещенской улице)» (Соловьев Л.Ф. Краткая история города Углича. СПб., 1895. С. 48).

Как видим, появление могилы на Благовещенской улице каким образом не связано с разорением Богоявленского девичьего монастыря в Смутное время. Находка в 1791 г. белокаменной плиты с именем некой Анастасии, умершей 31 мая 1516 г., на одном из заброшенных после Смуты кладбищ Углича сама по себе случайна.

Целью археологических работ было подтверждение или опровержение сведений о нахождении на земельном участке в г. Угличе на ул. Свободы (бывшая Благовещенская) д. 17 погоста церкви Афанасия и Кирилла и погребения, которое почиталось как могила игумены «Анастасии». Место для разбивки археологического шурфа (4х4 м.) было указано местными жителями, которые помнили, где находилось захоронения «Анастасии».

Полученный в результате раскопок материал подтвердил нахождение погоста на исследуемом участке. В ходе работ зафиксировано 17 погребений: из них 8 детских и 5 взрослых безынвентарных захоронений исследованы полностью. Среди взрослых погребений найдено только одно женское, которое можно было бы связать с погребенной в 1516 г. Анастасией, однако нет никаких подтверждающих это археологических фактов, скорее наоборот. Женское погребение не могло находиться под надгробной плитой, найденной в XVIII в., т.к. его перекрывало более позднее детское захоронение. К сожалению, раскопать удалось только погребения, залегавшие выше уровня активного поступления грунтовых вод. Не исключена вероятность что, на не вскрытой площади, где прослеживались контуры могильной ямы, не перекрытой поздними захоронениями, могло находиться погребение Анастасии. Следует отметить, что рядом с нераскопанной могилой была зафиксирована столбовая яма XIX в., возможно, от креста, который был установлен в середине XIX в. на месте нахождения плиты. В целом, при отсутствии надгробья или точной привязки к месту (данные местных жителей нельзя считать абсолютно точными), нахождение искомого погребения, конечно же, маловероятно.

Когда была построена церковь Афанасия и Кирилла и погост при ней, пока нельзя сказать достаточно определенно. В слое могильных перекопов нашли мелкие обломки керамики XVI—XVII вв. Таким образом, с учетом даты надгробной плиты, можно уверенно говорить о том, что погост появился здесь не позднее рубежа XV—XVI вв. Также сложно на данный момент установить достоверно, когда кладбище перестало функционировать. По историческим источни-

кам после разорения Смутного времени церковь была сожжена и более не упоминается, как говорилось выше. По археологическим данным культурный слой, перекрывший могильные перекопы Афанасьевского погоста, отложился не позднее 30-х годов XVIII в., т.е. погост мог вполне просуществовать до рубежа XVII—XVIII вв.

Таким образом, археологические и архивные исследования, которые проводились для локализации могилы «игуменьи Анастасии» имели, прежде всего, не каноническое, а историческое значение, и позволили выявить один из элементов древней топографии города Углича, Афанасьевский погост, точное местонахождение которого не было известно.

Преображенская А.А.

К интерпретации одной духовной грамоты второй половины XVII века: частная жизнь Симеона Полоцкого

Духовные грамоты представляют собой ценный источник для изучения ментальности, религии и религиозности, круга общения и повседневной жизни людей из самых разных эпох. Московские духовные раннего Нового времени — это не только нотариальный акт, документ, но и литературное произведение, и в некотором смысле — автобиография. В связи с этим, те сведения, которые историк или филолог извлекает из духовных грамот, нуждаются в тщательной интерпретации с учетом быта и ментальности эпохи, правил литературного этикета, «обычая» и требований к формулярам документов. История, которую тестатор рассказывает о себе и своей жизни в духовной грамоте, не совсем обычна — жизнь тестатора предстает в завещании «такой, какой он сам ее видел на смертном одре» (перевод мой — А.П.) (цит. по Możejko B. *Rozrachunek z życiem doczesnym. Gdańskie testamenty mieszczańskie z XV i początku XVI wieku*. Gdańsk, 2010. Р. 12). Основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь при интерпретации духовных грамот указанной эпохи, — это потенциальная недостоверность, «литературность» сообщаемых сведений, отсутствие необходимой, с современной точки зрения, для документа информации, трудность в разграничении формул, деловых и литературных, и реальных биографических или истори-

ческих деталей, невозможность восстановить «наполнение» понятия «обычай». В этом докладе мы обратимся к духовной грамоте первого придворного поэта Симеона Полоцкого, составленной в 1679 г. и попробуем обозначить проблемные для интерпретации фрагменты, объяснить их содержание и наметить возможные пути интерпретации или предложить имеющиеся у нас толкования.

Известная с XIX века духовная грамота Симеона Полоцкого (1629—1680 гг.) не раз привлекала внимание исследователей. Завещание с историко-филологическим комментарием было полностью опубликовано нами в статье (Преображенская А.А. «Паче смерти наипаче внезапныя и напрасныя»: духовная грамота Симеона Полоцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 115—132), однако некоторые моменты все еще нуждаются в дальнейшем исследовании.

В XVII в. московский формуляр духовной грамоты еще сохраняет от Средневековья свою двоякую природу, объединяя на пространстве одного текста религиозную и светскую стороны жизни каждого человека, его бессмертную душу и смертное тело. Значение и роль смерти в жизни христианина обуславливали содержание духовных грамот, которое складывалось из двух основных частей: «духовной», включавшей в себя преамбулы, проклятья, распоряжения, связанные с погребением и вкладами на «пользу души»; и *dispositio* — собственно распорядительной части. Но если *dispositio*, содержащее денежные и имущественные распоряжения, представляет собой богатый источник сведений о материальной культуре и повседневной жизни и требует в основном исторического комментария (однако и здесь возможны исключения, особенно когда речь идет об «обычае»), то литературно-риторические части завещаний, в частности преамбулы, проклятья, духовные распоряжения, требуют комплексного подхода.

Появление литературной составляющей в деловом документе, каким по сути является духовная грамота, связано с тем, что тестаменты, как один из наиболее личных документов (см. например Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история, № 1. 2000. С. 144; Augustyniak U. Wizerunek Krzysztofa II Radziwiłła jako magnata-ewangelika w świetle jego testamentów // Przegląd historyczny. Warszawa, 1990. T. LXXXI. P. 461—477.), давали автору возможность выразить себя, исповедаться и попросить прощения, рассказать о своей жизни и оставить после себя добрую память и наставления близким людям.

Intitulatio духовных грамот — самая первая информативная часть завещания, содержащая не только имя тестатора, но и указание на

его род деятельности. Однако, и этот, казалось бы, вполне однозначный фрагмент текста может представлять трудности в интерпретации. В духовной грамоте Симеона обращает на себя внимание тот факт, что поэт аттестует себя иеромонаха «монастыря полотцкаго святыхъ богоявлении господнихъ» (ГИМ. Увар. собр. № 247. Л. 10), а не Заиконоспасского монастыря в Москве, где он жил и трудился. Это заявление любопытно потому, что именно в правление царя Алексея Михайловича была сделана попытка ограничить переход монахов из монастыря в монастырь, которая бала закреплена в деяниях Большого Московского Собора (см. Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 46 об. — 47). Этот факт ставит больше вопросов, чем решает: если Симеон не был причислен к братии Заиконоспасского монастыря, то на каких правах, с точки зрения церковного права, он находился в московской обители? мог ли Симеон в таком случае занимать какую-либо должность в Заиконоспасском монастыре — быть его строителем, например?

Еще один любопытный фрагмент духовной грамоты поэта, непосредственно связанный с его статусом и положением в Заиконоспасском монастыре, — это желаемое место погребения, которое Симеон определяет так: «Мѣсто же идѣже положено имать быти грѣшное мое тѣло желаю да будетъ при храмѣ ближайшемъ жилища моего, или идѣже самъ господь извѣститъ имущимъ е гробу предати» (ГИМ. Увар. собр. № 247. Л. 11). Любопытно, что в контексте всей духовной грамоты «храм ближайший жилища моего» прочитывается как приходской храм. В завещаниях польских мещан встречаются пожелания о погребении на кладбище *kościola farnego* — приходского храма; название костела указывалось не всегда (см. например *Dług śmiertności wypłacić potrzeba. Wybór testamentów mieszczan krakowskich z XVII — XVIII wieku. Oprac. Danowska E. Kraków, 2011. Р. 7, 12, 27 и т. д.*), очевидно предполагалось, что у распорядителя, хорошо знакомого с тестатором и его жизнью, не возникнет затруднений в понимании такого неточного, с современной точки зрения, распоряжения. Симеон так же не называет храма, в котором **надлежало** его похоронить, но очевидно, что речь идет о соборном храме Спаса Нерукотворного Заиконоспасского монастыря.

Будучи монахом, поэт тем не менее проводил некоторую границу между своим домом, «жилищем» и обителью; кроме того, как было сказано выше, поэт по-видимому не принадлежал к братии Заиконоспасского монастыря. Такое прочтение этого распоряжения поддерживает наше предположение о том, что дом поэта лишь формаль-

но принадлежал монастырю, находясь на его территории. Известно, что в 1665 г. на территории монастыря было построено помещение для учеников и учителя (Ковалев А. Историческое описание Заиконоспасского монастыря в Москве. М., 1887. С. 11), в котором помещался поэт, а в 1678 г. по указу царя Федора Алексеевича было построено новое здание для школы, в котором помещался и Симеон.

Целый ряд фрагментов из распорядительной части духовной грамоты Симеона также нуждается в дополнительном исследовании и интерпретации. Прежде всего необходимо обратиться к распоряжению поэта о его «челяди» («челяди моей выше заслуженного дати по рублю» (ГИМ. Увар. собр. № 247. Л. 14 об.), которое заслуживает отдельного внимания как с филологической точки зрения, так и с историко-культурной: наличие челяди (получавшей плату за свою работу, а не из числа насельников монастыря) у иеромонаха выглядит по меньшей мере странно. Лексическая формулировка распоряжения, равно как и ее семантическое наполнение, были, по-видимому, заимствованы поэтом из польском-литовской заветательной традиции. В тестах польской шляхты распоряжения о выплатах слугам встречаются очень часто и носят такой же «неточный» характер: никогда не сообщается количество слуг/челяди и размер причитающейся им платы. См. например: «Czeladzi, dla Boga, każdemu z osobna in instanti popłacić z ukontentowaniem» (Testamenty szlachty krakowskiej XVII — XVIII wieku. Oprac. Falniowska-Gradowska A. Kraków, 1997. P. 4), или «Czeladzi wszystkim prosię popłacić» (Testamenty szlachty krakowskiej XVII — XVIII wieku. Oprac. Falniowska-Gradowska A. Kraków, 1997. P. 7.), или «Czeladzi wszyscy(ej) popłacić» (Klint P. Testamenty szlacheckie z ksiąg grodzkich wielkopolskich z lat 1657 — 1680. Wrocław, 2011. P. 48) и т. д. В этом контексте Симеон несколько более точен, так как просит не только заплатить челяди, но и дать по рублю сверх заслуженного.

Денежные распоряжения, адресованные родственникам, Симеон завершает фразой: «Заставы аще кия обрящутся у мене, отдавати туне» (ГИМ. Увар. собр. № 247. Л. 14 об.). Перечисление застав или заставных писем на залог имущества, чаще всего владений, часто встречается в тестах белорусской шляхты и мещан (Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. Мінск, 2012. С. 160, 343, 525). Можно предположить, что Симеон давал деньги в рост, под залог и брал соответствующие документы — заставные письма, обеспечивающие выплату должниками долга. Вместе с заставами упоминаются и «деньги в положении»: «Денги Филиппа тарасова у мене

в положении червонныхъ золотыхъ двадесять слишком. ефимковъ нѣколько, при них мое есть писемце, отдати ему вѣѣлости» (ГИМ. Увар. собр. № 247, Л. 14 об.) (см. Чистякова М.В. Монахини «с белой Роси» в Новодевичьем монастыре. М., 2006. С. 80).

Любопытный раздел духовной грамоты Симеона — так называемые *legaty robožne*, или вклады «на пользу души». Практика таких вкладов, не связанных напрямую с поминовением тестатора, была широко распространена в Речи Посполитой. Смысл вкладов заключался в том, чтобы перед смертью оказать милосердие и тем самым заслужить прощение грехов и вечную жизнь на небе и оставить после себя добрую память в обществе, на земле.

Причины выбора тех или иных церквей и/или монастырей в завещаниях светских лиц представляются в целом понятными (приходская/домовая церковь, например), тогда как в случае с особами духовного звания при выборе церквей и монастырей для вкладов «на пользу души» руководствовались несколько иными принципами. Тексты завещаний московских церковных иерархов, в частности патриархов, позволяют предположить наличие некоторого устоявшегося обычая, этикета, определяющего выбор церквей/монастырей («в монастыри кои прилично» у патриарха Иоакима). Список монастырей, в которые Симеон завещал сделать вклады «на пользу души», многое говорит о ментальности поэта. С одной стороны, статус иеромонаха исключал необходимость делать этикетные вклады; с другой — территориальная разбросанность и большое количество выбранных монастырей не позволяют предполагать непосредственные отношения поэта с каждой из выбранных обителей. Симеон перечисляет 35 монастырей в России (Заиконоспасский, Новодевичий, Николо-Греческий), Украине (Киево-Братский Богоявленский, Киево-Печерский, Михайловский Златоверхий и т. д.) и Великом Княжестве Литовском (Богоявленский монастырь в Полоцке, Свято-Духов монастырь в Вильне, Марковский в Витебске и т. д.), 25 из которых названы. Неназванные монастыри по-видимому находились в Москве: «Во иныя монастыри в десять дати по рублей пяти, и всего будетъ рублевъ патьдесять» (Л. 13).

В биографии Симеона мы находим подтверждения его связи только с некоторыми из этих монастырей. И если для ряда обителей можно сделать более-менее правдоподобные предположения, то несколько монастырей вообще довольно трудно идентифицировать — это монастыри Дисненский («монастырь дисенский»), Киево-пустынно-николаевский и некоторые другие. Причины, по которым Симеон выбрал именно эти, а не иные монастыри, практически невозможно восстано-

вить. Можно предположить, что вклады во многие обители были сделаны исключительно «по обычаю», принятому в окружении Симеона.

И, наконец, *datum* духовной грамоты также может служить источником самых любопытных сведений (разумеется, помимо даты и места оставления завещания). В XVII в. духовные грамоты церковных иерархов по всей видимости не нуждались в заверении вышестоящей инстанции, было достаточно разрешения патриарха: «сие мое имѣннице, получивше благословение от святѣйшаго патриарха прияти во строение свое» (Л. 15 об. — 16), писал Симеон. Не обязательным требованием было также и наличие послухов — тестатору было достаточно сделать указание на то, что духовная грамота писалась собственноручно: «Писать симеонъ петровский ситняновичъ, иеромонахъ недостойный рукою своею», (Л. 17).

Как видно из обозначенных нами фрагментов, духовная грамота Симеона, представляя собой ценный источник биографических и культурно-исторических сведений, в то же время нуждается в подробной историко-филологической интерпретации. Некоторые факты, на которые в тексте завещания сделаны указания, практически невозможно восстановить в силу того, что духовная грамота составлялась с ориентацией на распорядителей — близких тестатору людей: составителю завещания не было необходимости прописывать детально те моменты, которые сейчас представляют для исследователей наибольшую трудность («обычай», храм ближайший жилища моего, количество слуг и т. д.).

Решетова И.К.

Святой Феоктист Новгородский: опыт идентификации останков

В 2013 г. при проведении архитектурно-археологических работ НААО НАЭ у северной стены во внутри храмовом пространстве было обнаружено надгробие с каменной плитой и надписью о погребении здесь св. Феоктиста Новгородского. Вскрытие надмогильного сооружения было произведено в сезон 2015 года.

Известно, что в конце XVIII в. останки святого были перенесены из Церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Мячине в Георгиевский собор. От даты погребения до момента первого вскрытия гробницы прошло более четырех веков, поэтому очевидным представлялось

нахождение перезахороненных останков в состоянии нарушенного анатомического порядка и неполной комплектности фрагментов скелета. К большому сожалению, в исторических источниках не сохранились упоминания о конкретных характеристиках или описаниях св. Феоктиста. Известно только, что он принял иноческое пострижение в обители Благовещенской, в которой потом был игуменом. После кончины архиепископа Новгородского Климента на должность владыки был избран Феоктист. В декабре 1307 г. по своей воле оставил святительскую кафедру «своего деля (для) нездоровия» и, благословив новгородцев, удалился в монастырь Благовещения Богородицы, где в продолжение трех лет почти постоянно был болен и пребывал в молчании.

после снятия плиты и расчистки погребения на дне могильной ямы были обнаружены останки; поверх костей присутствовали хорошо сохранившиеся ткани облачения. Положение останков нельзя охарактеризовать словом «скопление», фрагменты скелета были аккуратно разложены. Череп в сочленении с нижней челюстью располагался у западной стенки могильной ямы. Кости выложены симметрично условной оси погребения. Анатомический порядок прослежен только для костей таза и парных бедренных костей, которые находились в суставных сочленениях, но лежали своей передней поверхностью книзу. Можно предположить, что на момент первого вскрытия гробницы тело было мумифицировано (возможно, частично). Комплектность скелета неполная, но представлена всеми отделами (за исключением костей нижних конечностей, представленных только до колена). Имея в виду, что над первоначальным захоронением в церкви Благовещения была поставлена серебряная рака, то можно предположить перемещение костей нижних конечностей в нее.

Скелетные останки принадлежат *мужчине* зрелого возраста. Согласно рубрикам методик, индивид может быть отнесен к возрастной группе **50—59 лет**. Этот человек вел очень активный образ жизни. Его скелет несет признаки, свидетельствующие о дистрофических изменениях, значительных физических нагрузках, отчасти, ограничении подвижности. Так на позвонках грудного и верхнего поясничного отделов присутствуют изменения в виде хрящевых грыж разной степени выраженности. Хрящевые грыжи (узлы Шморля) возникают при регулярных вертикальных нагрузках на позвоночник, часто при поднятии тяжестей. В грудном отделе позвоночника отмечен случай сращения ребра и позвонка, а также множественные краевые разрастания суставных поверхностей, являющиеся признаком значительных нагрузок.

На скелете индивида выражены следы физической активности, реконструирующие привычные движения приведения предплечий и напряжения кисти; приведения стопы и стабилизацию тела при движении (ходьбе и беге). Судя по размерам скелета, человек обладал ростом порядка **173—175 см** и крепким телосложением. Длина тела устанавливалась по принятой методике Троттера—Глезера по таблицам определения длины тела по длинным костям скелета для европеоидов (Алексеев В.П. Остеометрия, 1966. С. 231—232, 234—235, 239).

Обращает на себя внимание состояние зубочелюстной системы, которая, как известно, отражает не только конкретные специфические заболевания, но и общее состояние организма человека, иммунитета. Так, например, были отмечены инфекционные поражения костной ткани — хронические абсцессы, которые вовлекли в процесс значительный объем окололежащих костных структур. Такой хронический очаг инфекции снижает иммунитет и провоцирует инфицирование других систем организма. Следов лечения или преодоления этого патологического состояния не фиксируется. Кроме этого обнаружены признаки кариеса, зубной камень, пародонтопатии.

Проведение антропологического изучения останков св. Феоктиста в соответствии с подходом, принятым в исторической экологии человека, подразумевающим комплексное исследование позволило воссоздать условия жизни этого человека, оценить состояние его здоровья. В виду хорошей сохранности костной ткани по методикам графической портретной реконструкции был восстановлен облик святителя. Несмотря на имеющиеся письменные свидетельства о жизни Феоктиста Новгородского фактическую информацию о нем мы смогли получить только на основании исследования останков.

Романова А.А.

Личность хранителя святыни в сказаниях о создании монастырей

Сказания о монастырях — жанр древнерусской книжности, у которого имеются общие черты и с исторической повестью (Охотина-Линд Н.А. «Сказание о Валаамском монастыре». СПб., 1996. С. 26, примеч. 5), и с жанром агиографии (Руди Т.Р. Два Сказания о чудотворных святынях Смоленского, что на Бору, монастыря под Ярославлем //ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 370, сн. 42). В состав та-

ких сказаний может входить повествование о предыстории монастыря, рассказ о его основателе, но чаще всего основой для такого рода сказаний служит описание явления святыни. Иногда обитель обязана своим появлением явлению или обретению святыни (как правило, иконы, реже креста), но можно привести немало примеров, когда святыня была обретена в уже существующем монастыре. В отдельных случаях — например, на материале Повести о строителе Екатерининской пустыни Иване Семенове, — можно говорить об отходе от традиционных средневековых жанров и создании биографии, включающей «изображение жизненных испытаний, выпавших на долю мезенского «древодельца»» (Савельева Н.В. Сказания XVII века о святынях, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб., 2010. С. 270). Однако и в сказаниях, сюжетная завязка которых — это явления Богоматери, таких как Повесть о основании Устьнедумской пустыни и чудеса от иконы Богоматери Одигитрии, описание деяний старца Леонида не выглядит житием (первое издание памятника: Зенкова О.Б. Устьнедумская Богородичная пустынь // Монастыри России: Материалы VII Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Можайск, 2000. Вып. 7. С. 206—228).

В русской книжности начиная с XVI и вплоть до XIX века традиция создания мультижанровых сказаний успешно развивалась. Некоторые регионы чрезвычайно богаты на такого рода памятники агиографии, созданные в большинстве своем на протяжении XVII и XVIII вв.: к ним относится, например, Архангельский край, Вологда и Великий Устюг, Ярославль.

В тех сказаниях, в которых речь идет о явлении святыни, она, как правило, является визионеру, который получает поручение — оповестить власти и людей в округе о том, где обретается святыня. Явление может быть однократным или повторяться несколько раз. Если явление святыни сопровождается выздоровлением визионера от болезни, ему может быть поручено отстроить часовню или храм для святыни. Чаще всего дальнейшая судьба визионера оказывается теснейшим образом связана с обретенной святыней, он выступает в качестве хранителя святыни, то есть его или ее роль не ограничивается свидетельством видения. Примеров такого рода можно найти достаточно много — стоит только вспомнить Сказание о Казанской иконе Богоматери, явившейся десятилетней дочери стрельца Матроне, которая впоследствии приняла постриг в монастыре, сооруженном на месте явления образа.

Многие поздние «истории» о монастырях составляют агиографические сочинения, которые сочетают черты повествования об основании монастыря, сказания об иконе и жития святого — оберегающего святыню. В некоторых случаях можно говорить о существовании нескольких агиографических текстов, охватывающих один сюжет: например, в случае с текстами, посвященными пустыни Рождества Богородицы, основанной преп. Лукианом Александровским: «Сказанием о рождении преподобного отца нашего Лукиана», «Сказанием о явленной иконе Рождества», которые в рукописной традиции объединяются в «Истории о обители Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея Рождества, иже именуется Лукианова пустыня...» (см.: Романенко Е.В. Житие преподобного Лукиана Александровского // Вестник церковной истории. 2015. № 3—4. С. 5—53).

Вообще достаточно часто основателю монастыря в источниках, повествующих об обретении святыни, отводится исключительно роль хранителя, исполняющего волю иконы. Это можно видеть на примере «Сказания о явлении Великорещского образа святителя Никола и чудеса от него», повествующего о создании старцем Агапитом обители на указанном иконой месте и содержащей несколько хронологических слоев с чудесами от иконы. Несмотря на мученическую смерть старца в 1584, в перечне чудес, доведенном до 1653 г., об этом никак не упоминается, и история преподобного Агапита получает агиографическое воплощение только в созданной в 1712 г. «Истории вкратце о преподобном Агапите и о создании обители сея» (Чудотворный образ святителя Николая, преподобный Агапит и Николаевский Маркушевский монастырь (источники к истории севернорусской обители) / Подг. текста и комм. Биланчук Р.П., Романова А.А. // Вестник церковной истории. 2009. № 3/4. С. 93—140).

Несмотря на достаточно скромную роль, которую отводят сказания о монастырях и явленных иконах визионерам и хранителям святынь, многие из них со временем приобретают статус если не святого, то местночтимого подвижника.

«Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV—XVII веках

Предлагаемые материалы посвящены старой проблеме истории московского надгробия — проблеме анахронических надписей. Можно считать, что эта проблема была впервые заявлена почти полвека назад (Гиршберг Б.В. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. //Нумизматика и эпиграфика. I. М. 1960. С. 6—7). Б.В. Гиршберг, отозвавшись на публикацию плиты И.М. Воротынского (†1535 г.), указал, что публикатору (Николаева Т.В. Новые находки на территории Загорского государственного музея-заповедника, 1957 //СА. 1957. № 1. С. 251—255) следовало бы усомниться в одновременности даты изготовления плиты и проставленного на ней года. Другим примером поздно изготовленного надгробия хорошо известной источникам личности стала плита первой игуменьи Новодевичьего монастыря, умершей в 1547 году — судя по оформлению и палеографии, камень нарезан в первой половине XVII века (Беляев Л.А. Романов Н.С., Шлионская Л.И. Надгробия игуменнии Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре //РА. 2010. № 2. С. 156—165).

Эта проблема рассматривалась одним из авторов нашей статьи (Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. (далее — РСН). М., 1996. С. 32—33), поскольку при работах в Высоко-Петровском монастыре в конце 1970—1980-х гг. у него появились основания усомниться в соответствии даты по крайней мере двух памятников, причем в одном случае сомнительная дата стояла на плите, положенной поверх другой, также полностью сохранной, каменной «доски», орнамент которой лучше подходил к указанной дате, но надписи на ней не было.

Нужно признаться, что существование анахронических надгробий (кроме случаев, сочиненных гораздо позже эпитафий, своего рода исторических сочинений, которые известны с конца XVII в., таких как откровенно анахронистическая доска мурзы Хоросмира (Гераськин Ю.В., Нагорнов В.П. Памятная плита Ивана Мирославовича (мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре // РА. 2008. № 2. С. 84—89) все же не считалось полностью доказанным. Оставалась доля сомнения в том, что хронология форм, орнамен-

та и вещевой палеографии абсолютно надежна, все время возникал вопрос: а может быть, мы ошибаемся, и развитие раннемосковской плиты просто шло несколькими потоками — например, дорогие тщательно украшенные плиты с растительным орнаментом, которые мы воспринимаем как памятники XVII в., в единичных экземплярах могли появляться и ранее, скажем, во второй трети XVI в.?

Раскопки, возобновленные в 2016 году в Высоко-Петровском монастыре (Московская археологическая экспедиция ИА РАН под руководством Л.А. Беляева, начальник раскопа Н.И. Савельев), позволили окончательно решить вопрос и даже найти новое место для некоторых находок 1980-х годов. Публикация этих материалов впереди, но вкратце ситуацию необходимо описать.

К востоку-юго-востоку от старого собора во имя Петра Митрополита (освящен в 1517 г., но упомянут уже в «списке Алевиса Нового» 1514 г.) было открыто практически целиком сохранившееся надгробие *insitu* с надписью, нарезанной типичной для середины XVI в. «проволочной» вязью и с характерным орнаментом того же времени (на хронологии орнамента здесь не останавливаемся). Надпись сообщала о смерти в 1512 г. инок Феодосия Исакова сына Окулина, «волоченина», 31 июля («на память святого праведного Евдокима»). Оформление, как и в ряде других случаев, не укладывалась в представления археологов о развитии надгробий и их палеографии, она не очень подходила для начала второго десятилетия XVI в., и, как обычно, мы готовы были оставить случай «в подозрении». Однако плита лежала на другом камне, и они были совмещены так точно, что даже более поздние повреждения правых углов невольно совпали.

Сняв верхнюю плиту, мы обнаружили под ней еще одну каменную доску. Она внешне отлично подходила к эпохе правления Василия III, как по типу орнамента, так и по небольшой (около 10 см) толщине. Самым удивительным, однако, было то, что надпись, вырезанная на ней, слово в слово совпадала с надписью на верхней плите — отличалась только манера письма (великолепный, очень уверенный декоративный устав) и размещение текста (начало в нагрудном треугольнике, продолжение — вдоль периметра доски, по левой стороне). Несомненно, обе плиты положены над одним покойным, причем вторую, видимо, добавили с целью продлить память о нем, отметить его могилу более свежим камнем взамен первого, уже растрескавшегося.

Это первый случай абсолютного, прямого доказательства смены плиты над одной могилой на протяжении примерно 50—70 лет (или немного более).

Полученный пример позволил уверенно соединить еще три таких пары надгробий. Во-первых, в перекопе по соседству с плитой «инока Феодосия» был найден фрагмент доски с частью надписи, чрезвычайно близкой по оформлению, вплоть до размещения строк по длине плиты (манера, изредка встречающаяся на старомосковских кладбищах). Текст сохранился очень удачно, так, что оказалось возможным понять имя покойного («инок Епифаний») и день смерти, который совпал с днем смерти Феодосия: 31 июля. Более того, был назван святой этого дня, Евдоким, в той же манере, что и в первом случае. Год не сохранился, но вероятность того, что это день инога, чем 1512 г. в данных обстоятельствах исчезающее мала, да и тип орнамента, манера располагать надпись не поперек плиты, а вдоль, палеография — абсолютно идентичны плите инока Феодосия. Чрезвычайно интересно, что и для плиты Епифания нашелся соответствующий ей повторный камень: еще при работах 1980-х годов была найдена во вторичном использовании часть изголовья с упоминанием «инока Епифания» и датой 31 июля 1512 г. (тогда прочитанной с некоторыми сомнениями, см.: РСН, 1996. ВПм-5).

Конечно, следует заняться вопросом о том, какое событие (пожар? война? заразная болезнь?) могло причинить в 1512 г. смерть одновременно двум инокам (друзьям или родственникам?), плиты которых были позже переоформлены (возможно, также одновременно и, во всяком случае, в одном стиле). Вполне вероятно какая-то связь иноков Епифания и Феодосия со строительством собора в монастыре (донаторы? мастера?). Следует обратить внимание на происхождение инока Феодосия из Волочка — вероятно, Вышнего Волочка («волочане» — редкая форма, известная по Смоленской грамоте 1229 г. и договору Твери с Новгородом 1301/1302 года), но, возможно, и Волока Славенского или Волоколамска (тут стоит задуматься о связи с Иосифо-Волоцким монастырем и строительством там). Возможно, мы никогда не узнаем всех подробностей истории о жизни и смерти двух иноков, их связи с собором Петра Митрополита и Высоко-Петровским монастырем — во всяком случае, быстро этот вопрос не решить, нужна помощь профессиональных историков.

Зато на вопрос, не являются ли наши четыре плиты двух иноков своего рода *hapax legomenon*, порожденный совершенно особыми, хотя и неизвестными нам обстоятельствами, можно уверенно ответить отрицательно. Кроме этих двух пар, в монастыре выявляются по крайней мере еще три случая надписей с анахронизмами.

Все три были заподозрены в них еще в 1980-х годах. Первая — плита Конана сына Клементьева, по профессии — ножовника. Она была заново нарезана, скорее всего, в 1630—1640-х годах, снабжена надписью и аккуратно уложена на предшествовавший ей камень, столь же богато украшенный, но в более раннем стиле, середины XVI в. Нижний камень не имел надписи, но сегодня мы можем уверенно утверждать, что он принадлежал тому же Конану — да и оформление его четко отвечает указанной на верхней плите дате: 1562 г. Таким образом, переоформление отстоит от даты смерти лет на 50—70. Несколько меньше этот разрыв у лежавшей по соседству пары плит, верхняя из которых называет имя покойного — Алексей Ергольский — но не сообщает даты смерти, возможно, уже забытой к моменту переоформления. Нижняя плита надписи не имеет, а по оформлению обе плиты могли быть нарезаны во второй — третьей четверти XVI в. Третья плита с анахронической надписью, принадлежавшая иноку Сергею, сыну Аврамову, также была найдена в 1980-х гг., но не имела пары. Однако ее орнамент в стиле надгробий 1530—1560-х годов столь явно не соответствует дате (1498 г., «в Субботу Лазареву»), что это было отмечено и при первой публикации (см. РСН, 1996. ВПм-4).

Безусловно, перед нами — устойчивая традиция переоформлений плит. До сих пор она была представлена редкими, единичными случаями, которые никогда не сопровождались открытием парных досок. Это не случайности, а широко применяемый прием: в Высоко-Петровском монастыре погребений XVI в., которые до нас дошли с надписными плитами (включая крайне фрагментарные), всего 15, из них 5 «парных» (включая плиту Сергея Аврамова). Таким образом, погребения с «повторными» надгробиями составляют треть. Повторения располагаются в пределах середины XVI — середины XVII вв., интервал появления довольно устойчив, вероятно, от 30 до 60 лет, то есть, полагая переоформление семейным (а, скажем, не монастырским) делом, его следует отнести на счет детей или внуков погребенных (соответственно, интервалы при оценке дат следует скорее суживать, чем расширять).

Можно сделать вывод о развитии исторической памяти в родовой форме, в форме сохранения семейной традиции, отраженной в обычае церковного поминовения, в целом явно связанной с самим появлением и «формуляром» надписей конца XV—XVII вв. Отметим, что многие плиты сначала не имели надписи вообще (если не считать, что она наносилась эфемерными красками или что ее несли деревянные кресты), и только вторые доски такой пары получали резную эпитафию.

Священноигумен Досифей с Тихвины Николы Беседного монастыря

Личность староверческого подвижника второй половины XVII в. привлекала внимание ученых (Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. XV—XXVII). Однако ввиду краткости и эпизодичности сведений о нем цельной биографии Досифея долгое время не было. Только в 2007 г. появились биографический очерк о Досифее и статья о нем в Православной энциклопедии (Шашков А.Т. Из истории раннего старообрядчества: Игумен Досифей: Докл. на конф. «Интеллектуальная культура исторической эпохи». Екатеринбург. 26 — 27 апр. 2007) // <http://hist.usu.ru/rsih/text/shashkov.him> [Электр. ресурс]; Агеева Е.А., Шашков А.Т., Юхименко Е.М. Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XVI. Дор — Евангелическая церковь союза. С. 58 — 61).

Основные сведения о Досифее содержатся в разнообразных староверческих произведениях, созданных уже после его смерти. Круг источников удалось расширить за счет не использованных ранее документов, относящихся к периоду его игуменства в Николо-Беседном монастыре. Документы хранятся в Архиве Санкт-Петербургского института истории.

Досифей в 1662—1670 гг. был игуменом тихвинского Николо-Беседного монастыря, из-за чего в старообрядческой традиции за ним закрепилось наименование «игумен». На наш взгляд, следует учитывать, что Досифея в старообрядческих произведениях называли игуменом безотносительно времени его игуменства. Происхождение Досифея неизвестно, но, так как начало деятельности Досифея (как монаха и как староверческого подвижника) лежит в новгородских пределах, логично предположить, что он был выходцем из этого региона и до 1662 г. уже являлся монахом какого-либо новгородского или тихвинского монастыря (возможно, Беседного). Первое в хронологическом плане упоминание имени Досифея в источниках (Житие Корнилия Выговского) содержится в рассказе инока Корнилия о встрече с ним в Новгороде у митрополита Никона, занимавшего эту должность в 1649 — 1652 годы. Около 1653 г. вместе с иноком Корнилием Досифей уходит на Дон, где пребывает три года, и снова возвращается в Москву (Брещинский Д.Н. Житие Корни-

лия Выговского Пахомиевской редакции (тексты) //Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Сб. науч. трудов. Л., 1985. С. 74, 81). Ввиду различной интерпретации источников возникло несколько версий перемещений Досифея до начала его игуменства в Николо-Беседном монастыре. Свои взгляды высказали митрополит Макарий, В.Г. Дружинин, П.С. Смирнов, Е.А. Агеева, А.Т. Шашков, Е.М. Юхименко. По нашей версии Досифей, вернувшись с Дона в 1656/1657 г., прожил в Москве несколько лет, а потом обосновался в своем Николо-Беседном монастыре под Тихвином, где его избрали в игумены.

Заняв должность игумена в небольшом монастыре под Тихвином, Досифей с первых шагов проявил себя рачительным хозяином. Он занимался обновлением церквей и возведением новых построек, умея добывать на это необходимые весьма значительные средства. При Досифее был перестроен храм Николы Чудотворца, пристроен заново алтарь к церкви Иоанна Предтечи и произведено основательное обновление всего трапезного здания. В 1668 г. на перестройки было отпущено из царской казны 150 р.

Отрицательное отношение игумена Досифея к церковным новшествам известное из староверческих сочинений подтверждается в материалах сыска по делу о побеге старца Иоасафа Чаплина в июле 1666 г. Сыск выявил причастность игумена Досифея к побегу старца Иоасафа, несмотря на то, что сам Досифей отрицал обвинения (Архив СПбИИ. Ф. 89 (Мордвинов И.П.) Опись 1. Д. 81. Л. 7—14). Однако никакого наказания не последовало. Ситуация в Тихвине оставалась благоприятной для староверов до конца 60-х годов. Только после принятия решений Большого Московского собора 1666—1667 годов в Новгородской митрополии стали пристально следить за внедрением реформированного обряда и строго наказывать за неисполнение приказов священноначалия. Документы Архива СПбИИ из Коллекции археографической экспедиции и из фондов Мордвинова и Успенского Тихвинского монастыря обнаруживают широкий фронт противников реформы в Тихвине. Игумен Досифей до последней возможности сохранял в монастыре прежние порядки, но под давлением церковных властей был вынужден бежать в декабре 1669 г. в Москву. Любопытные подробности этого бегства позволяют высказать предположение о происхождении игумена. Досифей вывез из монастыря сундук со своими личными, а также казенными монастырскими вещами и приходно-расходными книгами и оставил его на хранение у княжны старицы Леониды Гагариной во Введен-

ском девичьем монастыре (Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 162). Дружеские отношения игумена со старицей княжеского рода заставляют задуматься о не менее высоком происхождении самого Досифея.

В Москве Досифей нашел прибежище у боярыни Ф.П. Морозовой, у которой провел больше года. Когда Морозову арестовали, разорили устроенное ею убежище приверженцев старины и начали разыскивать служивших там священников, оставаться в Москве стало опасно. В конце 1671 г. Досифей удалился в Курженскую пустынь, братия которой избрала его игуменом (Смирнов П.С. Указ. соч. С. XXIV; Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. I. С. 44; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М., 1862. С. 82, 129). Авторитет Досифея, обладавшего священническим саном, был огромен. Он имел сообщение с Соловецким монастырем, с Москвой, с пустозерскими узниками, с новгородскими, романовскими, калужскими, рыльскими, нижегородскими, ярославскими единоверцами. Досифей много путешествовал, что ставило в тупик исследователей, пытавшихся локализовать основной регион его пребывания. Он стремительно перемещался с севера на юг и обратно, оказываясь то в Ярославле, то в Жабынской пустыни Белевского уезда.

В 1675 г. в Курженской пустыни у Досифея принял постриг духовный сын Аввакума Семен Иванов Крашенинников. Пустынь не только являлась местом убежища, но и своего рода стратегическим штабом, где обсуждались многие важные идеологические вопросы и разрабатывались планы действий. Здесь происходило одно из первых совещаний по поводу самосожжений. Из Курженской пустыни велась координационная работа по организации подачи царю Федору челобитной о вере от имени всей земли. Руководил этой работой игумен Досифей. После смерти царя Федора и стрелецкого бунта в Москве сложилась самая благоприятная обстановка для подачи челобитной о возврате к прежнему благочестию. Досифей направляет из Курженской пустыни, выбранного по жребию, инока Сергия в Москву. Сергий в течение июня 1682 г. организует московских старообрядцев для решительного выступления. К нему присоединяется и фактически возглавляет движение суздальский священник Никита Добрынин. Возможно, также как и Сергий по жребию действовали некоторые из участников челобитья. Двое из них были учениками Досифея и Иова Львовского и прибыли в Москву 4 июля накануне прения в Грановитой палате. Двое других оказались в Москве рань-

ше по своим нуждам и присоединились к Сергию, узнав о челобитье. Таким образом, становится очевидной наличие связи московских событий 1682 г. с деятельностью игумена Курженской пустыни Досифея.

В 1686 г. новгородский митрополит Корнилий послал в Заонежские погосты подьячего Семена Прокофьева с предписанием сыскать многих заонежских «раскольников» и в их числе курженского старца Филарета (ДАИ. Т. XII. С. 310). Можно предположить, что в результате этой посылки новгородского митрополичьего подьячего староверы были изгнаны из Курженской пустыни и она была заселена лояльными к реформе монахами. Досифей же покинул пустынь раньше в 1685 г. и ушел на Дон окончательно (Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 75). Он обосновался в монастыре Иова Львовского (уже после его смерти) на реке Чир. Прослужив в церкви этого монастыря пять лет, Досифей из-за усилившихся гонений вынужден был бежать в астраханские степи на реку Куму, где вскоре и умер. В 1690-х годах при переезде староверов на Кубань тело Досифея было увезено его духовными детьми с собой. Но по дороге обоз староверов разграбили татары, которые, обнаружив в телеге под телом Досифея спрятанное серебро, само тело рассекли на части и разбросали по степи. Казаки впоследствии собрали части тела уважаемого аввы и предали земле (ДАИ. Т. XII. С. 130; Алексеев И. (Стародубский). История о бегствующем священстве. М., 2005. С. 8—9).

Следует отметить, что при невозможности восстановить полную биографию лица на основании официальных документов, очень важными оказываются свидетельства, происходящие из других источников. Такими бесценными источниками для воссоздания биографии игумена Досифея явились исторические и литературные произведения староверческих писателей. В свою очередь эти источники требуют осторожного обращения (иногда на первое место в повествовании выступают идеологические мотивы) и тщательной проверки, содержащихся в них сведений. Не всегда информация, записанная со слов очевидцев спустя много лет после событий, может соответствовать действительности. В этом случае удобно расширять круг источников, используя просопографический метод. Совместное использование староверческих источников с официальными документами открывает новые возможности для поиска и приводит к наиболее достоверному изображению событий.

Иван Андреевич Шергин: штрихи к портрету

За последние десятилетия в отечественной историографии заметно возрос интерес к изучению биографий отдельных исторических личностей, причем не только с точки зрения генеалогических связей, но и в более широком контексте понимания индивидуального и уникального в их жизни в сочетании с общими процессами социально-экономического и политического развития Русского государства. Главными персонажами таких исследований выступают чаще всего представители отдельных элит — родовой (титулованная знать), административно-управленческой (высшая приказная бюрократия), церковной (высшие иерархи), торгово-предпринимательской (гости и люди гостинной сотни). Однако все большее внимание начинает уделяться и людям так называемого «второго плана», тем, кто, не занимая высшие ступени социальной лестницы, входил в окружение этих, традиционно считающихся «господствующими», групп и во многом обеспечивал их представителям не только соответствующие высокому рангу условия жизни, но и возможности эффективного выполнения различного рода светских или церковных обязанностей, торговой или предпринимательской деятельности. Как пример рассмотрим биографию Ивана Андреевича Шергина, приказчика Сереговского соляного промысла, принадлежавшего гостям Панкратьевым.

И.А. Шергин, уроженец Великого Устюга, был сыном священника церкви Богородицы Одигитрии Андрея Шергина, его старший брат Леонтий пошел по стопам отца и по переписи 1678 г. значился священником церкви Иоанна Богослова, а младший, Яков, устюжский посадский человек, помогал Ивану в делах промысла. Двоюродные братья И.А. Шергина Василий и Федор Афанасьевичи принадлежали к верхушке посадского мира Устюга, вели отъезжую торговлю в Архангельске; Ф.А. Шергин не раз выбирался устюжским земским старостой или таможенным головой. Родственники по боковой линии, Владимир Никитин, Василий Владимиров с. и Александр Васильев с. Протопоповы, были, соответственно, протопопом, дьяконом устюжского Успенского собора и подьячим съезжей избы (Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 87, 90; Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 406, 420, 460, 466, 468). Таким образом, Шергин по своему происхождению и родственному окружению принадлежал к верхнему слою

провинциального посадского мира, тесно соединенному с городскими церковными и административными структурами.

И.А. Шергин появился на Сереговском промысле в 1672 г., по-видимому, совсем молодым, во всяком случае, неженатым человеком, возможно, в связи со сменой владельца промысла, когда Серегово перешло от Данилы Григорьевича к его сыну, гостю Ивану Даниловичу Панкратьеву, и проработал там как приказчик чуть более 30-ти лет, до конца ноября 1703 г., когда заболел и через шесть недель умер.

Во время многолетнего пребывания в Серегове основное внимание И.А. Шергина было направлено на организацию добычи и транспортировки соли. Сереговский приказчик блестяще справлялся со своими обязанностями. Так, застав в Серегове в начале своей деятельности только одну рассолодобывающую трубу, уже через полтора-два года, в феврале 1674 г. он сообщает И.Д. Панкратьеву о начале работ по бурению второй скважины, а в 1676 г. в письмах упоминается уже и третья труба (Архив гостей Панкратьевых XVII—начала XVIII в. Т. 1. М., 2001. № 18, 63). Очевидно, что решение о дорогостоящих, технически сложных и трудоемких работах принимал хозяин промысла, но и отважиться на такой шаг И. Д. Панкратьев мог, только понимая, что в Серегове есть человек, способный организовать и контролировать такого рода деятельность. В результате, в 1680-х — 1690-х годах добыча соли колебалась в пределах от 240 до 310 тысяч пудов, и Сереговский промысел среди светских усадеб занимал второе место, уступая только пермским и сольвычегодским владениям Строгановых.

Не менее эффективной и, в определенном смысле, новаторской была деятельность И.А. Шергина в области транспортировки соли от варниц к городам, центрам солеторговли. Именно с появлением на промысле нового приказчика в районе Серегова начинает организовываться и более чем успешно работать частная судостроительная верфь. В ноябре 1673 г. И.А. Шергин сообщает И.Д. Панкратьеву о том, что он нашел в Часовской волости хороший корабельный лес, пригодный для строительства 10 дощаников. К маю следующего, 1675 г., в Серегове работали шесть плотников и в начале навигации на воду были спущены уже три дощаника. В дальнейшем на сереговских верфях ежегодно строились от 2 до 4 кораблей, чтобы своевременно менять пришедшие в негодность суда и поддерживать численность дощаников в ежегодных соляных караванах на уровне 10—14 плавательных средств. Более того, с конца 80-х годов размеры разновеликих до того момента дощаников стали составлять единые 20 сажень. И если общее решение об организации собственного судостроения исходило,

конечно, от И.Д. Панкратьева, то инициатива унификации размеров, что в любом производстве и во все времена способствует интенсификации труда, а следовательно, уменьшению производственных затрат, принадлежала, как следует из писем, самому сереговскому приказчику. По-видимому, именно знакомство с хорошо организованной повседневной практикой судостроения, которое И.Д. Панкратьев мог получить на сереговских верфях, куда он приезжал очень часто, обусловило назначение его, как человека, разбирающегося в сути производственного процесса, главой корабельного кумпанства гостей в 1696 г.

Помимо хозяйственных дел, И.А. Шергин постоянно занимался оформлением различных документов (земельных крепостей, купчих, закладных и т. д.) и чрезвычайно удачно выступал, мастерски используя имевшиеся в его библиотеке основные законодательные памятники — Соборное уложение и «Новоуказные статьи о разбойных и убийственных делах» 1669 г., — в роли стряпчего во время судебных разбирательств с другими солепромышленниками, желавшими обосноваться в Серегове: Соловецким монастырем и гостями Филатьевыми. Вероятно, Иван Андреевич был действительно неплохим юристом и во многом благодаря его умелым действиям Панкратьевы сумели отстоять свой промысел от не менее могущественных конкурентов. Именно так оценивали заслуги сереговского приказчика власти влиятельной северной обители, полагая, что только с физическим устранением Шергина они смогли бы получить в свое владение Сереговское усолье. Поэтому в 1684 г. монастырские люди несколько раз пытались напасть на Ивана Андреевича и осадили его двор, почему он был вынужден на некоторое время бежать из Серегова в Устюг, но и тогда в письмах на промысел просил прислать ему кроме личных вещей «Книгу уложенную», чтобы продолжать бороться за то, что сереговский приказчик считал справедливым. Подчеркнем при этом, что Шергин не был кабальным или крепостным человеком И.Д. Панкратьева (само его происхождение и социальное окружение не предполагало возможности возникновения такой зависимости), он просто честно и с использованием всех своих сил и способностей, являясь наемным приказчиком, выполнял порученное ему дело — руководство Сереговским соляным промыслом и, возможно, по истечении лет стал воспринимать формально принадлежащее Панкратьевым хозяйство как свое собственное, нуждающееся в постоянной защите и бережном управлении.

Еще одной, заслуживающей внимания чертой личности И.А. Шергина, не связанной с непосредственными обязанностями, был его интерес к книжности, проявлявшийся в неоднократно высказывавшихся

в письмах к И.Д. и С.И. Панкратьевым просьбах о присылке в Серегово различных изданий (Архив гостей Панкратьевых XVII—начала XVIII в. Т. 1. № 20, 86, 122). Большой своей частью запрашиваемые, причем, в двух экземплярах, книги представляли собой богослужебную и учительную литературу и предназначались для двух сереговских церквей — Николая Чудотворца и Богоматери «Неопалимая Купина». Однако в письме июля 1683 г. оказались упомянуты три очень любопытные книги, которые Иван Шергин просил купить для его собственного обихода — «книгу Устав нынешних выходов, книгу Обед духовный, книгу Вечерю душевную». Речь шла об Уставе (Типиконе) 1682 г. издания и двух сборниках проповедей Симеона Полоцкого, подготовленных, соответственно, в 1675 и 1676 гг. и вышедших из печати в октябре 1681 и январе 1683 г., которые были в значительной своей части направлены против старообрядцев. При этом неясно, каким образом Шергин, находясь в сотнях километрах от столицы, мог почти сразу же узнать о вышедшей в Москве уже посмертно последней книге Симеона Полоцкого.

Скорее всего, источником сведений стал сам гость И.Д. Панкратьев, который в начале лета 1683 г. вместе с сыном Семеном был на промысле и имел время не только для проверки работы своего приказчика, но и для бесед на другие, стоящие в то время в центре общего внимания, темы. Напомним, что 1682 год, помимо событий, связанных со стрелецким восстанием, был годом, когда произошла новая вспышка движения раскола. Отголоски московских событий доходили, вероятно, и до Серегова, тем более, что один из путей в Пустозерский острог, где 14 апреля 1682 г. окончили свою жизнь протопоп Аввакум и его «союзники» Епифаний, Лазарь и Федор, проходил в непосредственной близости от промысла — по реке Выми. Думается, что И.А. Шергин, вышедший из семьи священнослужителя и, кроме того, по роду своей деятельности несший всю ответственность за любые события, происходившие в Серегове, не мог не интересоваться вопросами вероучения и хотел иметь в своем распоряжении серьезные аргументы в пользу официальной церкви. При этом и сам московский гость, как постоянный и наследственный покупатель изданий московской типографии был достаточно хорошо осведомлен о выходивших на Печатном дворе новинках и мог информировать о них своего приказчика.

Таким образом, возможность предоставления сведений о новых, важных книгах, с одной стороны, и стремление прочитать их, с другой, во-первых, характеризуют владельца Сереговского промысла и его приказчика как людей, не чуждых духовным интересам и живо

откликающимся на события окружающей жизни, как представителей своеобразной столичной и провинциальной интеллектуальной элиты, а во-вторых, показывают, что их взаимоотношения, несмотря на разницу в социальном статусе, выходили за обычные рамки «хозяин — наемный приказчик».

По всей вероятности, в библиотеке И.А. Шергина были не только юридические или церковно-полемические книги, но и произведения иного, более приближенного к художественной литературе жанра, так как в его письмах есть чрезвычайно любопытные моменты, позволяющие расширить книжный репертуар домашней библиотеки. В частности, обращают на себя внимание кличка быка «Парис» (в усолье, помимо соледобычи и судостроения, занимались разведением для собственного пользования и на продажу породистых лошадей и крупного рогатого скота), название одного из дощаников «Слон» и вполне к месту употребленное слово «аэр». Представляется, что использование этих слов было не случайным и могло свидетельствовать о знакомстве И.А. Шергина с такими произведениями переводной литературы, известными в XVI—XVII вв. по рукописным спискам, как цикл троянских сказаний и «Александрия». Действительно, почему бы не назвать, пусть и несколько кощунственно, именем сына царя Приама самого красивого быка, а внешний вид особенно большого, громоздкого и неуклюжего дощаника охарактеризовать через образ такого же по внешности зверя? Конечно, все это не более, чем догадки, но и объяснять появление таких более чем странных в отдаленном северном районе кличек и названий тоже как-то надо.

Интерес к книжности соединялся у И.А. Шергина с его бесспорным литературным талантом и способностями рисовальщика (в одном из судебных дел есть нарисованный им план земельных владений). Все, имеющиеся в настоящее время, 367 писем приказчика Сереговского усолья удивляют не только своей практически безупречной грамотностью и красивым, четким, почерком, но и прекрасным, очень выразительным русским языком. Так, о своем помощнике Федоре, пристрастившемся к вину, он писал: «... ево з горы с кабака жжить не мочно, что удержим ево в дому в железах, то и трезв, а как выпустим, то и пьян. А что пропивает, того не ведаем, одолел ево хмель, хотя ево и бить, никак не чаю унять» (Архив гостей Панкратьевых XVII—начала XVIII в. Т. 1. № 6). Кстати, такой же замечательный почерк и эпистолярный дар был и у И.Д. Панкратьева. Вполне возможно поэтому, что вкус к чтению, литературная одаренность, высокий уровень образования духовно сближали хозяина и работника,

вызывая взаимное уважение и интерес. Отсюда и обращение «Иван Андреевич» в письмах И. Д. Панкратьева на промысел, и многолетняя беззаветная и безупречная работа И.А. Шергина в Серогове.

И последнее, о чем стоит сказать — это круг личного, постоянного общения И.А. Шергина, который включал, судя по письмам, не менее 100 человек. Особое внимание здесь привлекает появляющийся в письмах с 1689 г. некий «иноземец Володимер Иевлевич», предположительно — голландский купец В. ванн Гевер. Через посредство устюжан, гостей Грудцыных этот иноземец неоднократно давал деньги на содержание соляного промысла, а из Серогова Шергин постоянно посылал ему различные выкованные в местной кузнице изделия, ва-режки и др., передавал приветы жене и детям. Такой стиль общения свидетельствует не просто о взаимоотношениях кредитора и кредитую-мого, а о весьма близких связях с В. ванн Гевеком и его семьей. Иными словами, установление тесных, достаточно доверительных отношений между русскими людьми и иностранцами было свойственно в последней четверти XVII в. уже не только высшей знати, верхушке приказно-го аппарата, крупнейшим купцам, но и представителям других сослов-ных групп. И, как показывает пример сына священника И.А. Шергина и протестанта В. ванн Гевера, таким повседневным взаимоотношени-ям не слишком мешала очевидная разница религиозных воззрений.

В заключение, хочется подчеркнуть, что И.А. Шергин, предста-витель тех самых людей «второго плана», живших подчас очень да-леко от Москвы и не занимавших высших ступеней в общественной иерархии, предстает весьма разносторонней личностью, высоко-образованным человеком, который умеет не только грамотно и красиво писать, но и обладает обширным кругом познаний в са-мых различных областях, начиная от юриспруденции и заканчи-вая разведением породистого скота; помимо этого он интересуется литературой и происходящими в стране событиями, имеет пусть и небольшую, но собственную библиотеку, пытается понять суть ре-лигиозных разногласий между сторонниками официальной церк-ви и приверженцами «старой веры», общается с широким кругом людей, без всякого фанатизма поддерживая дружеские отношения с иноверцами. Очевидно, что такой высокоодаренный, работоспо-собный, честный и преданный приказчик в значительной, если не в решающей степени, способствовал процветанию соляного хозяйства гостей Панкратьевых, преимущественного источника доходов этой московской семьи торговых людей и предпринимателей. И не слу-чайно, что, наряду с введением чуть позднее государственной соля-

ной монополии, скоропостижная смерть И.А. Шергина стала пусть и не главной, но весьма существенной причиной экономического упадка некогда процветавшего Сереговского соляного промысла.

Устинова И.А.

Церковные реформы XVII века в зеркале биографии: Суздальский архиепископ Стефан перед судом трех соборов

Церковная реформа XVII в. затронула судьбы всех русских людей, но, пожалуй, наиболее драматично ее перипетии вырисовываются в свете биографий церковных иерархов, которые по долгу службы сами были проводниками этих реформ. Весьма интересной и показательной в этом отношении является малоизученная биография Суздальского архиепископа Стефана (1658—1678 с перерывом в 1660—1666 гг.). Стефан оказался в эпицентре большинства церковных конфликтов, пережил несколько опал и три церковных собора, каждый из которых вынес ему обвинительный приговор.

Наиболее ранние сведения о Стефане относятся к первым годам патриаршества Никона (Леонид, архим. Стефан, Архиепископ Суздальский // ЧОИДР. 1876. Кн. 1. Отд. V. С. 222). Близость Стефана к патриарху, наличие между ними доверия демонстрирует и его назначение в 1656 г., первым игуменом (с 1657 г. — архимандритом) Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (Леонид, архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. Отд. I. М., 1874. С. 5—6).

18 апреля 1658 г. «на Фомине неделе» Стефан был поставлен патриархом Никоном на Суздальскую кафедру (Доп. к 3 т. ДР. СПб., 1854. Стб. 127—128). Это была последняя хиротония, совершенная Никоном, спустя три месяца — 10 июля 1658 г. он оставил патриарший престол. Стефан, тем не менее, весьма прочно вошел в придворный круг архиереев, подолгу бывал в Москве (Доп. к 3 т. ДР. Стб. 161, 162, 167, 170, 173). В своей епархии он активно претворял в жизнь никоновские «новины», чем вызвал недовольство духовенства, которое вскоре переросло в ряд обвинительных челобитных весны 1659 г. Основным обвинителем стал будущий расколоучитель Никита Константинов (Пустосвят), но жаловались на Стефана

и игумены Спасо-Ефимьевского монастыря и Осовицкой пустыни, посадские люди. Летом 1659 г. были проведены первые допросы, показания давал и сам архиепископ. Но поток жалоб не иссякал и царским указом в октябре 1659 г. была назначена следственная комиссия для обыска в Суздале во главе с епископом Вятским Александром (ОР ГИМ. Син. грам. 1075, 1078, 1087.).

Всего в адрес Стефана было выдвинуто более полусотни обвинений (из них более 40 — Никитой Добрыниным): надругательство над иконами, престолами, гробами; нарушение традиций богослужения, «богохульные» речи Стефана (ОР ГИМ. Син. грам. 1074, 1084; МДИР. М., 1875. Т. 1. С. 375—379, прим. к № 34). Духовенство епархии единодушно обвиняло архиепископа в жестокости (смирение людей кнутом и батогами, заковывание в цепи и т.п.), резкости («выставление» икон из церкви, «бросание» церковной утвари и т.п.). Основным поводом недовольства настоятелей монастырей послужили властные амбиции Стефана, его вмешательство в монастырские дела (велел монастырских крестьян «смирять всех у себя на дворе», отнимал тарханные, несудимые и иные грамоты, ввел «большую налогу», самовольно перемещал игуменов и т.п.), а также личные обиды, невозможность повлиять на Стефана даже ссылкой на государевы грамоты (ОР ГИМ. Син. грам. 1087, 1074. Стб. 50). Примечательно, что обвинения Никиты, связанные с богословскими и обрядовыми нюансами, во время повального обыска у большинства опрошенных, либо не находили подтверждения, либо не вызывали возмущения.

В действиях Стефана не сложно увидеть своеобразное отражение стиля поведения Никона и его понимания роли священства в государстве и обществе. Показательно в этой связи, что при оправдании своих действий на соборе Стефан ни разу не привел богословских объяснений, но постоянно ссыался на авторитет патриарха Никона («служу я ... как мне предано от патриарха Никона») и собственный опыт («во иных обителях видел» и т.п.) (ОР ГИМ. Син. грам. 1084).

По итогам следствия 23 марта 1660 г. открылся церковный собор. На первом заседании обсуждалось одно основное обвинение — «досаждение» царю, выразившееся в том, что Стефан «которые его великого государя грамоты приходили и он говорил, я де таких грамот не слушаю». Еще одно обвинение «недостойно и помыслить»: «казначей старец Христофор писал к нему в отписках великим государем мерясь к титуле его царьского величества». Вероятно, усугублял ситуацию и тот факт, что еще совсем недавно титул «великий государь» официально носил патриарх Никон. Стефан отвечал со-

бору, что «то зблужено». Дальнейший допрос показал, что сам Стефан писать себя «великим государем» не велел, но его брат, казначей Христофор самовольно обращался так к нему на письме, архиепископ же «от такова де дурна казначея своею простотою не возбранил и в том де виноват перед великим государем» (ОР ГИМ. Син. грам. 1083. Стб. 174; 1082. Стб. 90).

На следующих заседаниях разбирались другие статьи обвинения, на каждом допросе Стефан занимал все более покаянную позицию (Ср.: ОР ГИМ. Син. грам. 1075. Стб. 113 и 1084). 13 августа 1660 г., отвечая на 52 пункта обвинения, Стефан дал 72 комментария (из них треть — полное отрицание, треть — покаяние и ссылка на «простоумие», треть — различные пояснения). Дело в тот же день решил царь Алексей Михайлович: «которые вины перед ним великим государем архиепискоупли, и в тех винах ... прощает, а что его архиепискоупли ... вины духовные, и в том бы они, власти, судили и прощали по правилам ...» (ОР ГИМ. Син. грам. 1084. Стб. 13). Вероятно полное покаяние Стефана и замешательство властей в ситуации с патриархом Никоном заставили царя столь мягко и быстро решить дело. Более того, уже 14 августа 1660 г. Стефан поставил свою подпись под решением другого церковного собора (февраля—августа 1660 г.) об извержении из патриаршего сана Никона и праве царя избрать на его место нового патриарха (Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. № 18. С. 58—63; № 27. С. 109—111).

Вернуться в Суздаль, однако, Стефану не позволили, изыскав в церковных правилах весьма интересную формулировку — он «возненавиден того града людьми» (ОР ГИМ. Син. грам. 1076, 1077, 1087. Стб. 42—43 и др.). 17 августа 1660 г. царь указал Стефану «быть на Москве в соборе у архангела Михаила архиепископом и писаться ему ... архиепископом. А в Суздаль на его место указал Государь властям выбирать инаго архиепископа» (Доп. к 3 т. ДР. Стб. 237—238; ОР ГИМ. Син. грам. 1085. Стб. 96—97). Наколько позволяют судить источники, новый владыка на Суздальскую кафедру поставлен не был. Возможно, власти не торопились замещать кафедру, ожидая затихания скандала и возвращения Стефана в Суздаль (что и произошло в 1666 г.).

В скором времени разразился новый скандал — Стефан самовольно оставил Архангельскую кафедру, что привело его на суд второго церковного собора — 1663 г. (факт практически неизвестный в историографии). В соборном деянии упоминается, что Стефан покинул кафедру в феврале 1661 г. (ОР ГИМ. Син. грам. 1085), однако одно из последних упоминаний Стефана в качестве архиепископа Архангельского в дворцовых разрядах относится к 4 февраля 1662 г. (Доп. к 3 т.

ДР. Стб. 309). В пользу принятия более поздней даты оставления Стефаном кафедры косвенно свидетельствует и еще два обстоятельства. Во-первых — соборное разбирательство этого нарушения состоялось лишь в мае 1663 г. Во-вторых, 16 февраля 1662 г. патриарх Никон наложил анафему на местоблюстителя патриаршего престола митрополита Крутицкого Питирима (Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 187—188). Претензии Никона состояли в том, что Питирим «в митрополитах меньший» совершал «шествие на ослиати», ставил архиереев вообще замещал патриарха, хотя сам Никон «чтобы называться патриархом — ... не отрицался» (Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 168, 187—188).

Представляется, что именно анафема Никона на Питирима подтолкнула Стефана по примеру бывшего патриарха покинуть престол. Кроме того, в 1662 г. решение по делу самого Никона еще не было принято, отсутствовала богословская оценка его действий. На соборе епископов, проходившем в Москве с 26 мая по 1 июня 1663 г., Стефан привел два объяснения своим действия: 1) «невозможно двема архиереем во едином граде быти»; 2) «а седе я от своего престола, к которому исперва поставлен во град Суздаль, и от тех градских людей возненавиден и изгнан бысть, и тоя ради скорби никогда в ней во Архангельской церкви с чистою совестью не служил» (ОР ГИМ. Син. грам. 1085. Стб. 101—102; Иоасаф (Гапонов) цитирует решение собора по другому списку, где первое объяснение отсутствует: Иоасаф (Гапонов), иеромонах. Церковно-историческое описание Суздальских достопамятностей. Сочинение магистра, иеромонаха Иоасафа. Чугуев, 1857. С. 36).

Примечательно, что Стефан предполагал решение его дела Большим собором: «и вперед в тоя церкви за тем же не могу служить до совершенного собора», а собор епископов с ним согласился и приговорил Стефану «не архиерействовати до совершенного собора, а быти ему в монастыре ... где великий государь укажет». Решением царя Стефан был направлен в Ростовский Борисоглебский монастырь (ОР ГИМ. Син. грам. 1085. Стб. 101—102).

В 1666 г. архиепископ был прощен и восстановлен на Суздальской кафедре. Это произошло не позднее ноября 1666 г., поскольку 1 декабря 1666 г. он уже присутствовал на суде над патриархом Никоном (Дело о патриархе Никоне. № 123. С. 440. № 123; Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. 7. С. 428, прим. 382), а потом принимал участие в других заседаниях Большого Московского собора. На протяжении следующего десятилетия Стефан вел активную церковную работу: в

1667 г. проводил свидетельствование вновь открывшейся чудотворной иконы Богоматери в городе Шуе; в 1668 г. производил исследование о мощах святителя Арсения, архиепископа Суздальского; в 1675 г. делал доклад царю Алексею Михайловичу о мощах погребенного в Ки-декшенском монастыре туровского князя Бориса Георгиевича, сына Юрия Долгорукого (Леонид, архим. Стефан ... С. 230—233).

В 1674 г. на патриарший престол вступил Иоаким. Новый патриарх отличался стремлением к наведению порядка в церковной жизни и большой ревностью в вопросах патриаршего достоинства. В 1674—1675 г. состоялся церковный собор (Стефан присутствовал), установивший правила взаимоотношений между архиереями, принявший новый Чиновник архиерейского служения, регламент облачений (ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 204. С. 260; Амвросий, иеромонах. ИРИ. М., 1807. Ч. 1. С. 350). Вскоре после окончания собора, 8 августа 1675 г. патриарх Иоаким указал Стефану «ездить в соборную церковь к себе безпрестанно; а служить ему архиепископу без своего благословения святительскаго не указал» (ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1585, 1591). В.И. Колосов предложил вполне правдоподобное объяснение этой опалы: недовольство патриарха Иоакима ношением Стефаном саккоса — атрибута митрополитов и патриархов (Колосов В.И. Указ. соч. С. 35—45). Гипотезу В.И. Колосова косвенно подтверждает и тот факт, что в день «опалы» на Стефана патриарха разослал и другим архиереям напоминание о необходимости соблюдать решения, принятые собором. Саккос был пожалован Стефану царем в 1671 г., право его ношения подтвердили патриархи Иоасаф II и Питирим. Пожалование было тесно связано с разменом земель между Суздальской епархией и Патриаршей областью 1668—1672 гг., производившимся не в пользу Стефана (Покровский И. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1913. С. 283; Полознев Д.Ф. Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. 7. С. 475—478). Документы свидетельствуют, что Стефан пользовался новой привилегией с большой осторожностью — служил в саккосе на своем подворье, а в собор являлся в «ризях» (АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 230. С. 500—501).

Опала 1675 г. не была продолжительной, уже спустя несколько дней Стефан присутствовал на общих молебнах в Успенском соборе и московских монастырях (ДР. Т. 3. Стб. 1595—1596, и далее), а в конце 1675 — первой половине 1676 г. участвовал в работе двух церковных соборов (Николаевский П.Ф. Черты епархиального управления XVII по следственному делу о коломенском архиепископу

Иосифе //Христианское чтение. 1904. № 1. С. 60; № 2. С. 253—254. Дело о патриархе Никоне. № 98. С. 365). В начале 1678 г. он присутствовал на соборных заседаниях по делу Анны Кашинской (Московский собор о житии блгв. кнг. Анны Кашинской //ЧОИДР. 1871. Кн. 4. Отд. 1. С. 46, 62). Однако проблема с саккосом окончательно решена не была. Сведения о последних годах жизни архиепископа Стефана привел В.И. Колосов, обнаруживший в архиве указ патриарха Иоаким от 1 июля 1678 г. Этим указом патриарх отрешил Стефана от епархии и направил игуменом в Новгородский Лисицкий монастырь с сохранением архиерейского достинства («архиерейского же чина весьма не обнажихом его, ниже одеяния архиерейского совлекохом, но повелехом ему носить мантию архиерейскую со панагиею и патерицу на Троицкого Сергиева монастыря подобие, во церкви “мир всем” глаголати»). Причиной опалы снова стал саккос, в котором патриарх, ссылаясь на решения 1675 г., запретил Стефану служить, однако последний проявил «непокорство»: «на соборе при многих свидетелех архиерейскаго служения в фелонех множицею отречеса и, ругася архиерейству, без вданные ему патерицы и без архиерейския мантии мимо сущия на его дворе церкви, яко юрод, хождаше самочинно к приходским церквам пения ради, таковым своим буйственным самочинием всем бысть посмеяние и позорище, яко вданную ему свыше архиерейскую честь ногами попра, и самопроизвольно вданные ему от Бога архиерейския красоты совлечеса». Попытки уговорить Стефана покориться результатов не дали (Колосов В.И. Указ. соч. С. 41—43). Фактически, как указывает и сам В.И. Колосов, приведенный текст является именно патриаршим указом, а не соборным решением. В.И. Колосов видит причину нового преследования Стефана в личной неприязни патриарха Иоакима к патриарху Никону и его окружению, приобретшей практический характер после смерти царя Алексея Михайловича.

Судьба архиепископа Стефана оказалась очень тесно связана с судьбой патриарха Никона. Личность Никона, стиль его деятельности и поступки даже после оставления им престола продолжали оказывать огромное влияние на русских епископов. Начав свою церковную карьеру из его окружения, Стефан оставался верен Никону и его идеям: и на соборе 1660 г., когда ссылался на его авторитет, и в 1662 г., когда покинул свою кафедру. Церковная биография архиепископа Стефана показывает в каком смятении и недоумении находились в период реформ не только простые прихожане, но даже высшие церковные «власти». Не менее показательна и растерянность светских

властей в первых двух соборах на Стефана, когда еще не была решена судьба Никона: в обоих случаях, несмотря на серьезные обвинения, мы видим мягкие приговоры, откладывание решения и личное вмешательство царя на фоне покаянного поведения Стефана.

Фельдман Д.З.

Придворный врач Даниил Фунгаданов: между иудаизмом и христианством (по материалам Аптекарского приказа)

В XVII в. начался интенсивный процесс интеграции в российском обществе иностранцев, отличающихся в культурном отношении от основной массы населения. Начиная с первой трети XVII в. в ходе русско-польских войн 1632—1634 (Смоленской) и 1654—1667 гг. в Российском государстве осело большое число пленных из Речи Посполитой, среди которых было немало евреев или, как они сами себя называли, «старозаконных поляков». У себя на родине они составляли одну из крупнейших в мире иудейских религиозных общин, представляя собой корпорацию с особым юридическим статусом и традиционным образом жизни. Отношения польской иудейской общины с различными государственными органами и шляхтой строились на сложной и запутанной системе соглашений, определявших права и обязанности евреев и создававших легальную базу их хозяйственной и общинной деятельности. Местные евреи пользовались свободой вероисповедания и правом создания автономных общин, им разрешалось заниматься экономической деятельностью, а также селиться в большинстве регионов страны. Война нарушила их сложившийся уклад в политических, юридических и экономических рамках Речи Посполитой, а ряд евреев оказался в русском плену.

Постоянное проживание носителей иудаизма в Московском государстве со времен царя Ивана Васильевича Грозного было практически исключено. Поэтому иной альтернативы, чем принятие христианства, для евреев не оставалось. Крещение же евреев вело к получению весьма обширных льгот, свободы и полному уравниванию в правах с православным населением. Соответственно отказ от крещения был равнозначен реальной угрозе высылки за пределы Московии. Кроме того, какие-либо попытки выкрестов тайного ис-

полнения иудейских обрядов здесь жестоко пресекались, а склонение к «жидовству» рассматривалось по закону как одно из тягчайших уголовных преступлений. Статья 24 главы XXII («Указ, за какие вины кому чинити смертная казнь и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание») «Соборного уложения» 1649 г. гласила: «А будет кого бусурман какими-нибудь мерами, насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудить и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить: сжечь огнем безо всякого милосердия».

Персона, которой посвящена данная работа, достаточно широко известна из научной литературы по средневековой истории России, в том числе дореволюционной. Ведь речь идет об одном из личных врачей русских царей — первых Романовых Данииле Фунгаданове, который явился одним из 237 иностранных медиков, живших и работавших в Московском государстве в допетровскую эпоху. Он сделал в России поразительную карьеру, поднявшись от простого цирюльника-фельдшера до почетной должности доктора при царском дворе. Сведения о нем, в частности, имеются в справке, составленной по требованию Посольского приказа в Аптекарском приказе 6 июня 1672 г. (Материалы для истории медицины в России. Вып. 2. СПб., 1883. № 480. С. 454—456). Как сообщал о себе сам Фунгаданов при поступлении на службу в Аптекарский приказ, он был сыном итальянского врача-еврея и уроженцем Бреславля (ныне Вроцлав), столицы Силезии, которая в то время находилась под властью Австрии (Габсбургской монархии): «Родом он жидовин — Немецкие-шленские земли города Бресле, люторские веры; отец его был дохтур Итальянские земли, жидовские веры». Возможно, поэтому он часто именовался на немецкий манер — фон Гаден. Обучившись лекарскому ремеслу в Польше, Фунгаданов служил в этом качестве в армии. Оказавшись в Крыму, он впервые попал в плен и через пять месяцев был продан неким константинопольским («царегородским») евреям; спустя четыре месяца освобожден и через Молдавию («Волоскую землю») вернулся к матери в Каменец-Подольский. Во время дальнейшей службы в польской армии женился в Сатанове. В 1656 г. Фунгаданов попадает в Черткове в плен к русским, служит в полку боярина воеводы В.В. Бутурлина и лечит солдат русской армии («государевых ратных людей»), вылечив 125 человек «всяких чинов людей», а затем в 1657 г. его отправляют из Киева в Москву. 17 мая 1659 г. он был зачислен на службу лекарем в Аптекарский приказ (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 987. Л. 1—4). С этого вре-

мени карьера крещеного в лютеранство еврея начинает неуклонно развиваться, и он поднимается по иерархической лестнице службы придворных медиков. 22 марта 1667 г. Фунгаданов получил звание поддоктора («написан в список под докторами»), причем он сам подал прошение о повышении в чине. 25 марта 1672 г., после 16 лет службы «у дел в Аптекарском приказе», царь Алексей Михайлович назначил Фунгаданова доктором, учитывая его несомненные заслуги, профессиональные достижения и личные качества, что было подтверждено жалованной грамотой, датированной 3 августа. Таким образом, выкрест получает высший чин в служебной медицинской иерархии, поскольку теперь он как лейб-медик (то есть придворный врач) в звании доктора был обязан следить за здоровьем царя и только при надобности мог обращаться к аптекарям или лекарям. Кстати, пример Фунгаданова доказывает, что бывшие военнопленные, как и добровольные иммигранты в России, могли достичь довольно высокого положения при царском дворе.

При следующем монархе роль Фунгаданова как медика еще более возрастает. По свидетельству путешественника, дипломата и автора записок о политической, экономической и культурной жизни Русского государства в 70-х гг. XVII в. Я. Рейтенфельса, царь Федор Алексеевич оказывал ему особенное расположение. Например, его первый врач мог один входить в личные покои царя и служить ему в качестве спальника в опочивальне, что свидетельствует об особо доверительных отношениях между ними. О жизненном пути и карьере Фунгаданова сообщает в своих «Записках о Московии» Ф. де ла Невиль, французский дипломат, находившийся на службе польского короля Яна III Собеского и побывавший с поручением в России в 1689 г. Как известно, жизнь Фунгаданова оборвалась трагически: во время стрелецкого бунта 17 мая 1682 г. он погиб (разрублен на куски) вместе со своим 22-летним сыном Михаилом Даниловичем (до крещения в православие Леви-Гирш) от рук восставших стрельцов, подозреваемый в различных интригах и заговорах, в том числе обвиненный в колдовстве и отравлении Федора Алексеевича. От него пытками добивались признания в злодеянии, но не получили желаемого результата и казнили. При этом нельзя совсем исключать связь гибели Фунгаданова с его еврейским происхождением.

Как уже отмечалось, не то что карьера, но даже постоянное жителство иудеев в России в XVII в. были невозможны, хотя здесь имелись и свои исключения. Вообще врачи-евреи тогда могли обосноваться здесь, только приняв протестантское или православное ве-

роисповедание. Поэтому при поступлении на службу в Аптекарский приказ фон Гаден крестился по лютеранскому обряду и стал Даниилом Фунгадановым. (Известно, что в тот период в России свобода в осуществлении религиозных потребностей у протестантов была шире, чем у католиков; лютеране пользовались особыми привилегиями.) По утверждению оставившего свои мемуары «Краткое известие о русской торговле...» члена шведской дипломатической миссии в Москву И.-Ф. Кильбургера, врач прежде переходил в католическую веру, однако на этот счет какие-либо объективные свидетельства отсутствуют и, скорее всего, оно было основано на распространяемых в то время слухах. В декабре 1667 г. Фунгаданов с женой приняли в православие, за что удостоились от царского двора новых платьев. С этого времени Даниила Фунгаданова стали звать Степаном, и в «Списке чиновных людей-иноземцев (докторов, аптекарей, алхимистов, окулистов, лекарей и толмачей)», составленном в апреле 1672 г., он записан как доктор Стефан Фунгаданов (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 979. Л. 1). Такой поступок медика легко объясним: его семья, очевидно, намеревалась навсегда устроиться в России, и чтобы быть ближе к царю, необходимо было скорректировать религиозную составляющую своей жизни. Подобный факт в российской истории если и нельзя назвать исключительным, то можно рассматривать как достаточно редкий: при зачислении на службу в Аптекарский приказ Фунгаданов крестится по лютеранскому обряду, а после получения звания поддоктора принимает православную веру. Скорее всего, этот шаг обеспечивал ему полную интеграцию в русское общество и необходимую стабильность и безопасность. Действительно, когда в августе 1668 г. польский король Ян II Казимир потребовал от русского царя освободить военнопленных, и Фунгаданова в том числе, московские власти в ответ заявили, что врач уже стал русским подданным. Неоднократная смена веры привела к тому, что в различных документальных источниках его именуют по-разному: Данило (Данилко), Стефан (Степан) Ильин, Иевлевич (Евлевич), Фонгаданов, Жидовинов.

Недавняя статья немецкой исследовательницы С. Думшат «Карьера придворного врача Даниила Фунгаданова в свете современных культурно-исторических исследований об иностранных медиках в Московском государстве 15—17 веков» (Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сб. материалов конференций 2002—2004 гг. М., 2006. С. 356—367), занимающейся историей медицины в Московском государстве и связанной с ней проблемой причин и обстоятельств миграционных процессов того времени, посвящена его российской

карьере, омраченной обвинением в отправлении иудейских обрядов и совращении в иудаизм малолетних детей. Правда она только упомянула об этом примечательном эпизоде из жизни врача. На чем же основывались эти обвинения? Известно, что Фунгаданов являлся одним из важнейших покровителей небольшой еврейской колонии в столице, которая состояла в основном из приезжих купцов, обслуживавших царский двор, и его с женой многочисленные родственники, проживавшие в московском доме врача, оставались в своей прежней вере. Поэтому теоретически сохранялась возможность для подобных заявлений. В то же время медик не скрывал своих тесных семейных связей с иудеями, наезжавшими в Москву, причем нередкими были и взаимные посещения. Например, в декабре 1669 г. «бачкалвр медицины» Фунгаданов во время отпуска находился в Быхове, в котором проживали его дочь с мужем Иудой Исаевым; весной 1671 г. он проехал назад в Москву через Смоленск, где остановился у своей матери. Мать Фунгаданова гостила в столице у сына с лета 1673 до марта 1674 г., когда она покинула Россию в сопровождении четырех человек. В марте 1671 г. его жена Анна ездила в Польско-Литовское государство, чтобы проведать своих детей и мать, оставшихся в иудаизме. В июне 1675 г. его зять Иуда Исаев с «братьями-евреями» приезжал из Быхова в Москву, и т.д. Разумеется, что это делалось каждый раз с особого разрешения Алексея Михайловича. Более того, родственники Фунгаданова получали при отъезде казенные подводы и подарки соболями и деньгами от казны.

Следует заметить, что отношение к крещеному еврей-медику его западных коллег никак нельзя было назвать благожелательным. В подтверждение этих слов можно сослаться на фрагмент записок «Нынешнее состояние России...» англичанина доктора С. Коллинса, который около девяти лет провел при царском дворе Алексея Михайловича, исполняя обязанности его личного врача. Коллинс описывает состояние Российского государства в конце 50-х — 60-х гг. XVII в., систему его управления, быт и нравы населения, дает характеристику личности царя, его семьи и окружения. В главе XXIII придворный врач отмечает: «Жи́ды с недавнего времени очень размножились в городе (Москве — *Д.Ф.*) и при Дворе: им покровительствует лекарь-жид (почитаемый за лютеранского перекреста), который помогает в любовных делах Богдану Матвеевичу (Хитрово — *Д.Ф.*), заведывающему домовыми делами царя, и жил долго в Польше, доставляет ему полек». Хотя ничье имя здесь не названо, речь вполне очевидно идет о Данииле Фунгаданове.

Из архивных источников нам известно, что и другим выкрестам, в том числе из окружения Фунгаданова, также предъявлялись обвинения в «жидовстве». Так, в октябре 1666 г. царь Алексей Михайлович получил челобитную от находившегося под следствием патриарха Никона, в которой тот, в частности, объявил, что патриаршие дети боярские, крещеные евреи Демьян Иванов Левицкий («Демьянко жид», «Демьян евреянин», «Домиян») и Михаил Афанасьев («жид Мишка», «Михаил евреин») ездят из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в Москву, где «жидовствуют» вместе с государевым лекарем «Данилом жидовином» в его доме «на Поганом пруде» (по-видимому, на Неглинной улице у Пушечного двора). (Примерно то же самое уже низложенный и сосланный на север в Ферапонтов монастырь патриарх написал в своей челобитной царю в декабре 1671 г.) Несколько ранее Никона, но тогда же, в октябре 1666 г., Михаил Афанасьев подал в Москве донос, в котором обвинил патриарха в целом ряде преступлений. Одно из них состояло в том, что по приказу Никона Демьян Левицкий был подвергнут пыткам: выкрест получил 50 ударов и трижды был поднят на дыбу. От него добивались признания в «жидовстве» (то есть в отправлении еврейских обрядов) с лекарем Данилом — патриарх тем самым явно намеревался бросить тень на своего оппонента-царя. Однако Левицкий мучения выдержал, после чего был сослан с семьей в Иверский Святоозерский монастырь. Перед отъездом в разговоре с Михаилом Афанасьевым он подтвердил цель допросов: «чтоб ему, патриарху, будучи на Москве на Соборе при Вселенских патриархах, извещать на лекаря Данила, что он жидовствует, а великий государь принимает от него, лекаря, лекарства» (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 8. Л. 215—219). Проведенное по «извету» патриаршего слуги следствие, завершившееся в апреле 1667 г. на Соборе перед Вселенскими патриархами, признало несостоятельность выдвинутых против Левицкого и Афанасьева обвинений и признало их полную невиновность.

Между тем в РГАДА, в фонде Аптекарского приказа, сохранились и подлинные документы, которые раскрывают ход следственного дела о Данииле Фунгаданове. Оно состоит из челобитной лекаря Фунгаданова с жалобой на доктора А. Ингельгарта (Энгельгардта) в ложном обвинении его в жидовстве, расспросных речей («сказок») находившегося в 1660-х гг. в Москве газского митрополита Паисия Лигарида и других свидетелей по делу (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 751. Л. 1—18). Следствие было инициировано в марте 1665 г. самим Фунгадановым, который в челобитной на имя Алексея Михайловича

пожаловался на своего коллегу, «немецкого дохтура» (австрийца) А. Ингельгарта, в том, что тот рассказал Паисию и другим лицам, будто лекарь Данило «жидовствует и малых детей жидовству учит», а также просил устроить ему с Ингельгартом очную ставку. Кстати, в прошении он называет себя — Данилко Фунгавин. В распросе 29 марта митрополит показал, что о «жидовстве» Фунгаданова он сообщил близким к царю боярам князю Н.И. Одоевскому и П.М. Салтыкову, и что он составил и подал «сказку», в которой перечислены имена людей, якобы знающих о предполагаемом преступлении лекаря. Князь Одоевский передал объявленный Паисием список свидетелей боярину И.Д. Милославскому, а тот 2 мая «отдал имена» царю. В перечне зафиксированы следующие иностранцы: лютеранский пастор Б. Петров (Фаденбекс), полковники Г. Фанкампен (Фанканпен) и А. Гамонтон (Гамонт, Хамильтон), подполковники К. Гохиншилт (Хохеншилт) и А.Р. Цеев (Сей, Ценг), торговые люди Т. Мартьянов (Мартынович, Хюллинк), И.И. Фаншведен (Фунсвейдин, ван Свееден) и Е.Т. Фундергатен (Фундегатен, ван дер Гатен), грек И. Юрьев, аптекарь-алхимист М. Юрьев (Юриовиц), переводчик С. Щирецкий, а также московский стрелецкий голова Б.Г. Бухвостов.

Но еще раньше, 12 и 13 апреля, были опрошены два иностранца, проживавших не один год в доме Фунгаданова. Грек Ю. Дмитриев и голландский купец Ф.В. Брюкор сообщили, что никакого «жидовства» и собраний малолетних детей, где бы их обучали «жидовству», у лекаря не видели. По приказу царя боярин И.Д. Милославский провел допросы перечисленных в списке Паисия лиц и все они в один голос заявили: «что лекарь Данило жидовствует и малых детей жидовству учит», они не знают и ни от кого не слыхали, более того, газскому митрополиту об этом не рассказывали. Свидетели подтвердили, что Фунгаданов «крещен в немецкую веру, ходит молиться в немецкий костел («кирку») в Немецкой слободе и молится с ними по-немецки, а не по-жидовски», крестил же его в лютеранство пастор Б. Петров. Правда, полковник Фанкампен указал на доктора А. Ингельгарта, якобы сообщившего, что Фунгаданов «жидовствует и малых детей жидовству учит», о чем и рассказал митрополиту Паисию. Круг замкнулся, когда сам «обидчик» Фунгаданова, доктор Ингельгарт в допросе сказал боярину Милославскому, что «таких речей... не говаривал и сам он про то не ведает». Сейчас уже трудно определить: говорил или нет англичанин подобные «речи», пытался ли скомпрометировать Фунгаданова перед властями? Но в этой связи возникает вполне резонный вопрос: не случайно ли совпадение пусть

и не доказанных слов Ингельгарта и высокомерного отношения другого иностранного доктора, С. Коллинса, к Фунгаданову, которого мемуарист называет «жидом», видимо, не воспринимая всерьез крещение лекаря. Тем не менее поскольку все свидетели высказались в пользу выкреста-медика и удостоверили, что он является уважаемым членом протестантской общины, следствие было закрыто за отсутствием состава преступления и продолжения не имело. Таким образом, клеветническая кампания, развернувшаяся против лекаря Аптекарского приказа Даниила Фунгаданова в 1665 г., из-за которой он мог поплатиться головой, окончилась для него без каких-либо негативных последствий; более того, через некоторое время, как мы знаем, Фунгаданова ждало повышение в карьерной лестнице. Вполне возможно предположить, что данное событие в жизни медика подтолкнуло его к скорому крещению в православие, и между двумя этими фактами имеется определенная причинно-следственная связь.

Ченцова В.Г.

Данил Калугер/Даниил Грек/Даниил Оливеберг: неизвестные страницы биографии политического агента эпохи Богдана Хмельницкого

Одним из самых известных доверенных лиц и дипломатов запорожского гетмана Богдана Хмельницкого стал грек Даниил из Афин. В начале своей карьеры он был известен под именами архимандрита или «аббата» Даниила, Даниила Афинского, Данила Калугера (от греч. καλόγερος — монах), а позже стал называться Оливебергом, «Oliveberg de Graecani», получив это имя и герб от шведского короля Карла X Густава вместе с земельными владениями за службу шведскому двору (Knös В. Un délégué grec au service de la diplomatie suédoise au XVIIe siècle //L'Hellénisme Contemporain (2e sér.). 1956. Т. 10. Р. 418—454; Федорук Я. О. Два листи архімандрита Данила Афіньського і грека Федора Дмитрієва до царя Олексія Михайловича у 1656 році //Український археографічний щорічник (Нова серія). 2009. Вип. 13/14. С. 475—510).

Считалось, что сочинение архидьякона Павла Алеппского, описывавшего пребывание патриарха Макария Антиохийского в Киеве летом 1654 г., является самым ранним свидетельством начавшейся де-

тельности Даниила Грека в роли дипломата и информатора-посредника. Павел назвал его «отец Илия», указав, что этот священник, «грек родом, живущий в городе Париже, во Франции», приехал от шведской королевы к «гетману Хмелю» — Богдану Хмельницкому — с предложением военной помощи (Павел Алеппский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 2005. С. 169—170). Несмотря на иное имя, которое Павел Алеппский дал новому знакомому, «отца Илию» легко отождествить с Даниилом Греком, тогда же, в июле, отправившимся из Киева через Москву в Стокгольм.

Прибыв в Швецию в сентябре, Даниил Грек обнаружил, что его покровительница, королева Христина, отреклась от престола, а на трон вззошел Карл X Густав, который еще не определился с политикой в отношении Речи Посполитой и Войска Запорожского. Даниил был вынужден долго ждать встречи с королем, которая состоялась лишь 31 октября. После приема он написал письмо в Москву, подробно, в форме диалога, описав происшедшую беседу с новым правителем Швеции (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 522; Ченцова В. Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654—1658. Документы. М., 2004. С. 56—62). Не исключено, что в это время Даниил, не уверенный в собственном будущем после отречения Христины, попытался найти себе нового покровителя в лице русского царя. Впрочем, довольно скоро шведский риксдаг и король приняли решение о начале войны с Речью Посполитой, и услуги Даниила, продолжавшего посредническую деятельность между Богданом Хмельницким и шведским королем, оказались вновь востребованы, а переход на службу царю не состоялся. В январе 1655 г. он вновь отбыл из Стокгольма с письмами к запорожскому гетману.

Если ранее были известны и публиковались лишь фотовоспроизведения греческих подписей Даниила на письмах из стокгольмского архива, которые он писал по-итальянски, то московское письмо целиком написано по-гречески и является прекрасным образцом для сопоставления его почерка с другими документами. Именно это и позволило обнаружить, благодаря отождествлению писца с Даниилом Греком, еще одно написанное им греческое письмо, отправленное из Парижа в римскую Конгрегацию Пропаганды веры (APF. SOCG. Vol. 289. Fol. 191^r—194^v). Письмо, датированное 2 мая 1653 г., оказалось в группе документов, связанных с пребыванием во Франции трапезундского митрополита Кирилла. Кирилл, рукоположенный на митрополию константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом, однако, вынужден был бежать от преследований «в Ме-

грелии», якобы, из-за своей приверженности католицизму. Не получив поддержки в Риме, он отправился в Париж, где, впрочем, судя по содержанию письма, написанного от имени константинопольского протосинкелла Даниила Грека и иерусалимского протосинкелла Иоанникия Корнаро, митрополита стали обвинять в распространении еретического учения патриарха Кирилла Лукариса, смешении латинских и православных обрядов, непризнании власти римского папы и даже в гомосексуализме. Письмо было переслано для обсуждения в Конгрегации папским нунцием во Франции Николо Гвиди ди Баньо, получившим его, видимо, от Даниила в Париже.

Этот документ проливает свет на самое начало карьеры Даниила. Во-первых, как оказалось, он прибыл в Париж в качестве протосинкелла константинопольского патриарха, судя по всему, Иоанникия II, поддерживавшего тесные связи с французским послом в Константинополе и католическими миссионерами. Ранее считалось, что Даниила вовлек в дипломатическую деятельность бывший польский подканцлер Иероним Радзиевский, в 1652 г. вынужденный отправиться в изгнание и нашедший пристанище в Стокгольме и в Париже. Не исключено, что с Радзиевским, который ранее был секретарем королевы Людовики Марии, Даниил познакомился через папского нунция, находясь в Париже изначально по церковным делам константинопольского патриарха. Нунций Николо Гвиди ди Баньо происходил из мантуанской семьи, тесно связанной с родом Гонзага, к которому принадлежала польская королева Людовика Мария. Весьма вероятно, что нунций был лично знаком с королевой, поскольку до начала своей церковной карьеры сам был женат на представительнице этой семьи. Не удивительно, что позже Даниил в своих политических проектах военных союзов против Османской империи воспроизводит планы Карла Гонзага, герцога де Невера, предка королевы, мечтавшего в начале XVII столетия о крестовом походе, который могли бы поддержать восставшие пелопоннесские греки (Федорук Я.О. Політика Англії і антиосманська діяльність Даниїла Калугера у 1655 році //Український археографічний щорічник (Нова серія). 2002. Вып. 7/10. С. 232—242). Польская королева как все де Неверы гордилась тем, что в числе ее предков были византийские императоры Палеологи. Не удивительно, поэтому, что представители греческой диаспоры оказываются в числе желанных гостей всех, кто связан с родом Гонзага во Франции.

Не случаен и тот интерес, который, судя по сочинению Павла Алеппского, Даниил проявил к некоему «ученому мужу, великому фи-

лософу лютеранского исповедания», привлечшего к себе много последователей как раз тогда, когда «отец Илия» находился в Париже. «Философ» начал «жестoko нападать на папу многими действиями», в том числе и написав в Рим некое письмо, чрезвычайно разгневавшее римского понтифика. Речь в этой истории идет вовсе не о «лютеранском исповедании», внезапно распространившемся в Париже в начале 50х гг. XVII в., а об осуждении янсенизма папой Иннокентием X в 1653 г. в ответ на «Письмо одиннадцати епископов папе». Враги же янсенизма, в том числе богословы Сорбонны, обвиняли приверженцев учения Корнелия Янсения то в лютеранстве, то в кальвинизме.

Особую роль в распространении янсенизма во Франции сыграла семья Арно. Книга Антуана Арно «О частом причащении», опубликованная в 1643 г., произвела огромное впечатление на Людовика Марию в то время, когда она еще жила в Париже, а сестра автора, мать-настоятельница аббатства Пор-Рояль Мария-Анжелика Арно в течение долгих лет переписывалась с польской королевой. Таким образом, Даниил-«отец Илия» в Париже постоянно оказывался вовлечен в круг «дома Гонзага — де Невер» и польской королевы Людовики Марии, начав деятельность в политических интересах определенных кругов Речи Посполитой. Впрочем, восточноевропейские события являлись лишь частью более широких геополитических планов окружения Даниила Грека, которое не оставляло надежды на создание союза христианских государств для борьбы с Османской империей.

Николо Гвиди ди Баньо был титулярным архиепископом Афинским. Из Афин же происходил советник французского королевского двора и дипломат грек Леонардос Филарас, считающийся одним из первых борцов за освобождение Греции от османской власти. Возможно, Даниил каким-то образом оказаться связанным с Афинами именно благодаря этим парижским политикам или благодаря константинопольскому патриарху Иоанникию II. В московском письме Даниил называет себя архимандритом Преображенского монастыря Таос-Пендели близ Афин (ὁ ἐξ Ἀθηνῶν ἐξ-ἀρχιμαντρίτης τῆς Ταῶς). В 1680 г. 179 монахов монастыря стали новомучениками, потерпев жестокую казнь от османских властей. Не обнаружившимися ли контактами с вынашивавшими планы греческого освобождения представителями западноевропейской греческой диаспоры объясняется подобная жестокость в отношении насельников этой обители?

Писавший в 1655 г. трансильванскому князю Дьердю II Ракоци молдавский господарь Георгий Стефан обвинял «интригана», называющего себя архимандритом, в том, что тот перессорил все государ-

ства, переезжая от московского царя к иерусалимскому патриарху, а от него к грекам, от греков же к константинопольскому патриарху, а потом к сербам и боснийцам до Швеции, оттуда же — к казакам, а затем к валашскому господарю. Командовавший трансильванскими войсками Янош Борош тогда же сообщал своему правителю о том, что именно благодаря этому «казацкому попу», который «знает все секреты московского царя и казацкого гетмана», состоялся договор между Хмельницким и царем, и что он готов принять меры к тому, что тот «исчезнет», и от него более «не будет исходить опасность» (Okmánytár II. Rákóczy György diplomáciai összeköttetéseihez / Ed. S. Szilágyi. Budapest, 1874 (Monumenta Hungariae Historica. Ser. I. Diplomataria, 23). P. 223—224, 232—233. Сообщено Г. Карманом). Судя по всему, эти враги Даниила Грека преувеличивали его роль как в переходе Войска Запорожского под власть царя (Даниил появляется при Хмельницком лишь летом 1654 г. уже после Переяславской рады), так и в оказываемом им влиянии на европейскую политику. Антиосманские планы Даниила Грека в то время так и остались нереализованными, а дипломатическая активность не привела к созданию коалиции, способной противостоять Высокой Порте.

Чеснокова Н.П.

Анания Византиец и Иоанникий Ласкарис в просопографии синайских архиепископов

В силу особых отношений России и архиепископии Синайской горы просопография синаитов является важной частью просопографии всего Христианского Востока. В последние годы к существующим трудам, реконструирующим биографии синайских отцов (См. например: Παλαστράτου Ντ. Ὁ Σιναιτῆς Χατζηκυριάκης ἐκ Χώρας Βουρλά. Αθήνα, 1981; Фонкич Б. Л. Синаит Хадзикирьякис (несколько дополнений к биографии) //Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 206—213), добавились новые (Чеснокова Н.П. Синайский архимандрит Кирилл ; (Старый) и его знакомые в Москве //Каптеревские чтения. М., 2013. Вып. 11. С. 162—180; она же. Синайский архиепископ Анания: заметки к просопографии //Каптеревские чтения. М., 2014. Вып. 12. С. 60—81). При этом исследователи отме-

чают, что документы из отечественных собраний восполняют сведения, отсутствующие в зарубежных источниках.

Основной метод просопографии, заключающийся в выявлении общих черт и характеристик изучаемых лиц, мало пригоден для исследования синайского монашества. На Синай попадали люди, светские и духовные, из разных уголков восточнохристианского мира. В дальнейшем их объединяла сама принадлежность к монастырю св. Екатерины и его метохам, забота об их существовании, прежде всего, сбор милостыни во всех христианских землях, не только православных, но и католических, сохранение там постепенно сокращающихся владений монастыря.

В этом контексте особенно наглядны биографии синайских архиепископов Анании и Иоанникия, которые демонстрируют достаточно редкий случай, когда два лица в одной церковной области носят этот сан одновременно. О биографии архиепископа Анании в исторической литературе пишут немного, даже в греческих изданиях. Они передают только самую общую информацию об архиепископе, который за активное сопротивление с вселенскими, особенно с иерусалимскими, патриархами в конце концов был отлучен от церкви.

Воссозданная нами на основе греческих и русских документов биография Анании предстает следующим образом. Будущий архиепископ родился в Карамании (Восточная Писидия в Малой Азии), что дало основание иерусалимскому патриарху Досифею сравнивать его с «еретиком Севиром» из Писидии и утверждать даже, будто в юности он отпадал от христианства. Между тем Анания воспитывался в Константинополе, откуда, очевидно, и происходит его прозвище «Византиец», и скорее всего, получил столичное образование, т.к. в судьбе юноши принял участие Григорий, эконоом Великой церкви. Он же направил молодого человека на Синай, где тот принял постриг под именем Анании, стал прислуживать архиепископу Иоасафу, под влиянием которого и сформировались его взгляды на автокефалию Синайской горы.

Противостояние иерусалимских патриархов и синайских архиепископов, отстаивавших свою административную независимость, имеет давнюю историю. Позиция синаитов известна, главным образом, по источникам, происходящим из Иерусалима, в то время как аргументация самих синайских старцев изучена недостаточно. Одно представляется несомненным. За всеми тонкостями канонической и политической борьбы стоит вопрос материального положения епархий. Возможно, архиепископы не без причин обвиняли иерусалим-

ских первосвященников в том, что те препятствовали Синаю в получении помощи от христиан.

В 1660 г. Анания был избран на архиепископскую кафедру и на церемонии рукоположения 1 апреля 1660 г. отказывался письменно признать подчинение Синаю иерусалимскому патриархату, но под давлением патриарха Нектария, бывшего синаитом, все-таки сделал это. Вся деятельность Анании была посвящена служению интересам монастыря св. Екатерины и всей Синайской архиепископии. За активное отстаивание автокефалии Синайской горы Анания был вызван на патриарший суд, но предпочел не являться в Иерусалим и подал в отставку под предлогом слабого здоровья.

Его преемником и игуменом монастыря св. Екатерины был избран Иоанний Ласкарис (1671—1702), родом с Пелопоннеса, рукоположение которого состоялось в Иерусалиме. От времени игуменства Иоанния I дошло много письменных свидетельств, эпиграфики и документов. Особо следует отметить конструктивную роль архиепископа Иоанния в российско-синайских отношениях, зафиксированную в документах. Для Анании же синаиты добились сохранения им своего сана. С согласия действующего архиепископа осталось в силе и право Анании совершать архиерейские службы вне монастыря и владеть монастырской печатью.

Неординарная ситуация, когда в епархии существуют два архиепископа, титульный и действующий, порождает вопрос об их взаимоотношениях. По этому поводу доподлинно известно лишь мнение Досифея Иерусалимского, который писал, что Анания завидовал Иоаннию. Однако эта точка зрения принадлежит политическому противнику Анании. К тому же сам Досифей сообщал, что именно Иоанний в свое время похитил из кодекса иерусалимских патриархов листы с подписью Анании при его рукоположении и привез их на Синай.

После отстранения от руководства архиепископией Анания проживал в Каире. Этот факт можно расценивать как его нежелание постоянно сталкиваться с Иоаннием. С другой стороны, из Каира было легче совершать поездки в поисках материальной поддержки для монастыря, которые постоянно осуществлял Анания. И данное предположение подтверждают документы РГАДА. В 1682—1683 гг. по решению всех синайских старцев и с жалованной грамотой царя Алексея Михайловича 1648 года Анания отправился в Россию. Его путешествие в Москву не было обычной поездкой за милостыней, оно имело особую цель. Архиепископ впервые поставил вопрос о покровительстве русских государей монастырю св. Екатерины,

определении регулярной материальной помощи Синайской горе, устройстве в Москве подворья синаитов и выделении монастырю приписных владений. Эти просьбы не были московским экспромтом Анании, изложенные в ней идеи без сомнения обсуждались с действующим архиепископом Иоанникием, что тот позднее подтвердил в своих посланиях в Москву.

В итоге московского визита Анании синаиты получили традиционную милостыню в монастырь и новую жалованную грамоту. Однако его просьбы о покровительстве государей, подворье в Москве и приписных имениях не были удовлетворены. Но главное из желаемого синаиты все же получили несколько лет спустя во время приезда в Москву посланца Иоанникия архимандрита Кирилла. В важнейших документах, привезенных архимандритом с Синая, архиепископ Иоанникий сокрушался, что просьба о покровительстве Богошественной горе со стороны русских государей, выраженная Ананией, не нашла тогда благосклонного ответа. Свидетельство Иоанникия без всяких сомнений подтверждает тот факт, что в этом вопросе оба архиепископа были единомышленниками.

И еще одно обстоятельство говорит о солидарности Анании и Иоанникия в делах, касающихся интересов Синая. Несколько синаитов, осужденных соборным постановлением 1691 г. и отлученных от церкви вместе с Ананией, позднее появляются в греческих и русских документах как вполне легитимные представители монастыря св. Екатерины. Это значит, что Иоанникий не преследовал явных сторонников Анании после его кончины в 1692 г., а прах покойного был перенесен из Каира на Синайскую гору.

Архиепископ Иоанникий не бросал открытого вызова иерусалимскому предстоятелю и подписал необходимый для интронизации документ. Он понимал, что отстаивать интересы Синая можно было не только в открытой конфронтации с патриархами, как это делал Анания, но и формально подчиняясь им. Однако дипломатичность Иоанникия не спасла его от гнева Досифея Иерусалимского в связи с принятием Синая под высокую царскую руку. Впрочем, раздражение патриарха было вызвано, скорее всего, незнанием содержания жалованной грамоты 1689 г., где это покровительство было заявлено. По-видимому, Досифей получил представление о грамоте по слухам и воспринял ее как факт церковного переподчинения Синая московскому патриарху. Разумеется, ничего подобного документ не предусматривал (Чеснокова Н.П. Описание Синайской горы 1686 г. из собрания греческих грамот Российского государственно-

го архива древних актов //Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II — III. С. 423).

Двойной портрет синайских архиепископов создает единый образ руководителя епархии, радеющего за интересы Синая, несмотря на то, что в историографии Ананию принято считать едва ли самым одиозным из всех архиереев Богошественной горы.

Чумичева О.В.

Соловецкие пустынники XVII века Никифор, Тимофей и Дамиан: восстановление биографии на основе легендарного нарратива

Проблема житий святых, как особого типа исторического источника, рассматривалась многократно и в разном ракурсе: от полного отрицания ценности подобных текстов до наивного и безоговорочного их восприятия. В последние годы сложились методы работы с житиями и житийными сказаниями, дающие богатый материал для исторических исследований. Наиболее очевидный прием для начала — выявление жанровых стереотипов конкретного текста и индивидуальных, единичных данных о святом или блаженном (мирское имя, место рождения и прочие детали). Такой подход позволяет обозначить предельные рамки анализа. На этом основании можно рассматривать общую канву нарратива, отделяя убедительные факты от предполагаемых, выявляя возможные литературные источники, повлиявшие на построение текста.

В идеальном случае мы имеем и готовое, стилистически обработанное житие, и черновые записки — житийные сказания, собранные в процессе подготовки к канонизации и обладающие большей фактологической достоверностью. Для первой половины XVII в. далеко не всегда возможно сравнить нарративные источники с документами, где упоминается тот или иной персонаж, однако общий исторический контекст, установленный на основании делопроизводственных источников, дает дополнительные средства проверки достоверности житий.

В данном докладе попробуем проанализировать методы восстановления биографии трех соловецких пустынников первой половины

XVII века. Самой крупной и значимой фигурой из них является Дамиан (в схиме Диодор) Юрьегорский, основатель Троицкого Юрьегорского мон-ря в Каргопольском крае (совр. Пудожский р-н Карелии). О нем мы знаем больше всего; кроме того, он является центром притяжения для ряда других пустынножителей — а, с другой стороны, сам он принимает традицию пустынножительства у другого аскета — Тимофея. Новгородец Никифор входит в число других насельников «пустыни» Соловецкого архипелага, наряду с Ефремом Черным, Алексием Калужанином, москвичами Тихоном и Иосифом, Феодулом Рязанцем, Трифоном, Порфирием, Иосифом, Севастианом и др. В некотором роде, он типичный представитель этого типа не канонизированных, но традиционно почитаемых соловецких аскетов.

Основным и наиболее известным источником о жизни соловецких пустынножителей является «Соловецкий патерик» (Соловецкий патерик. М., 1991). Для интересующего нас периода он дает всего два сказания: «Пустынники Андрей, Дамиан, Адриан, Савва, Нестор» (С.74—77) и «Пустынник Никифор» (С.78—80). Как видим, здесь только Никифор Новгородец заслужил отдельное сказание. Некоторые пустынножители, в том числе Тимофей, лишь упомянуты вскользь в тексте, но не в названии статьи. Даже Дамиан Юрьегорский остается одним из пятерых, не более.

Другой источник — «Повести о пустынножителях Соловецкого острова» был опубликован Н.А. Петренко в 2001 году по рукописи РНБ, Солов. собр. 1195/1366, 1690-е гг. (Петренко Н.А. Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях //Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 491—506). Это сборник, составленный на основе кратких житийных записок, представленных в виде пяти повестей, которые в дальнейшем послужили основой для «Соловецкого патерика». Первая повесть об Андрее, вторая о Дамиане (в ней кратко упоминается Тимофей), третья о Никифоре, четвертая о Кириаке и безымянном пустынножителе, пятая о Несторе, Андреане (Адриане), Савве «и прочих». Повесть о Дамиане неоднократно подвергалась переработке и переписывалась самостоятельно, вне Патерика (Житие известно в четырех редакциях: Первоначальной — середины XVII в., в первой части близкой к Повести, а во второй — значительно дополненной юрьегорскими событиями; Распространенной — 1660—1670-х гг., в которой усиленна стандартизация текста и адаптация его к жанру жития, как таковому; Сокращенная и Краткая — обе упрощают сюжет, делают повествование более гладким и стройным; кроме того, текст был существенно переработан

для издания XIX в., утратив большую часть индивидуального рассказа (Подробнее: Волкова Т.Ф. Житие Диодора (Дамиана) Юрьегорского // СККДР. Вып. 3 (XVII) в.) Часть 1. А — 3. СПб., 1992. С. 342—345; Чумичева О.В. Дамиан // ПЭ. Т. XIII. М., 2006. С. 704—706).

Повесть о Дамиане была включена в общее повествование о нескольких пустынниках и сохранила общую структуру: детство и обращение к аскетизму, обучение у старших товарищей, приобщение новых аскетов, основание монастыря и т.д. Будущий инок Дамиан, в миру Диомид, родился в благочестивой семье Иерофея и Марии, в селе, с 1559 г. относившемся к владениям Соловецкого монастыря. Примерно в 15 лет Диомид стал послушником, в 19 лет постриг от игумена Антония (между 1605 и 1612 гг.); духовным наставником молодого монаха стал иеромонах Иосиф, выходец из Новгорода. От него Дамиан слышал о подвигах пустынника преп. Андрея Соловецкого и других отшельников и загорелся идеей последовать их примеру. Он тайно покинул обитель и поселился в глубине Большого Соловецкого острова. За сорок дней скитаний он изнемог от голода, питаясь травой и водой. Соловецкие монахи обнаружили Дамиана и решили, что он мертв, однако юноша пришел в себя, не утратив намерений стать пустынником. Во время второй попытки он встретил в лесу двух отшельников и поставил хижину неподалеку от их келий. Затем он встречался и с другими многочисленными, как выяснилось, отшельниками архипелага. Многие из них удалились от мира в период Смуты. Некоторое время спустя игумен и собор монастыря постановили вернуть отшельников в общежитие, Дамиана доставили в обитель силой, заковали в железа и поместили под охраной в больничные кельи. Он бежал и снова поселился в лесу, где его навещал родной брат, также соловецкий инок. Весной Дамиан покинул острова и отправился на р. Онега. Далее перешел на Юрьеву гору рядом с Водлозером, где начал обустройство кельи, а затем и малой аскетической общины, официально учрежденной по царской жалованной грамоте 1637 г. (Чумичева О.В. Дамиан).

В Повести о Дамиане и в его Житии упоминается встреча с другим пустынником, Тимофеем, и даны краткие сведения о нем: он оставил отеческий дом в Алексине во время Смуты и из Архангельска на малой лодке приплыл на Соловецкий остров, где соорудил себе хижину, в которой прожил много лет, питаясь травой. Пример пустынников вдохновил прп. Дамиана на выбор жизненного пути (Петренко Н.А. Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях. С. 498—499). Повесть о Никифоре рассказывает о его трудах в Соло-

вещком монастыре, причинах обращения к аскетизму — важной является чтение книг, практике пустынножительства и последних годах жизни. В отличие от Дамиана, Никифор не является организатором монашеской общины или учителем. Пустынник Никифор Новгородец пришел в Соловецкую обитель в 1602 г., «юнь леты, но старь разумомь». Он был сыном новгородского священника и с измальства избрал для себя духовный путь. Пройдя послушание трудника, но не довольствовался этим. Имевший дар слез, Никифор часто сокрушался о грехах мира и всей душой стремился к любви Божией. Он умолял постричь его, однако руководство монастыря, из-за юного возраста и чрезмерного благообразия Никифора, считало это преждевременным. Родители писали ему в монастырь с просьбой вернуться домой. Юноша вспомнил слова Евангелия о необходимости оставить отца своего и мать свою, категорически отрекся от родителей и от возможности встретиться с ними в земной жизни. Никифор проявлял предельное послушание, усердно трудился на всех хозяйственных службах, куда его направляли. Любимой книгой стало для него Житие отшельника Марка Фряческого, во время чтения однажды он вскочил, снял с себя пояс и сандалии и «во единой свитце серой потече в лесь внутрь острова». Двенадцать лет он жил в посте и молитве. После его пострига пустынный иеромонах Мисаил. Еще три года провел Никифор в пустыне, скончался он в 1617 г. (Петренко Н.А. Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях. С. 498, 502—503; Соловецкий патерик. С. 78—80; Чумичева О.В. Ефрем, Никифор (†1617), Иосиф, Тихон, Феодул, Пофирий, Трифон, Иосиф, Севастиан, Тимофей, Савва (†1636), Нестор // ПЭ. Т. XIX. М., 2008. С. 78—79).

Перед нами разные типы поведения: одинокий и тихий старец Тимофей передает наставления молодому и полному энтузиазма Дамиану, который уже на первом этапе устанавливает широкую сеть связей с другими отшельниками, а после побега из Соловецкого монастыря собирает вокруг себя других аскетов и проходит длинный и трудный путь создания монастыря (вопреки проидам бесов в облике крестьян и негативному отношению владетельного общежительного монастыря). Никифор трудится в большой обители, но стремится к уединению, которое обретает в лесах, а к концу жизни возвращается в монастырь, не вступая в конфликт с руководством обители.

На основе этих текстов представляется возможным проанализировать два базовых шаблона (открытое и закрытое поведение пустытника), выделить стандартные элементы (благочестивое воспитание, раннее, еще детское стремление к монашеству, знакомство с аскетическими

идеями и практикой, преодоление препятствий и т.п.) и обозначить специфические жизненные детали (имена, топонимы, уникальные события). В процессе анализа будет представлена не только историческая канва жизни каждого из трех пустынников, но и показаны методы, позволяющие определять достоверность того или иного сообщения.

Главная цель данного доклада — выявить основные закономерности репрезентации соловецких пустынников первой половины XVII в. в контексте формирования общего образа Соловецких островов, как сакрального пространства, обладающего исключительными условиями для достижения аскезы и построения праведной жизни. Необходимо особо остановиться на причинах противоречивого отношения к аскетам со стороны общежительного монастыря, который то поддерживал пустынничество, то пытался его ликвидировать, то снова поддерживал. Все это было частью развития глобальной соловецкой легенды — от истории основателей обители, преп. Зосимы, Савватия и Германа; важно понять, что происходило в первой половине XVII в., накануне церковной реформы и Соловецкого восстания. Биографии конкретных людей становятся понятными лишь при наложении проверенных фактов на сведения о более широком историческом контексте.

Шамин С.М.

Мученик за старую веру Акинфий Сычев (Сысоев) и его историософские взгляды

Имя Акинфия Сычева уже привлекало внимание исследователей. В XIX столетии выписки о нем делал в Московском главном архиве МИД кто-то из ученых, занимавшихся старообрядчеством (РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 942). Позднее его истории кратко касался А.С. Лавров (Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700—1740 гг. М., 2000. С. 252). Однако сколько-нибудь развернутых исследований жизни этого замечательного представителя своей эпохи до сих пор нет.

Данные о нем сохранились в розыском деле Тайной канцелярии (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 359), чьи следователи сохранили для истории огромные массивы разнообразной информации о своих современниках. Расследование о Сычеве началось 11 августа 1733 г. с обыденной для XVIII в. ситуации — подачи милостыни заключенным. Охранников насторожило, что один из жертвователей, подавая деньги

колодникам-старообрядцам, убеждал их мужаться и крепиться: «пришед к духовной дикастерии и подал милостыню колодникам, которые держатся в расколе, и увещая им говорить, дабы оне мужались и укреплялись, бодрствовали». Его схватили. Задержанный назвался дворцовым крестьянином Акинфием Сычевым (позднее выяснилось, что он изменил свою фамилию, а на родине его звали Сысоевым). О себе он рассказал, что родился в дворцовом селе Любицы Переславского (Рязанского) уезда (ныне село Любичи Луховицкого района Московской области) в крестьянской семье, рано осиротел и кормился работой, переходя из одного крестьянского двора в другой. В селе Ловцах (12 км вниз по Оке) Акинфий нашел себе жену, но три года спустя овдовел. Позднее он ходил на стругах в Москву. От старообрядческих симпатий заключенный не отпирался, а наоборот, подчеркивал свою приверженность дониконовским обрядам: «И впредь в той своей противности быть хошет до кончины своей». Дачу милостыни он объяснил тем, что увидел, как тюремные сидельцы крестятся двуперстным сложением. Очевидно, что задержанный бросал властям вызов.

У арестанта обнаружили маленькую тетрадку, которая и стала против него основной уликой. Это десять страниц форматом в восьмую часть листа. Первые три строки первого листа занимает запись полууставом: «Ему радоватися, сообщатся делом его злым». Это слова из Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова (2 Ин. I, 11). Самостоятельного смысла в них нет. Выписаны они, очевидно, как напоминание обо всем послании. Основное же содержание данного послания — призыв не принимать у себя и не приветствовать тех, кто не исповедует веру Христову.

Далее в тетрадке следует текст «Сказания о двух старцах» в редакции 1731 г. с заглавием: «Список из гозеты об Ыле и Енохи», выполненный четкой, хорошо поставленной скорописью, характерной для подъячих. Поскольку текст содержит большое число ошибок и диалектизмов, можно предположить, что его писали где-то в провинции. Данное сочинение представляет собой перевод протестантского памфлета. Оно рассказывает о появлении в некоем городе (названия в разных редакциях менялись) двух пророков, в которых образованный читатель легко узнавал Илию и Еноха. Пророки извещали людей о начавшемся конце света, этапы которого растягивались на десятилетие. Поскольку первые события, описанные весьма расплывчато (война, мор и т.д.), совпадали с происходящим, у читателя на некоторое время возникало ощущение правдивости пророчества. Памфлет представлял собой своеобразный вариант «вирусных» политтехно-

логий, призванных активизировать церковную жизнь в преддверии якобы наступившего судного дня. Данное сочинение многократно проникало в Россию на протяжении XVII и XVIII вв. В Тайной канцелярии имеются и другие дела, связанные с преследованием распространителей текста (Белянкин Ю.С., Шамин С.М. «Сказание о двух старцах»: европейский памфлет и старообрядческая культура XVIII столетия // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск 8 (в печати); Белянкин Ю.С., Шамин С.М. «Сказание о двух старцах» в редакциях 1694 и 1695 гг.: предсказания пророков с острова Мальты в старообрядческой книжной традиции // Каптеревские чтения — 13. М., 2015. С. 159—178).

Две с небольшим странички тетради занимают выписки из Евангелия от Матвея. Для переписчика оказались важными строки, в которых передан призыв Христа к апостолам проповедовать его учение: «Не стежите ни злата, ни се[ребра], ни меди при поесех ваших, ни суммы на пути, ни [дву] ризы, ни сопог, ни жезл[а, и]бо есть делотель мзды своея [...]. Аще [...] во град или весь внитите, испытайте кто в нем достоин есть и [...]дите донде же въздет. Входящее же в дом целите его глаголяще: «Мир дому сему». Но аще буде достоин, придет мир ваш на нь. Аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится. Иже аще не примет вас, ни же послушает словес ваших, исходящее из дому или из града того, отрясите прах нох ваших. Аминь. Глаголю вам, отраднее будет земли Содомской и Гоморстей в день судны, внеже граду тому» (Мф.10:9—15). Характерно, что слова «аминь», являющегося завершающим для молитв и псалмов, в Евангелии нет. Следующая ниже строка текста, обещающая наказание для тех, кто не примет слово Божие, отделена в тетради визуалью. Таким образом, предшествовавший фрагмент евангельского текста имел для владельца тетради значение замкнутого информационного блока. При таком прочтении он выглядит как инструкция для странствующего проповедника.

В конце тетради помещена молитва, разбитая на пять пронумерованных строк: «1. Боже, очисти мя грешнаго. 2. И помилуй мя. Созда[выи] мя Господи, помилуй мя. 3. [Без] числа греших, Господи, прости мя [...]. 4. [Боже, милости буди] мне грешному, прости беззакония [и] согрешения. 5. [Пресвятая] Владыка моя Богородица, помилуй мя и спаси мя, и помози ныне в жизни сеи, и будущем веце».

Следует признать, что, несмотря на небольшой размер тетради, она содержит весь необходимый комплекс текстов для обоснования проповеднической деятельности противников церковной реформы Патриарха Никона. Послание Иоанна Богослова запрещает общаться с ве-

роотступниками, «Сказание о двух старцах» сообщает, что конец света наступает прямо сейчас, и времени на неспешную жизнь не осталось, Евангелие требует проповеди и объясняет, как ее вести, а молитва позволяет поддержать дух проповедника. При этом сомнительным с точки зрения властей мог выглядеть лишь текст «Сказания». Люди, распространявшие «Сказание» при поимке бывали биты кнутом, а то и вовсе отделялись переживаниями во время беседы со следователями.

С материалами допроса в московской конторе Тайной канцелярии ознакомился С.А. Салтыков, который после отъезда двора из Москвы был оставлен здесь главнокомандующим. Он счел материал достаточно значимым, чтобы сообщить о нем в столицу А.И. Ушакову. Глава Тайной канцелярии уже сталкивался с данным текстом. Реакция последовала 19 сентября. Московским служащим Тайной канцелярии предписывалось выявить родственников арестованного, произвести у них обыск, изъять книги, а самих взять под караул. В Москве должны были выяснить, не найдется ли у них чего-нибудь «приличного к злодейству».

20 сентября из Петербурга был послан приказ тайно отравить по месту жительства арестанта лейб-гвардии офицера и солдат для выявления родственников, а также производства обыска и выемок. У самого задержанного предписывалось взять пробу почерка и немедленно прислать в Петербург вместе с изъятой тетрадкой. Дело рассматривалось на самом высоком уровне: «И для общего разсуждения об оном Тайной канцелярии определении доложить в кабинет ея императорского величества присутствующим господам министрам тайным действительным советником и кавалером графу Андрею Ивановичу Остерману, князю Алексею Михайловичу Черкасскому». Столь пристальное внимание петербургских властей ускорило продвижение расследования. Тетрадка отправилась в северную столицу уже 27 сентября. Приложить к ней образец не удалось, поскольку подследственный заявил, что писать полууставом не умеет.

Следствие выяснило, что арестант давал неверные показания. Проведенный на месте розыск установил, что на самом деле зовут его Акинфий Сысоев, а в селе Белоомут (в 14 км от названного подследственным села Ловцы) живут его брат, сестра и жена. На вопрос следствия о причине сокрытия родственников Сысоев ответил, что хотел защитить их от ареста. Конечно же, взяв похожую фамилию и выбрав в качестве фиктивного места жительства деревню в трех часах пути от дома своей семьи, он поступил неосмотрительно. Однако вряд ли Акинфий изначально предполагал, что следователи настоль-

ко заинтересуются им, что всерьез займутся изучением его окружения в далекой деревне на берегу Оки. Впрочем, ничего запрещенного у родственников не нашли. Попутно следователи установили, что Акинфий и до задержания вел агитацию в пользу старообрядчества. Внимание дознавателей привлек крестьянин Печикин. Ему обвиняемый пытался доказать правильность принятого у старообрядцев сложения перстов, зачитывая печатную Псалтырь, которая была издана при Михаиле Федоровиче. Этой книги при задержанном не оказалось. Данных о том, откуда она взялась и куда делась, нет.

Попытки следователей выяснить происхождение «Сказания» вели в тупик. Владелец рукописи утверждал, что списал ее в Моршанске у неизвестного человека: «А вышепомянутой расколник Акинфией сказал, та-де тетрадка писма руки ево, Акинфиевой, а списал он ее в Танбовском уезде в селе Морше на торгу у мужика, а какова чину и где сыскать, не знает». Это утверждение плохо стыковалось с его прежним отказом оставить образец почерка из-за неумения писать полууставом.

Дальнейшее расследование проходило уже в стенах московского Сыскаго приказа, куда Акинфия перевели для следствия под пыткой. После первого подъема на дыбу он изложил свои взгляды на конец света. По его мнению, упомянутое в Апокалипсисе рождение первого зверя — это рождение императора Петра I. Следствие продолжилось в канторе Тайной канцелярии. Здесь арестант долгое время ничего не говорил, а потом потребовал Апокалипсис и по нему обещал все объяснить.

Так мировоззрение Сысоева нашло отражение на страницах документов. Оказалось, что он видит прошлое России через призму Апокалипсиса. Заключенный показал, что в 13 главе напечатано: «Виде из моря зверь исходящ, имущ глав семь и рогов десять, и на розех его венец десять, а на главе ево имяна хулна». Эти семь глав, по мнению крестьянина, — русские цари Иван Васильевич, Федор Иванович, Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Иоанн Алексеевич, Петр I, Петр II. Любопытно, что историческая память обычного человека начала XVIII столетия простиралась до XVI в. Как видим, из его исторической перспективы пропали правители Смутного времени и царь Федор Алексеевич, заслоненный младшими братьями. Скорее всего, последовательность предшественников Петра I Сысоев запомнил по отчествам. Нарушающие воображаемую прямую линию наследования правители просто выпали из нее. Государи, правившие до отбросившего старую веру Алексея Михайловича, не отделяются в сознании Сысоева от его преемников.

Слова о том, что у апокалиптического зверя «на рогах венеч десять», Сысоев объяснил попыткой верховников ограничить императорскую власть после смерти Петра II. Каждый из них представлялся старообрядцу царем, но второго порядка: «То есть десять царей же, которые по кончине втораго императора хотели царствовать, и присяга им была, и царства не приняли, а кто имянно, того он не знает». Из этих слов ясно, что до Сысоева дошли слухи о «кондициях», подписанных Анной Иоанновной, однако были переосмыслены в более привычном термине «присяга».

Мы видим, что история России, по мысли Сысоева, была предсказана в Апокалипсисе. Апокалипсическое чудовище сливается у крестьянина-старообрядца в единый образ государственной власти. В этом он близок взглядам А.Н. Радищева, чье определение государства («чудище обло озорно огромно стозевно и лаяй»), поставленное эпитафией к «Путешествию из Петербурга в Москву», стало крылатым.

Толкуя слова Апокалипсиса про «имяна хулна», подследственный перечислял богослужебные реформы второй половины XVII в., приписывая их Петру I, а также то, что «насили платье немецкое, и бороды и усы брили, и носили же парики других волос, а другие свои ж волосы ростили болшие по-женски». Очевидно, что последнее воспринималось как зримый символ всех неприемлемых новшеств (Akelev. E.V. The Barber of All Russia: Lawmaking, Resistance, and Mutual Adaptation during Peter the Great's Cultural Reforms // *Kritika Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016., № 17(2). P. 241—275). Сысоев утверждал, что так стало при Петре I, продолжилось при Петре II и продолжается ныне. Как видим, роль царя Алексея Михайловича в расколе и преследовании старообрядцев в 1730-х гг. на низовом уровне старообрядчества могла уже не осознаваться, деятельность второго Романова затмили петровские реформы. Сознание Сысоева создавало преувеличенный в отношении реальных исторических событий образ главного злодея прошлого, разрушившего русское благочестие.

Власть императоров, начиная с Петра, Сысоев объяснял силой дьявола. Императрицу, как воплощение сатанинского образа, он обвинял в прелюбодеяниях и пьянстве. Именно в действующей правительнице заключенный видел главное сосредоточие зла: по приказу императрицы за веру замучены святые, а ее имя написано тайно, как Вавилон — «велики мати любодейцам и мерзостем земским показывает». Впрочем, образ Вавилона для него больше, чем имя государыни. Петербург — это тоже Вавилон, который погибнет, когда исполнятся сроки по Апокалипсису. Года, когда это событие произойдет,

Сысоев назвать не смог, но, учитывая переписанное им «Сказание», ожидал он гибели новой столицы очень скоро. Аналогичным образом смерть ждала и Анну Иоанновну: «Как придет царь Михаил, тогда-де она, государыня, будет убиенна и сожжена от вышепомянутых десяти цареи».

Неожиданным кажется заявление Сысоева, будто бы при конце света «гроб Петра Первого ис Питербурха принесен будет в Москву». Казалось бы, что царь-злодей должен быть уничтожен вместе с созданным им Петербургом-Вавилоном. Очевидно, потребность исправить нарушенную историческую норму — похоронить правителя в Москве, а не в другом городе — для Сысоева оказалась более значима, чем ненависть к царю-реформатору. Итоговая победа над злом не могла не сопровождаться восстановлением утвержденной веками русской истории нормы. Очевидно, что в восприятии прошлого у Сысоева смешались реальность и выдумки, обусловленные мифологическим характером его мышления.

Рассказывая о своих взглядах, Сысоев не мог не понимать, что подписывает себе смертный приговор. Вымученными эти показания тоже считать нельзя — следователи спрашивали его о сообщниках, а не о взглядах. Кроме того, высказав все, что думает о власти, он перестал давать показания, несмотря на жестокие пытки: его пытали трижды — поднимали на дыбу и жгли огнем «накрепко». В Сыском приказе в рассматриваемое время придерживались правила «трех пыток», т.е. если пытаемый после трех истязаний не давал на себя показаний, то его освобождали (Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730—1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4—1. С. 13—26). Материалы розыска показывают, что Сысоев был достаточно сильным человеком, чтобы «перемолчать» следствие. Не испытывал он и стремления к богословским диспутам. С присланным для беседы священником церкви Харитона Исповедника, что в Огородниках, Сысоев разговаривать не стал. Единственную причину для откровенности со следователями можно видеть в желании старообрядца рассказать властям истину и стать мучеником за веру. Если это действительно так, то он добился успеха. Протоколы его допроса отослали в Петербург. До суда и неминуемой казни Сысоев не дождался. Он умер 8 июля 1734 г., отказавшись перед смертью от исповеди выделенному для его «исправления» священнику. Родственникам запретили рассказывать о нем.

*Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В.,
Решетова И.К., Тарасова А.А., Шведчикова Т.Ю.,
Васильева Е.Е., Панченко К.И.*

История идентификации ректоров, преподавателей и студентов Московской духовной академии при раскопках Академического некрополя

В связи с подготовкой к празднованию 200-летия пребывания Московской духовной академии в стенах Троице-Сергиевой лавры Подмосковная экспедиция Института археологии РАН в 2014 г. исследовала находившийся на ее территории некрополь Академии.

В советские годы поверхность некрополя была полностью спланирована. Именно поэтому, для установки памятных знаков на могилах выдающихся преподавателей академии, были необходимы археологические исследования, основными целями которых стали локализация, определение структуры, планиграфии, временных рамок существования кладбища и персонификация отдельных погребений.

Как известно из письменных источников, с начала XIX в. местом погребения преподавателей Академии, их родственников и студентов были некрополь лавры, монастырский некрополь, кладбища приходских церквей Сергиева Посада и другие места. Только в 1871 г. было положено начало формированию особого академического некрополя. По просьбе ректора протоиерея А.В. Горского и по благословению митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова) в западной части сада, смежной со Смоленским кладбищем, был выделен небольшой участок, находившийся в распоряжении академической администрации (Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев Посад: издательство Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1909. С. 290, 291). Кладбище в саду при Московской духовной академии просуществовало до 1919 г.

Здесь, в числе прочих, были захоронены преподаватели Академии, внесшие огромный вклад в развитие богословия и светской науки в России — ректоры Александр Васильевич Горский и Сергей Константинович Смирнов, а также заслуженный ординарный профессор, историк Русской Церкви, академик Императорской Академии наук Евгений Евстигнеевич Голубинский.

После закрытия Лавры и Академии некрополь стал постепенно разрушаться, а в 1930-х годах на его месте устроили спортивную

площадку. В 1948 г. Академия вернулась в родные стены. К тому времени надмогильные памятники и прочие признаки некрополя были уничтожены. В 1950-х годах по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I, на месте некрополя установили памятный знак.

Перед началом археологических работ были проведены историко-архивные и библиографические исследования. Одним из источников, содержащим сведения о погребенных в монастыре, является «Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года». В нем можно найти упоминание о шести захоронениях, совершенных в Академическом саду — ректора А.В. Горского, профессора П.С. Казанского, эконома Академии иеромонаха Ириней, студентов Академии В.Д. Головина, А.М. Борнукова и священника Ф.П. Филатова (Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2012. С. 67, 68). Кроме того, были просмотрены личные дела студентов, преподавателей и служащих Академии. Важным источником о захоронениях, совершенных на территории Академического некрополя, являются также некрологи, напечатанные в журнале «Богословский вестник», воспоминания воспитанников Академии и родственников ее преподавателей, другие работы. Проведена работа с архивными фотоматериалами по некрополю, а также личные дела студентов Академии, преподавателей, служащих и др.

На момент начала археологических работ в распоряжении археологов были две примерные схемы расположения могил. Одна из них составлена протодиаконом С.А. Голубцовым на основании воспоминаний внуки профессора Академии А.П. Шостыина (Голубцов С.А., протоиерей, 1982. Московская Духовная Академия. Строительство и хозяйственно-экономическая деятельность Правления Академии, 1870—1919 гг. Т. I. Ч. I. М. Машинопись. С. 816); вторая — составлена о. игуменом Герасимом на основании его работы с архивными источниками.

Перед началом археологических исследований были проведены комплексные геофизические (георадарные, магнитометрические) обследования территории некрополя. В ходе этих работ было выявлено три ряда погребений, что на тот момент не соотносилось со схемами расположения погребений, сделанными при изучении архивных материалов.

Археологические исследования начались с центральной части предполагаемого участка некрополя, что было обусловлено результатами георадарного обследования и данными, полученными из архив-

ных источников. В результате, на глубине около 50 см от современной дневной поверхности, были обнаружены три основания намогильных памятников, располагавшихся в один ряд по оси север — юг.

В ходе расчистки этих оснований обнаружено значительное количество осколков черного габбро (около 100 фрагментов), серого гранита (около 500 фрагментов) и мрамора светло-серого цвета (около 60 фрагментов); часть из них — фигурные, с фрагментами надписей. Они определены как следы разрушения намогильных памятников бывшего здесь некрополя.

Расположение и внешний вид оснований памятников соотносится с архивным фото 1910-х годов, предоставленным сотрудниками Академии, на котором видны центральные могилы Академического некрополя.

Кроме того, по воспоминаниям дочери профессора А.П. Шостыина Ариадны Александровны, записанными протодиаконом С.А. Голубцовым в 1970-х годах, «дорожка, расположенная по центру кладбища и параллельно чертогам, подводила к могиле С.К. Смирнова...» (Голубцов, Указ. соч. С. 81а). При сопоставлении схемы расположения оснований памятников с планом Лавры 1902 г., изображенная на нем дорожка подводит к основанию памятника. Соотношение высотных отметок оснований памятников и их размеров с фотографией позволило идентифицировать эти погребения как места захоронения Е.Е. Голубинского, А.В. Горского и С.К. Смирнова, не прибегая к вскрытию самих могил.

После идентификации этих трех погребений археологические исследования были продолжены в двух направлениях — к северу от могилы С.К. Смирнова и к югу от места погребения А.В. Горского. По данным, полученным из архивных источников, к северу от захоронения С.К. Смирнова должно было располагаться шесть погребений, причем, из воспоминаний А.А. Шостыиной известно, что от стены Чертогов до центра могилы А.П. Шостыина расстояние составляет 18,65 м (Голубцов, Указ. соч. С. 81а). В ходе археологических работ в северной части некрополя было обнаружено несколько небольших оснований под намогильные памятники и пятна семи могильных ям.

По просьбе руководства Академии и родственницы одного из профессоров, погребенных на Академическом некрополе, для более точной персонификации погребений, расположенных в северной части раскопа, было принято решение о вскрытии и комплексном исследовании четырех могил к северу от захоронения А.П. Шостыина. В результате установлены личности шестерых погребенных академического кладбища в северной части раскопа. Это профессора акаде-

мии М.Д. Муретов, А.А. Спасский, С.И. Смирнов, А.П. Шостын, В.П. Лучинин, помощник инспектора В.Д. Металлов.

Одна из могильных ям принадлежит неизвестному мужчине 25—30 лет. Никаких сведений о том, кто был похоронен на территории академического кладбища в период между 11 марта 1917 г. (датой погребения М.Д. Муретова) и 8 января 1919 г. (датой погребения В.Д. Металлова), в архивных источниках и публикациях о некрополе обнаружено не было.

В ходе исследований к югу от могилы А.В. Горского, в том же ряду погребений обнаружено шесть оснований под надмогильные памятники. Кроме того, в юго-восточном углу раскопа зафиксировано пятно еще одной могильной ямы, что также не соотносилось с архивными данными.

Кроме того, на схеме игумена Герасима в этой части раскопа указано всего пять погребений, а на схеме протоиерея С.А. Голубцова — четыре.

Ввиду такого несоответствия, по просьбе Академии все погребения в южной части раскопа были исследованы полностью. В результате среди них были определены могилы профессоров академии Д.Ф. Голубинского, П.И. Горского-Платонова, П.С. Казанского, студентов В.Д. Головина, священника Ф.П. Филатова, эконома иеромонаха Иренея и инспектора Академии архимандрита Григория (Борисоглебского).

Для персонификации погребений профессорского состава, помимо всего прочего, применялась методика фотосовмещения, разработанная С.А. Никитиным. Захоронения лиц духовного звания персонифицированы по особому погребальному инвентарю, а студента В.Д. Головина — по следам от менингита на костях, послужившего причиной смерти. Интересно отметить, что погребение студента А.М. Барнукова археологическими работами не обнаружено, хотя его фамилия указана в «Списке погребенных» следом за В.Д. Головиным. Причем между могилами студента В.Д. Головина и иеромонаха Иренея имеется расстояние, достаточное для еще одного захоронения.

Поскольку данные, полученные в ходе геофизических работ в южной части площадки, не соотносились с разработанными ранее по архивным материалам схемами, по просьбе руководства Академии сотрудниками ИА РАН было решено проверить полученные данные археологическими методами. В результате обнаружено еще два ряда некрополя, образованных 12 погребениями. В настоящий момент достоверно удалось определить лишь одно погребение — студента Д.А. Любимова. Идентификация производилась, во-пер-

вых, по анализу следов на скелете, оставленных специфическим заболеванием, которое и привело к его смерти; во-вторых, погребальные сооружения полностью соответствуют описанию внешнего вида гроба и склепа Д. А. Любимова, приведенному в «Богословском вестнике» (Мартынов А. В., 1915. Академические письма к отцу // Богословский вестник. Т. 3. № 10/11/12. Сергиев Посад: издательство Московской духовной академии, 1915. С. 290).

Можно уверенно предполагать, что еще четыре захоронения представляют собой погребения студентов Д.А. Казанского, И.А. Малинина, А.Ф. Азбукина и И.И. Лаврова. Об этом говорит как юный возраст умерших, так и то, что все четверо были погребены в относительно краткий период — с конца 1892 г. до начала 1893 г. (могильные ямы расположены вплотную друг к другу и имеют одинаковую ориентацию).

Другие четыре погребения, несмотря на средний возраст умерших (30—45 лет), можно также отнести к разряду студенческих: на погребенных выявлена форменная одежда хорошей сохранности.

Интересны два погребения, расположенные несколько в стороне от студенческих захоронений южной части некрополя. Погребения эти, вероятно, были совершены практически одновременно (гробы расположены вплотную друг к другу, граница между могильными ямами не читается). Одно погребение принадлежит монаху в возрасте около 50 лет, второе — мужчине в возрасте старше 60 лет, облаченному в сюртук с золочеными составными пуговицами пока точно не определенного ведомства. (Для духовного ведомства характерны посеребренные пуговицы. Определение выполнено ст. научным сотрудником Орловского областного краеведческого музея А. В. Тихомировым).

Проверка результатов георадарных исследований в северной части площадки натурными исследованиями выявила еще восемь захоронений, предположительно совершенных в 1919—1923 гг. Пять из них, вероятно, принадлежат работникам и служащим Академии. Об этом говорят, во-первых, деревянные гробы, аналогичные по конструкции выявленным в захоронениях северной части первого ряда. Во-вторых, отмечен более солидный возраст погребенных (от 30 до 40 лет), а в одном случае он составлял свыше 60 лет. Захоронения могут быть связаны с тем, что не все работники и служащие смогли уехать из Академии после ее закрытия в 1919 г.

Три погребения северной части третьего ряда, вероятно, представляют собой захоронения учащихся Электротехнической академии, занявшей здание Московской духовной академии после ее закрытия в 1919 г. К этому предположению нас подталкивает юный возраст погреб-

бенных — 18—20 лет, а также несоблюдение христианских канонов при совершении погребений. (Одно погребение совершено головой на восток, в гробу другого оставлен сломанный молоток). Письменные источники того времени сообщают об эпидемии сыпного тифа в городе и, в частности, в стенах Лавры. Таким образом, не исключена вероятность вспышки эпидемии среди слушателей электротехнических курсов состава РККА. (Данная версия в настоящий момент уточняется, поскольку работа с архивными материалами еще не закончена).

Для всех вышеописанных погребений выполнена реконструкция внешности умерших с целью их возможной последующей персонификации в ходе продолжающихся архивных исследований.

Проведенные комплексные антропологические исследования позволили узнать о жизни погребенных, начиная от внешнего облика и портрета, до воссоздания отдельных аспектов их бытовой жизни (уровня физической активности, заболеваний, травмах). В отдельных случаях удалось определить причину смерти, что также позволило дополнительно идентифицировать личности погребенных. Удалось зафиксировать эпидемиологическое состояние исследованной серии на период конца XIX — начала XX в.

В результате проведенных археологических исследований определены границы Академического некрополя и его площадь, выявлен план некрополя, состоявшего из трех рядов погребений в северном и южном крыльях и одного ряда — в центральной части.

Антропологические исследования, судебно-медицинские экспертизы и архивные материалы позволили персонифицировать 17 погребений.

В ходе археологических работ установлено, что, не смотря на отсутствие внешних признаков некрополя, сами могилы не были нарушены. Выявлено несколько оснований надмогильных сооружений, послуживших ориентирами для локализации соседних погребений. Составлена база данных изображений погребенных, которых не удалось персонифицировать (или удалось, но с невысокой долей уверенности). Кроме того, выполнены 3D модели черепов из всех исследованных погребений для проведения дальнейшей работы по персонификации методом фотоналожения, который дает высокую точность результатов.

Выявлены некоторые особые маркеры, на которые редко обращают внимание в археологической практике — качество, конструкция и декор деревянных гробов; типология и состав зубных пломб, способы лечения зубов. Это позволяет уточнить некоторые социальные и хронологические аспекты.

С методической точки зрения, подобные работы уникальны для поздних объектов и демонстрируют важность совместной работы исследователей из разных областей науки, чем объясняется столь высокий процент персонифицированных погребений — на настоящий момент они составляют 60% погребенных.

*Энговатова А.В., Добровольская М.В., Медникова М.Б.,
Васильева Е.Е., Курицын М.А.*

История идентификации архиепископа Никона Рождественского в процессе археологических раскопок у церкви Сошествия Святого Духа в Троице-Сергиевой лавре

В 2009 г. на территории ансамбля Троице-Сергиевой Лавры были проведены археологические работы по надзору за благоустроительными работами на территории некрополя, расположенного с восточной стороны Духовской церкви.

Погребения с восточной стороны Духовской церкви стали совершать не позже середины XVI века. Сохранилось несколько документов, которые позволяют определить примерное расположение памятников XVI—XX вв., установленных над могилами погребенных. Кроме того, существует выполненная, предположительно, около середины 1920-х годов фотография части кладбища к востоку от алтарных апсид Духовской церкви, на которой видны некоторые из сохранившихся к этому времени памятников.

На исследуемой территории, согласно письменным источникам, находилось и захоронение архиепископа Вологодского и Тотемского Никона (Рождественского), члена Священного Синода. Однако информация о точном расположении могилы была утрачена. В конце XX века вблизи от предполагаемого места захоронения Никона был установлен памятник.

Архиепископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) (1851—1918 гг.), родился в селе Чашниково Верейского уезда Московской губернии в многодетной семье сельского дьячка. В возрасте пяти лет он ослеп на один глаз. Во время обучения в Московском духовном училище, Николай считался лучшим учеником, в числе прочего он занимался сочинительством, писал стихи, издавал журнал.

В 1874 г. поступил в Новоиерусалимский монастырь послушником, откуда последовал за настоятелем, отцом Леонидом (Кавелиным), назначенным наместником, в Троице-Сергиеву лавру. В Лавре он был послушником, а в 1880 году принял постриг с именем Никон. С января 1879 г. в течение последующих 25 лет был редактором «Троицких листков», религиозно-просветительского издания для народа, за которое в 1900 году удостоен Макарьевской премии. Занимал несколько административных постов в Лавре. Умер 30 декабря 1918 (12 января 1919 года) в Троице-Сергиевой лавре, где и был погребен.

До проведения археологических исследований, бытовало мнение о насильственной смерти архиепископа Никона. Считалось, что он подвергся нападению революционной черни, был жестоко изуродован и убит, а, возможно, и обезглавлен. Подтвердить или опровергнуть эти слухи так же стало одной из задач, поставленных перед исследователями.

Археологические работы по поиску истинного места погребения архиепископа Никона были начаты с анализа архивных источников.

Месторасположение памятника над погребением архиепископа Никона (Рождественского) — деревянного креста — упоминается в «Списке надгробий в бывшей Сергиевой лавре» (Перечень памятников, зафиксированных в «Списке надгробий в бывшей Сергиевой лавре» 1927 (?) года. С. 1).

Кроме того, на фотографии кладбища 1920-х гг, сделанного от северо-восточного угла Духовской церкви, виден деревянный крест, предположительно поставленный на могиле Никона Рождественского. Также на фото видны памятники и ограда семейного захоронения Мухановых. (Список погребенных в Троице-Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 14, 16). На фото видно, что могила архиепископа Никона (Рождественского) расположена к западу от семейного захоронения Мухановых. Также на фото можно проследить, что захоронение архиепископа Никона (Рождественского) было совершено напротив пятого с северной части окна Предтечинского корпуса братских келий, сохранившегося в настоящее время.

На основе всего комплекса сведений о погребениях к востоку от Духовской (Сошестввенской) церкви исследователи предположили, что место захоронения архиепископа Никона (Рождественского) находится в пространстве между центром алтарной апсиды храма и его северо-восточным углом по линии современных лип (напротив алтарной апсиды) и ели, растущей недалеко от северо-восточного угла здания. Ориентиром для расчетов послужило указание на местонахождение памятника князя П. Трубецкого, (†1871 г.).

В ходе археологических работ была обнаружена кирпичная кладка шириной 40 см, ориентированная по оси восток — запад. Сложена она из кирпичей, датируемых XIX в. Данная кладка была интерпретирована, как основание ограды семейного захоронения Мухановых, которая также была видна на фото 1920-х гг. Для подтверждения этого предположения с восточной и западной сторон раскоп был расширен. Северо-восточный угол кирпичной ограды был обнаружен в границах прирезки с восточной стороны участка. С западной стороны участка было зафиксировано продолжение кладки, которая в западной своей части оказалась частично разобранной. Общие размеры кладки, попавшей в зону исследования — 1х3,1 м.

В границах кладки были также зафиксированы своды двух кирпичных саркофагов, расположенных в одном ряду погребений — четвертом от Духовской церкви. Данные саркофаги были интерпретированы, как погребения членов семьи Мухановых. Уточнение месторасположения семейного погребения Мухановых позволило уточнить также месторасположение погребения архиепископа Никона (Рождественского), которое, согласно архивным данным, было расположено к западу от северо-западного угла ограды данного семейного захоронения.

Была выполнена прирезка к раскопу к западу от обнаруженного семейного захоронения Мухановых. В границах этой прирезки и было зафиксировано пятно могильной ямы, вероятно, Никона Рождественского. Исследование погребения показало, что оно принадлежит взрослому мужчине. Погребальный инвентарь не обнаружен. Захоронение было совершено в деревянном гробу, который на момент исследования сохранился в виде прослойки древесного тлена, расположенной непосредственно под костяком.

Останки были осмотрены на месте врачом судебно-медицинским экспертом высшей квалификационной категории С.А. Никитиным и антропологом М.В. Добровольской. По заключению судмедэксперта, возраст обнаруженного индивида — около 60—70 лет, что совпадает с возрастом смерти архиепископа. При сравнительном исследовании сохранившегося фотоизображения Никона и исследуемого черепа было выявлено 9 совпавших признаков, каждый из которых при совокупной оценке является индивидуальным. Таким образом, установлено, что обнаруженные костные останки, с высокой степенью вероятности являются останками архиепископа Никона (Николая Ивановича Рождественского).

Шейные позвонки погребенного лежали в анатомическом порядке, следов рубящих травм прослежено не было. Прижизненных переломов

костей и следов насильственной смерти также зафиксировано не было. Таким образом, слухи о насильственной смерти Никона Рождественского, или о смерти его в результате отсечения головы не подтвердились. Анатомический порядок не нарушен, смещение костей кисти и правой плечевой кости связано с тем, что могила была узкой. Узость могильной ямы косвенно подтверждает тот факт, что захоронение Никона Рождественского было тайным и было совершено зимой в спешке.

Следует отметить также то, что захоронение архиепископа Никона было совершено в непосредственной близости к месту погребения архимандрита Леонида (Кавелина). Со слов служителей Лавры известно, что архиепископ Никон просил похоронить себя рядом с архимандритом Леонидом. Археологические работы 2009 года, при которых было идентифицировано также место истинного погребения архимандрита Леонида (Кавелина), подтвердили, что просьба архиепископа Никона была исполнена. Таким образом, в ходе археологических работ было обнаружено истинное место погребения архиепископа Никона. После окончания археологических исследований, было совершено повторное захоронение его останков, и, впоследствии, надгробный памятник был перенесен на место истинного погребения архиепископа.

В результате проведенных работ была также частично установлена планиграфия участка некрополя у церкви Сошествия Святого Духа в Троице-Сергиевой лавре. Помимо архиепископа Никона, впоследствии надгробные памятники были установлены также на местах истинного погребения архимандрита Леонида (Кавелина) и архимандрита Афанасия.

Юркин И.Н.

**«Его облик нам здесь показывает искусство ...».
А.Д. Виниус: опыт реконструкции исторической
личности вне пространства событий**

Для многих жителей Средних веков почти все, что мы о них знаем, это события, с которыми они связаны в качестве действующих лиц или зрителей. Иногда что-то известно еще об их месте в социальной структуре, но нередко этим все и ограничивается. Если события значимые, а участие активное, исследователь испытывает естественное желание понять, что двигало героем, в меру сил реконструировать его личность. Но из чего приходится конструировать? Естественно, из сведений о со-

бытиях, поскольку иного не имеем. Можно, конечно, разработать контекст, провести параллели (что часто и делается), но все равно вместо личности получаем актора — функцию, обслуживающую события.

Обращаем на это внимание потому, что, длительно работая с кругом лиц, односторонне освещенных источниками, мы, как нам кажется, уступаем искушению смириться с этой ситуацией. Привыкнув, если можно так выразиться, к событийным источникам, других и не ищем. Забываем, что эти другие могут открыть перед исследователем если не принципиально новые, то, во всяком случае, немалые возможности для постижения личности.

Показать справедливость сказанного, надеемся, покажет небольшой эксперимент, который будет предпринят в этой статье. Начать движение к личности попробуем не от выстроенной по документальным источникам биографической хроники (прибыл/отбыл, построил/разрушил, купил/продал, женился/отправил жену в монастырь и т.д.), а от источников, по своей природе несобытийных.

Герой статьи Андрей Денисович Виниус — связанный с Россией и Нидерландами исторический деятель первой половины — середины XVII в. — личность достаточно известная. Давайте, однако, представим, что не знаем о нем почти ничего — только имя, приблизительное время жизни и две — три строки сведения словарной дефиниции. В такой исходной ситуации попробуем осмыслить три источника, привязанные к этому имени: два, живописный и гравированный, его портрета и литературный текст — стихотворение, помещенное под одним из них.

Два портрета — два образа. На живописном, кисти нидерландского художника Исаака Люттихейса (Isaack Luttichuys) — европейский любитель наук: мантия, небесный глобус, карта, циркуль. На гравированном, созданном его соотечественником Корнелисом Фишером (Cornelis Visscher), точно не европеец — в руках столбец с рукописным кириллическим текстом, на столе лист с печатью, в центре которой похожий на российский двуглавый орел). Род деятельности непонятен. Атрибуты — оружие, латный доспех, два бочонка, мешочки, толстая книга в потрепанном переплете — допускают различное толкование. Перечисленное можно производить, использовать, им или с его помощью можно торговать, и с каждым из действий связана своя деятельность.

Подпись под гравированным портретом (строка кириллической вязью и две ее перевода латиницей) сообщает имя портретированного и несколько проясняет то, что вычитывается из предметного ряда. Герой — статусное лицо в России, одновременно ее представитель

в Европе: «Его царского величества Российского государства комисариус московской гость». Факт комиссарства позволяет предположить, что изображенные объекты связаны с выполнением порученной миссии. Возможно, они являются предметом торговли.

Содержание портретов этим не исчерпывается. На обоих в руках у портретируемого предметы — на одном циркуль, на другом грамота с отчетливой датой. О чем они призваны сообщить? На гравированном портрете на некоторых предметах имеются цифры — каков их смысл? Ограничивая себя рамками названных источников, ответить на эти вопросы возможным не представляется.

Теперь стихотворение, автором которого является современник Виниуса нидерландский поэт Йост ван ден Вондел (Joost van den Vondel). По содержанию оно представляет собой панегирик Виниусу. Пересказать его, убрав поэтические красоты, трудно — свести к информации художественные образы часто не удается, аллюзии дешифруются с трудом. Впрочем, конкретная информация все же присутствует: упоминается о посылке Виниуса царем Алексеем Михайловичем в Гаагу к Генеральным Штатам, что отсылает нас к известному эпизоду в его биографии: поездке в Нидерланды в 1653—1654 гг. (Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641—1716. М., 2007. С. 59—67).

Вчитавшись в стихотворение, отмечаем, что оно подходит к обоим портретам. При этом к портрету живописному — даже больше, чем к графическому, к которому прикреплено. На изображенном на портрете Люттихейса небесном глобусе присутствует созвездие Большая Медведица. Находим ее и в первых строках стихотворной надписи: «Корона Москвы, взмывшая до небес, на которую сурово взирает Медведица со своими золотыми звездами, избрала Виниуса своим посланником...» (цитируем по подстрочнику, опубликованно И.М. Михайловой).

Почему приблизительно в одно время было создано два разных портрета Виниуса? Чем руководствовался их заказчик?

Начнем с утверждения, что один и тот же человек на портретах изображен в двух не соприкасающихся ипостасях — назовем их условно ипостасями любителя наук и коммерсанта. Сам факт существования портретов говорит о том, что обе были для Виниуса важны и им ценимы, поскольку отражали его представление о самом себе. В том, что касалось коммерции, доказывать это не нужно — успехи в предпринимательстве при ненависти или даже просто равнодушии к нему невозможны. О том, что и наука была ему не безразлична, говорит, на наш взгляд, присутствие большого количества

научной литературы в личной библиотеке, создание которой продолжал его сын. Литература по астрономии в ней присутствовала. А покупалось то, что было как минимум интересно.

Как уже говорилось, текст панегирического стихотворения может быть спроецирован на оба портрета. Нет, пожалуй, ни одной детали, которая бы не лежала на эти изображения. Но смысл, вычитываемый из них, при этом заметно различается. «Его облик нам здесь показывает искусство» (предпоследняя строка стихотворения Вондела). Чей облик — любителя наук, ученого или московского комиссара?

Нам неизвестно, было ли стихотворение Вондела сочинено в дар Виниусу или оно было создано на заказ. Судя, во-первых, по хорошему сопряжению с портретами, во-вторых, по общему хвалебному до переслащенности тону, вероятнее второе. Создается впечатление, что реалии, которые следовало в него включить, Виниус или предварительно отобрал и предоставил поэту, или, по мере необходимости, подсказывал их, корректируя его своенравную музу. И в том и в другом случае относительно личности Виниуса вывод делаем один: он был человеком как минимум честолюбивым, а вполне может быть, и тщеславным. Но, полагаем, портреты создавались не столько для самолюбования, сколько, и прежде всего, чтобы показать себя другим. Однако для разных общественных групп пребывание в статусе любителя наук и коммерсанта подразумевало отнюдь не одинаковый уровень социального престижа. Равноценными им образы себя для разных групп общества равноуважаемыми отнюдь не были. Отсюда вывод: портреты предназначались для разного зрителя. Больше того, это позволяет предполагать, что их создание — части одного проекта: проекта представления себя обществу через портреты.

Следующий шаг, следующий вопрос. К какому именно зрителю обращался Виниус? Образ любителя наук, несомненно, ему лично импонировал — иначе он бы не стал заказывать свой портрет в этом образе. Но кого он в таком виде мог восхитить или хотя бы удивить в России? Немногих. Полагаем, живописный портрет предназначался для друзей иностранцев, таких же, как и он, просвещенных любителей наук, а также ученых, с которыми он был здесь знаком и мнение которых о себе ценил. Не удивительно, что этот портрет так за границей и остался (или, побывав в России, вернулся в Европу).

Для русских был создан другой. Он еще более, чем первый, литературен, в смысле — более богат говорящими деталями. Но говорят они о другом: Виниус — крупный коммерсант, человек, близкий к власти, включая царя, высшее ее сосредоточение.

Обратим теперь внимание на предметы в руках портретируемого. На живописном портрете он держит циркуль, что позволяет предполагать, что перед нами не просто образованный человек, но человек, на практике применяющий научные знания, может быть, ученый. (А нет ли в звездном глобусе и циркуле намек на неизвестные нам морские путешествия Виниуса?)

Виниус на гравированном портрете держит в руках столбец с неким русскоязычным текстом. Что это за документ? Художник, кажется, протягивает нам руку помощи, любезно предлагая подсказку. Начало документа, пять награвированных его строк, содержат дату — 6 мая 7161 г.

Тут самое время отказаться от самоограничения на употребление видов источников и обратиться к связанным с этой поездкой документам, среди которых, имеем основание надеяться, существовал, документ с этой датой. Увы, такого не находим.

Комплект необходимых для поездки в Нидерланды документов, включая грамоту Генеральным штатам с просьбой разрешить посланцам покупки и «гарантийное письмо» на случай, если им придется занимать в пути деньги, был подготовлен в период с 22 по 26 марта 1653 г.; 27-го он были отправлены в Приказ Большой казны (РГАДА. Ф. 50. 1753. Д. 2). Очевидно, что в эти дни Виниус и отправлявшийся с ним И. Марсов были еще в России. Ближайший следующий датированный документ — отпуск указа о посылке иноземца Романа Болдвина «за море в немецкие окрестные государства к гостю к Ондрею Виниусу да к Ивану Марсову в помощь для своих государевых дел» датирован 29 июня того же года (Там же. Д. 3). Где в это время находились Виниус и Марсов — из него не ясно, но очевидно, что уже не в Москве — иначе помощника отправили бы с ними. Документ с датой 6 мая находится в середине трехмесячного интервала, не обеспеченного источниками. Это была какая-то важная грамота, нужная в поездке? Но весь комплект необходимых документов был подготовлен еще в марте. Представить, что Виниус задержался после этого на месяц с лишним, чтобы получить еще какую-то грамоту, трудно — среди сохранившихся мартовских отпусков присутствует, кажется, все, что нужно. В начале мая он находился или в пути, или уже в Гааге. Какую-то новую грамоту доставили ему уже туда? Такое быть могло, но не приходит в голову, что бы именно могли ему привезти. А документ был, несомненно, важным, причем не вообще, а лично для Виниуса — иначе он не допустил бы его изображения на портрете.

Предположение о том, что портрет Виниуса-коммерсанта предназначался для русского зрителя, косвенно подтверждает и то, что он — гравированный. Будучи тиражным, в отличие от живописного он мог распространяться. Тот факт, что эта гравюра сохранилась далеко не в единственном экземпляре, свидетельствует, что портрет расходился. Характерно, что Виниус не пошел на гравирование своего портрета в образе ученого, хотя это позволило бы ему сэкономить. Он создал специальный презентационный лист, на котором был представлен деловым человеком.

Приведем в этой связи параллель с участием его сына А.А. Виниуса в истории с печатанием в Голландии гравированного портрета царевны Софьи Алексеевны, содержавшего детали, вызывавшие у зрителя отчетливые политические аллюзии. Налицо совершенно аналогичный способ агитации и пропаганды посредством печатного слова и изображения. Не отцовский ли портрет подсказал сыну идею ввязаться в совершенно для России беспрецедентный проект, может быть, именно им, А.А., и задуманный?

Вернемся к вопросу, который уже задавали: чей облик — любителя наук, ученого или коммерческого агента московского государства — подразумевает словесный портрет, созданный в стихотворении Вондела?

Ответить на него означает выяснить последовательность появления рассматриваемых источников, а из нее предположить их связь и взаимовлияние. В одном случае эта связь бросается в глаза — имеем в виду Большую Медведицу на живописном портрете и в стихотворении Вондела. К сожалению, этот факт позволяет построить несколько объяснительных схем, допустимых в равной или почти равной степени. Мы уже допустили возможность того, что стихотворение, как и гравированный портрет, создавалось по заказу. Также не исключено, что Вондел, сочиняя его, был знаком только с живописным портретом (который в этом случае предшествовал гравированному), и, выполняя поставленную перед ним задачу, использовал красивый образ, запечатлевшийся в его памяти — символизировавшее Россию созвездие. (О том, что в Западной Европе Россию устойчиво ассоциировали с образом медведя — см. напр. Россомачин А.А., Хрусталева Д.Г. Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI—XVIII века) // **Границы: Альманах. Вып. 2: Иваново, 2008.** Изображение медведя нередко в оформлении европейских карт Московии.) Возможны, впрочем, и другие объединяющие события цепи: например, создание гравюры, далее стихотворения, далее живопис-

ного портрета, появление на котором небесного глобуса с Медведицей было вдохновлено в этом случае стихотворением. Выбор между вариантами требует дополнительных исследований.

Как видим, практически не выходя из границ не документальных источников, мы построили упрощенную, но непротиворечивую модель, отражающую некоторые черты личности героя. Не утверждая, что наша реконструкция верна, тем не менее, уверены, что большинство из использованных при ее создании логических переходов и умозаключений корректны. Будем надеяться, что последующие исследования укрепят нашу уверенность, и личность А.Д. Виниуса, реконструкцию которой обогащают сведения трех его портретов — двух живописных и одного литературного, — предстанет перед нами более живой и полнокровной.

Заключительное примечание.

Укажем на одну озадачивающую параллель: Большая Медведица на глобусе с портрета работы Люттихейса похожа на ее изображение в «Уранографии» Яна Гевелия, вышедшей в свет только в 1690 г. Из этого могут быть сделаны разные выводы. Например, тот, что портрет написан не в 50-х гг. XVII в., а позже (из чего может следовать, что изображенное на портрете лицо — не А.Д. Виниус). Тот, что принятая датировка портрета верна, но Медведица на нем появилось позже. Тот, что на глобусе изображена Медведица не из «Уранографии», а похожая на нее более ранняя.

Одного этого факта, впрочем, недостаточно, чтобы ставить под сомнение принятую датировку портрета и определение изображенного на нем лица. Практически такой же, как у Люттихейса, глобус с похожей Медведицей на обращенной к зрителю его стороне изображен на портрете Яна Гевелия работы Даниэля Шульца (из собрания Библиотеки Польской академии наук), датированном 1677 г. (Даже рисунок кистей рук на этих портретах схож, с той только разницей, левая у Виниуса, выдвинутого по отношению к глобусу вперед, в отличие от смещенного вглубь сцены Гевелия, лежит не на глобусе, а на столе.) Возможно, противоречие в датах будет устранено, если удастся выяснить источник изображения Медведицы на портретах. Но этот вопрос настолько далек от решаемого в этой статье (попытки прикоснуться к средневековой личности), что мы выносим его исследование за ее пределы.

Список сокращений

- БАН — Библиотека РАН
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих иудельных князей XIV—XVI вв.
ДР — Дворцовые разряды
ИА — Институт археологии РАН
ИАХМ «Новый Иерусалим» — Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»
ИРИ — Институт российской истории РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛТ — Угличский летописец (по списку Археографической комиссии)
МГОМЗ — Московский государственный объединенный музей-заповедник
МДА — Московская духовная академия
НААО НАЭ — Новгородский архитектурно-археологический отряд новгородской археологической экспедиции
ПБПВ — Письма и бумаги императора Петра Великого
ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными
ПКУУ — Писцовые книги Углического уезда
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПЭ — Православная энциклопедия
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив Древних актов
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РСН — Русское средневековое надгробие
СА — Советская археология
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел
СПБII — Санкт-Петербургский институт истории
УЛ — Угличский летописец
ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы
ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦЛ — Царе-Углический летописец
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете
ЯЕВ — Ярославские епархиальные ведомости

Сведения об авторах

Авдеев Александр Григорьевич (Москва) Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. avdey57@mail.ru

Аксенов Александр Иванович (Москва) ИРИ РАН

Алмазов Александр Сергеевич (Москва) Государственный академический университет гуманитарных наук. al.almazov@yandex.ru

Базарова Татьяна Анатольевна (Санкт-Петербург) СПБ ИИ РАН.
tbazarova@yandex.ru

Баранова Светлана Измайловна (Москва) Московский государственный объединенный музей-заповедник. svetlanbaranova@yandex.ru

Башинин Никита Викторович (Санкт-Петербург) СПБ ИИ РАН.
nvbashnin@gmail.com

Беляев Леонид Андреевич (Москва) ИА РАН. labeliaev@bk.ru

Беляков Андрей Васильевич (Москва) ИРИ РАН. feb@ru.ru

Белякова Елена Владимировна (Москва) ИРИ РАН. elbel@list.ru

Биланчук Роман Павлович (Вологда) Вологодский государственный университет. bilanchuk@yandex.ru

Васильева Елена Евгеньевна (Москва) ИА РАН. veda_lv@mail.ru

Виноградов Александр Вадимович (Москва) ИРИ РАН.

Глазунова Ольга Николаевна (Москва) ИА РАН. olga-glazunova2007@yandex.ru

Гуськов Андрей Геннадьевич (Москва) ИРИ РАН. 11—01@bk.ru

Денисов Сергей Александрович (Москва) ИА РАН. densera@yandex.ru

Добровольская Мария Всеволодовна (Москва) ИА РАН. mk_pa@mail.ru

Елкина Ирина Игоревна (Москва) ИА РАН. ira-elkina@yandex.ru

Капитонова Мария Анатольевна (Москва) ИА РАН. mariya-kapitonova@yandex.ru

Коробов Дмитрий Сергеевич (Москва) ИА РАН. dkorobov@mail.ru

Кочегаров Кирилл Александрович (Москва) ИСЛ РАН.
kirill-kochegarow@yandex.ru

Курицын Максим Александрович (Москва) ИА РАН. maxmrak@mail.ru

Курмановский Владимир Сергеевич (Москва) ИА РАН. kurmanovskiy@mail.ru

Лаврентьев Александр Владимирович (Москва) НИУ ВШЭ. laurentius@list.ru

Ларюшкин Олег Викторович (Москва) ИРИ РАН. laryuschkin@yandex.ru

Лисейцев Дмитрий Владимирович (Москва) ИРИ РАН. liseitsev@mail.ru

Малов Александр Витальевич (Москва) ИРИ РАН. supilluliuma@yandex.ru

Медникова Мария Борисовна (Москва) ИА РАН. medma_pa@mail.ru

Менделеева Дарья Сергеевна (Москва) ИМЛИ РАН. delta1974@list.ru

Морохин Алексей Владимирович (Нижний Новгород) Национальный исследовательский Нижегородский университет имени Н.И. Лобачевского Институт международных отношений и мировой истории. alexmorohin@yandex.ru

Новохатко Ольга Владимировна (Москва) ИРИ РАН. 1808845@mail.ru

Ноздрин Олег Яковлевич (Орел) Орловского филиала РАНХиГС. olfont@yandex.ru

Опарина Татьяна Анатольевна (Москва) РАЖВиЗ. t-a-opart@yandex.ru

Панченко Константин Иванович (Москва) ИА РАН. pakoi@mail.ru

Преображенская Анастасия Александровна (Москва) НИУ ВШЭ. siam16@rambler.ru

Решетова Ирина Константиновна (Москва) ИА РАН. reshetovairina@yandex.ru

Рогожин Николай Михайлович (Москва) ИРИ РАН. nmrogozhin@gmail.com

Романова Анастасия Анатольевна (Санкт-Петербург) БАН. anastasiya_roman@mail.ru

Савельев Никита Игоревич (Москва) ИА РАН. barbarossa-84@mail.ru

Старицын Александр Николаевич (Москва) ИНИОН РАН. profitens@rambler.ru

Тарасова Анна Анатольевна (Москва) ИА РАН. taa-volga@yandex.ru

Тимошина Людмила Алексеевна (Москва) Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео». timochalud@yandex.ru

Устинова Ирина Александровна (Москва) ИРИ РАН. ilustinova@yandex.ru

Фельдман Дмитрий Захарович (Москва) РГАДА. dzfeldman@rambler.ru

Ченцова Вера Георгиевна UMR 8167 Orient et Méditerranée / Monde byzantin. graougraou@hotmail.com

Чеснокова Надежда Петровна (Москва) ИВИ РАН. npchesn@mail.ru

Чумичева Ольга Валерьевна (Санкт-Петербург). bening@mail.ru

Шамин Степан Михайлович (Москва) ИРИ РАН. shaminy@mail.ru

Шведчикова Татьяна Юрьевна (Москва) ИА РАН. tashved@gmail.com

Энговатова Ася Викторовна (Москва) ИА РАН. engov@mail.ru

Юркин Игорь Николаевич (Москва) ИИЕТ РАН. ig-yurkin@yandex.ru

Содержание

<i>Беляев Л.А., Рогожин Н.М.</i> Средневековая личность в письменных и археологических источниках: новые горизонты.....	3
<i>Авдеев А.Г.</i> Vir in Pace et Bello magnus эпохи барокко: эпитафия Франциску Лефорту	8
<i>Аксенов А.И.</i> А.И. Мусин-Пушкин и Тмутараканский камень: общество и наука в XVIII в.	12
<i>Алмазов А.С.</i> Значение отношений украинского гетмана Ивана Самойловича с родственниками для реконструкции его политического портрета.....	15
<i>Базарова Т.А.</i> За что судили Суду? Превратности судьбы переводчика Посольской канцелярии	21
<i>Баранова С.И.</i> Мастера позднесредневековой Москвы: к реконструкции «креативного слоя» предпетровской эпохи.....	28
<i>Бащин Н.В.</i> Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон: личность и карьера	34
<i>Беляев Л.А.</i> Три жизни Андрея Рублева: к проблеме реконструкции средневековой личности.....	40
<i>Беляев Л.А.</i> Эпитафия сына Хинрих Келлермана и другие находки надгробий иноземцев в Московии, сделанные в 2010-х годах.....	46
<i>Беляков А.В., Морохин А.В.</i> Протопоп Даниил Темниковский —судьба провинциального «боголюбца» середины XVII в.	47
<i>Белякова Е.В.</i> К проблеме изучения биографий справщиков Московского печатного двора эпохи церковных реформ XVII в.: Шестак Мартемьянов и Захарий Афанасьев.....	53
<i>Биланчук Р.П.</i> «Аще кто о том хочет знати, ниже последствующее да прочитает»: автобиографические записки вологжанина Матвея Стефанова сына Жданова (1661—1736?).....	58
<i>Васильева Е.Е.</i> Вопросы соответствия погребальных сооружений и статуса погребенного (на примере некрополя Московской духовной академии)....	64
<i>Виноградов А.В.</i> Иван Судаков-Мясной и его вторая миссия в Крым	69
<i>Глазунова О.Н.</i> Первые строители Нового Иерусалима: археологические свидетельства	79
<i>Гуськов А.Г.</i> Думный дяк Е.И. Украинцев: проблема обеспеченности источниками истории жизни приказного служащего второй половины XVII в.	83
<i>Денисов С.А., Глазунова О.Н.</i> Погребение полковника В.Е. Жаворонкова в Ново-Иерусалимском монастыре.....	89

<i>Добровольская М.В., Решетова И.К.</i> Петр Калнышевский — исторические источники и антропологическая экспертиза	91
<i>Елкина И.И., Беляев Л.А.</i> Романовы, Черкасские, Сицкие... Остатки некрополя в Знаменской церкви Новоспасского монастыря	92
<i>Капитонова М.А., Беляев Л.А.</i> Некрополь Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря: опыты восстановления истории и персонального состава	98
<i>Коробов Д.С.</i> Археологические, исторические и естественнонаучные критерии изучения личностей среди аланских племен Северного Кавказа	105
<i>Кочегаров К.А.</i> Литовский дипломат Иосиф Лядинский и его роль в русско-польских отношениях 1680-х — первой половины 1690-х гг.	109
<i>Курмановский В.С., Савельев Н.И., Беляев Л.А.</i> Сколько у нас Юрьев? Ономастический комментарий к берестяной грамоте Москва-4/2015	121
<i>Лаврентьев А.В.</i> Мария Александровна Тверская, великая княгиня московская: семейные связи по памятникам московского искусства XIV в.	124
<i>Ларюшкин О.В.</i> Социальный портрет иностранных военнопленных вступивших в число городских обывателей Москвы XVIII вв.	127
<i>Лисейцев Д.В.</i> Думный дьяк Иван Грамотин: семья, хозяйство, внутренний мир.....	131
<i>Малов А.В.</i> Itinerarium одного служилого человека Смутного времени: per aspera ad astra или карьера от новгородского новика до второго судьи Поместного приказа (Яков Михайлович Боборыкин)	137
<i>Медникова М.Б., Елкина И.И., Тарасова А.А., Беляев Л.А.</i> Портрет «боярыни» XVI в. по данным биоархеологии.....	144
<i>Менделеева Д.С.</i> Два суда за Ростовское озеро: древнерусский человек в судебном споре	149
<i>Новохатко О.В.</i> Начальник Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов в делопроизводственных документах и частной переписке.....	154
<i>Ноздрин О.Я.</i> Всюду или никуда: поступки, приключения, подвиги полковника Уолтера Уайтфорда, роялиста.....	162
<i>Опарина Т.А.</i> Два Николая Мамгуселима — две судьбы «греческих» иммигрантов в России первой половины XVII века.....	169
<i>Панченко К.И.</i> Игуменья Богоявленского монастыря г. Углича Анастасия в свете исторических и археологических данных	172
<i>Преображенская А.А.</i> К интерпретации одной духовной грамоты второй половины XVII века: частная жизнь Симеона Полоцкого	178
<i>Решетова И.К.</i> Святой Феоктист Новгородский: опыт идентификации останков.....	183
<i>Романова А.А.</i> Личность хранителя святыни в сказаниях о создании монастырей.....	185
<i>Савельев Н.И., Беляев Л.А.</i> «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV—XVII веках ..	188

<i>Старицын А.Н.</i> Священноигумен Досифей с Тихвины Николы Беседного монастыря	192
<i>Тимошина Л.А.</i> Иван Андреевич Шергин: штрихи к портрету	196
<i>Устинова И.А.</i> Церковные реформы XVII века в зеркале биографии: Суздальский архиепископ Стефан перед судом трех соборов	202
<i>Фельдман Д.З.</i> Придворный врач Даниил Фунгаданов: между иудаизмом и христианством (по материалам Аптекарского приказа)	208
<i>Ченцова В.Г.</i> Данил Калугер/Даниил Грек/Даниил Оливеберг: неизвестные страницы биографии политического агента эпохи Богдана Хмельницкого	215
<i>Чеснокова Н.П.</i> Анания Византиец и Иоанникий Ласкарис в просопографии синайских архиепископов	219
<i>Чумичева О.В.</i> Соловецкие пустыnnики XVII века Никифор, Тимофей и Дамиан: восстановление биографии на основе легендарного нарратива	223
<i>Шамин С.М.</i> Мученик за старую веру Акинфий Сычев (Сысоев) и его историософские взгляды	227
<i>Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Решетова И.К., Тарасова А.А., Шведчикова Т.Ю., Васильева Е.Е., Панченко К.И.</i> История идентификации ректоров, преподавателей и студентов Московской духовной академии при раскопках Академического некрополя	234
<i>Энговатова А.В., Добровольская М.В., Медникова М.Б., Васильева Е.Е., Курицын М.А.</i> История идентификации архиепископа Никона Рождественского в процессе археологических раскопок у церкви Сошествия Святого Духа в Троице-Сергиевой лавре	240
<i>Юркин И.Н.</i> «Его облик нам здесь показывает искусство ...». А.Д. Виниус: опыт реконструкции исторической личности вне пространства событий	243
Список сокращений.....	250
Сведения об авторах.....	251

Научное издание

**Средневековая личность в письменных и археологических
источниках**

Материалы международной научной конференции

Москва, 13—14 октября 2016 г.

Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 21.12.2015

Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonTT.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 17,2.

Тираж 300 экз. Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ООО «Клаб Принт»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 1

Тел.: +7 (495) 669-5009

9 785805 503086